

Р. С. МОИСЕЕВ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД**

Рецензенты: Корчагин Ю. В., д.и.н., профессор, КПИ

Коломийцев Ф. И., к.э.н., профессор, КГАРФ

Латкин А. С., д.т.н., профессор, НИГТЦ ДВО РАН

Моисеев Р. С.

Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 189 с.

В книге рассмотрены экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период конца XX века. Показаны глобальные аспекты проблемы. Рассмотрены отдельные положения типологии народов Севера и особенности традиционного природопользования. Показаны особенности создания систем традиционного природопользования в России.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся исследованиями проблем развития коренных народов.

Moiseev R. S.

The economic problems of development of the indigenous peoples of the Russian North in transitional period at the end of the XX-th century. – Vladivostok: Dal'nauka, 1998. – 189p.

Economic problems of development of the indigenous peoples of the Russian North in transitional period at the end of the XX-th century are discussed in the book. Global aspects of the problem are touched upon. Some typological problems of the minor peoples of the North and peculiarities of traditional nature management are discussed. Peculiarities of creation of the system of traditional nature management in Russia are shown.

The book is addressed to specialists studying problems of development of the indigenous peoples.

Предисловие	_____
Глава 1. Проблемы развития экономики народов Севера России	_____
1.1. Постановка проблемы Методологические подходы	_____
1.2. Глобальные аспекты	_____
1.3. «Переходный период в России конца XX века	_____
1.4. Основные подходы к управлению развитием народов Севера России	_____
Глава II. Некоторые общие положения	_____
2.1. Народы Севера России как объекты управления их развитием	_____
2.2. Источники жизнеобеспечения	_____
2.3. Типология народов Севера России по укладу жизни	_____
2.4. Субъекты общественных отношений, связанных с развитием народов Севера	_____
Глава III. Основные понятия	_____
3.1. Территории традиционного природопользования	_____
3.2. Субъекты традиционного природопользования	_____
3.3. Особенности сочетаний традиционного и нетрадиционного природопользования	_____
Глава IV. Особенности собственности на природу у народов Севера	_____
4.1. Постановка вопроса	_____
4.2. Соотнесение понятий природа и общество	_____
4.3. О содержании собственности на природу	_____
Глава V. Особенности выделения территорий традиционного природопользования народов Севера России	_____
5.1. Субъект прав на территорию традиционного природопользования	_____
5.2. Объект прав на территорию традиционного природопользования	_____
5.3. Правовые аспекты	_____
Выводы	_____
Заключение	_____
Список литературы	_____

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы развития народов Севера России относятся к наименее изученным в обществоведении, что объясняется многими факторами. Численность народов Севера мала, и в населении России занимает незначительную долю. Народы рассредоточены по огромным пространствам с резко ограниченными природными условиями для проживания. Значение экономики народов Севера в мировой экономике и экономике государств, в которые они оказались вмещёнными (СССР, а впоследствии России), практически ничтожно. Незначительна роль народов Севера и в политических процессах. В связи с этим понятны отсутствие материальных и ограниченность духовных стимулов к изучению проблем развития народов и разработке репрезентативных методов управления их развитием. Тем более, что проблемы развития народов Севера специфичны, требуют особых подходов для изучения и решения, а также значительных затрат времени и средств.

В то же время, продвигаясь на Север за дефицитными природными ресурсами, российская экономика вносит значительные экологические изменения в природную среду обитания народов и социально-экономические преобразования в их жизнедеятельность. Современные социальные и гуманистические стереотипы, сложившиеся в мировом обществе, обуславливают необходимость хотя бы декларирования политики, направленной на сохранение народов необходимость государственного участия в их социально-экономическом развитии; приводит к провозглашению политики сотрудничества, партнерства государства с народами Севера.

Эти проблемы, общие для человечества, имели специфичный характер в СССР, что было обусловлено особенностями исторически оригинального опыта построения нового общественного строя, ориентированного на приоритеты социальной справедливости, но создаваемого в условиях гипертрофированной государственной централизации в сферах экономики, политики, идеологии. В этот период были выработаны определённые методы управления развитием народов Севера СССР, хотя специфика проблем их развития не была достаточно познана и недостаточно учитывалась практикой.

Принципиально изменились проблемы развития этих народов в 1990-е годы. Причина таких изменений не только в том, что народы Севера оказались в составе другой страны, России, экономические возможности и потребности которой существенно иные, чем у

СССР. Не меньшее, а скорее – большее значение имеет смена общественного строя, социальных и экономических приоритетов, идеологических императивов, государственной политики в отношении северных районов. Эти изменения радикально изменили характер общественного развития страны в целом, северных районов и народов Севера. Возникла необходимость перехода от ранее сформировавшихся теоретических и методологических воззрений на проблематику народов Севера («хороши» или «плохи» были эти воззрения – отдельный вопрос) к новым, адекватно отражающим новые общественные реалии. Не меньше и практическая необходимость разработки предложений по управлению развитием народов Севера, соответствующих изменившимся условиям.

В 1990-е годы в России радикально меняется ситуация в отношениях собственности и, в первую очередь, на природные ресурсы – основу традиционных для народов Севера видов хозяйства. Динамично преобразуются в пока ещё не определившихся направлениях системы ценообразования, налогообложения, трудовых отношений, социального обеспечения и другие системы, на развитии которых отражаются не только процессы общественно-формационного характера, но и противоречивые идеологические послы, и спонтанно применяемые нерепрезентативные методы.

Параметры «переходного периода», «курса реформ», переживаемого Россией, пока ещё теоретически не определены, правовым образом не закреплены и в повседневной действительности подчинены не заявленным официально приоритетам и быстро меняющейся конъюнктуре. Не установив хотя бы в общих чертах, из какого состояния, в какое состояние, с какой системой целей и задач, какими темпами, в каких формах, какими методами осуществляется «переходный» процесс в целом, невозможно конструктивно судить и о возможном развитии частных в его составе процессов, включая развитие народов Севера.

Из всего многообразия проблем развития народов Севера в данной работе рассматриваются только проблемы экономики этих народов как сферы, обеспечивающей материальные основы их жизнедеятельности. Этим обусловлены рамки, в которых формируется круг исследуемых вопросов.

Логика исследования, которой соответствует и структура работы, сориентирована на рассмотрение общей экономической проблематики развития народов Севера. Только базирясь на выводах таких исследований, можно переходить к целенаправленному решению частных задач, касающихся развития отдельных народов Севера, их отдельных территориально-этнических групп, отдельных сфер жизнедеятельности.

Прежде всего, обращено внимание на связь процессов общественного развития народов Севера России с процессами развития других малочисленных народов мира, отставших

в общественном развитии от народов, сформировавших вместилища их государства. Рассматривается также названная выше проблематика «переходного» периода, переживаемого российским обществом в 1990-е годы, с целью оценки возможных вариантов развития народов Севера в той системе неопределённостей, которые порождает этот период.

Обращено внимание на большое социально-экономическое и культурно-этническое разнообразие народов Севера России, связанное с различием естественных условий и природных ресурсов, а также с особенностями сложившихся в районах их проживания социально-экономических комплексов. На Севере России представлены многочисленные хозяйственные уклады народов, сформировавшиеся на базе оленеводства, охотничьих, рыбных и зверобойных промыслов, комплексного сельского и промыслового хозяйства в зонах наиболее активных переселений и др. Здесь отмечены достаточно устойчивые по месту проживания и разнообразные по этническому составу группы народов Севера, проживающие в отдалённых национальных сёлах, в крупных сёлах и посёлках, сформировавшихся на базе крупных совхозов, промышленных предприятий и районных центров, в городах. В связи с этим народы Севера оказались устойчиво дифференцированными по укладу жизни, социально-демографическим характеристикам, социальным установкам, источникам доходов.

На Севере представлены типы природопользования в широком диапазоне, от зон со статусом особо охраняемых природных территорий (заповедников, заказников, природных парков и т.п.) и территорий с традиционным для народов Севера собирательским освоением биологических природных ресурсов до агломераций и крупнейших горнопромышленных и других производственных комплексов с интенсивно хозяйственно освоенной и антропогенно изменённой природной средой. Такое разнообразие предполагает рассмотрение проблематики развития народов Севера в широком типологическом диапазоне.

В работе подробно освещается также наиболее специфичный в современной проблематике управления развитием народов Севера блок проблем, связанный с применением широко обсуждаемого в последнее десятилетие явления «традиционного природопользования». Рассмотрено основное содержание и целевой блок этого явления. Выявлены особенности формирующихся при его применении отношений собственности, в первую очередь, отношений собственности на природу, а также проблематика выявления основных категорий, связанных с формированием этих отношений.

Результаты анализа названных проблем общего характера доводятся до уровня достаточно определённых формулировок, что может оказаться полезным при подготовке практических решений.

Автор выражает признательность д.и.н. Корчагину Ю. В., д.ф.н. Сердюкову Ю. М., к.э.н. Авдееву Ю. А., проф. Д. Коэстеру за полезные замечания к предлагаемой Вашему вниманию работе. Автор благодарен также к.ф.н. Петрашевой В. В., Бурковой Т. Р., Новиковой О. О. за помощь в сборе и обработке материалов и оформлении рукописи.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ НАРОДОВ СЕВЕРА

РАЗДЕЛ 1. 1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

К народам Севера России официально отнесены ненцы (самоеды, юроки, пянхасаво), ханты (остяки), манси (вогулы), эвенки (тунгусы), чукчи, коряки, долганы, селькупы (остяки-самоеды), саамы (лопари, лапландцы), юкагиры (огулы), энцы (енисейские, карасинские самоеды), чуванцы (этели), нганасаны (тавгийские, авамские, вадеевские, таймырские самоеды; тайгийцы), нанайцы (гольды, самагиры), негидальцы (амгунцы, негда, элькон бэйнзин), удэгейцы, ороки (ульта), орочи (нани), эскимосы, ульчи (ольчи, нани), тофалары (карагасы), кетье (енисейцы, енисейские остяки), ительмены, эвены (ламуты, орочи, орочены, орочелы), нивхи (гиляки), алеуты, шорцы, телеуты, кумандинцы [17, 91, 95, 131]. В этом перечне вне скобок приведены правовым образом закрепленные, а в скобках – прежние названия и самоназвания этих народов, ранее встречавшиеся в литературе. Причём в литературе к народам Севера на разных основаниях относят или не относят также тазов, кереков, алюторцев, камчадалов и другие народы, предлагаются уточнения названий, отдельные группы населения относят к разным народам, но, поскольку дискуссии по этим вопросам, имея важное этнографическое, антропологическое, лингвистическое значение, не имеют принципиального значения для характеристики интересующих нас общих экономических проблем развития народов Севера, мы останавливаемся на официально утвержденном перечне этих народов.

Общая численность народов Севера России по данным переписи населения СССР 1989 года (с учетом изменения перечня этих народов в 1993 году) составила около 210 тыс. чел. Динамика их численности за период между переписями населения СССР 1959 г. и 1989 г. приведена в таб. 1.

Проживает это население локальными группами, дисперсно рассредоточенными по огромной территории, составляющей более 2/3 территории России. Вследствие этого многие из них оказались проживающими в разных административно-территориальных и национально-территориальных образованиях, являющихся субъектами Федерации. В некоторых из субъектов Федерации народы Севера являются титульными нациями, нигде не составляя большинства населения (таб. 2).

Таблица №1

**Динамика численности народов Севера
по России по данным переписи населения
СССР 1959, 1970, 1979, 1989 гг.**

Название народа Севера	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Алеуты	421	441	546	644
Долганы		4877	5053	6584
Ительмены	1109	1301	1370	2429
Кеты	1019	1182	1122	1084
Коряки	6287	7487	7879	8942 ²
Манси	6449	7710	7563	8279
Нанайцы	8026	10005	10516	11883
Нганасаны	748	953	867	1262
Негидальцы		537	504	587
Ненцы	23007	28705	29894	34190
Нивхи	3717	4420	4397	4631
Ороки				391 (179) ⁴
Орочи	782	1089	1198	671 (883) ⁴
Саами(ы)	1792	1884	1888	1835
Селькупы	3768	4282	3565	3564
Тофалары	586	620	763	722
Ульчи	2055	2448	2552	3173
Удэгейцы	1444	1469	1551	1902 ³
Ханты	19410	21138	20934	22283
Чуванцы				1384
Чукчи	11727	13597	14000	15107
Эвенки	24710	25149	27294	29901
Эвены	9121	12029	12523	17055
Энцы				198
Эскимосы	1118	1308	1510	1704
Юкагиры	442	615	835	1112
В С Е Г О:	133155	153246	158324	180213

Дополнительно с 1993 года

Кумандинцы ⁵	~ 10000 ¹
Телеуты ⁵	~ 3500
Шорцы ⁵	~ 15745
ВСЕГО:	~29245

Примечание:

1. Кумандинцы учтены вместе с челканцами и тубаларами. По переписи 1989 г. были включены в число алтайцев.
2. Коряки учтены вместе с керекями (~100 чел. Магаданская обл.) и алыторцами (~200 чел. Корякский АО).
3. Удэгейцы учтены вместе с тазами.
4. Оспаривается причисление к орочам или орокам 212 жителей Сахалинской обл.
5. Включены в перечень народов Севера с 1993 г.

Таблица № 2

Численность и расселение народов Севера России по данным переписи населения СССР 1989 г.

(Составлено по приложению к проекту Закона РФ «Основы правового статуса малочисленных народов Российской Федерации», 10.06.1992 г., Верховный Совет РСФСР, первое чтение)

[illegible]

Народы Севера России дифференцированы по природным условиям проживания. Проживая не только в районах, по комплексу объективных признаков относимых официально к районам Крайнего Севера, приравненных к районам Крайнего Севера, но и в районах, не отнесенных к северным, они проживают в разных ландшафтных зонах, среди которых представлены побережье арктических морей, арктическая тундра, лесотундра, тайга, смешанные леса, равнины, горы. С разнообразием вмещающих ландшафтов и другими особенностями, обуславливающими разнообразие природно-ресурсной базы, связана дифференциация народов Севера по сочетаниям жизнеобеспечивающих традиционных отраслей хозяйства. Среди них основными являются, сохраняя свое значение до настоящего времени, морской рыбный и зверобойный промысел, речной и озёрный рыбный промысел, мясное оленеводство, транспортное оленеводство, охотничий промысел, сбор и заготовка дикоросов. В соответствии с особенностями природно-ресурсной базы и спецификой приоритетных отраслей хозяйства народы Севера в исторически недавнем прошлом были дифференцированы на проживающих кочевым и оседлым жизненным укладом. До последнего времени эта дифференциация сохранялась только в производственной сфере, но с началом «переходного» периода стала возвращаться и в сферу жилую.

Народы Севера России дифференцированы также по местам проживания, среди которых есть однопациональные сёла, многонациональные сёла, поселки, рабочие поселки, города, резко различающиеся по градообразующей базе, инфраструктуре, численности населения и его социально-демографической и национальной структуре, социальным и экономическим условиям проживания и т.п. [94, 102]. Под воздействием этих факторов народы Севера дифференцированы и по роду занятий, укладу жизни, уровню обеспеченности и другим социально-экономическим и демографическим признакам.

Различаются, наконец, народы Севера и в этнографическом и языковом отношении, например, на народы финской, угорской, самоедоязычной (самодийской), тунгусо-манчжурской, тюркской, эскимосо-алеутской семей, палеоазиатские народы [131, 155]. Необходимо иметь в виду, однако, что многие из таких подразделений достаточно условно соответствуют современной социально-экономической и национально-демографической структуре населения, относимого к народам Севера, и не совсем точно отражают этнографическую географию районов Севера в ретроспективе. В прошлом, и даже относительно недавнем прошлом, в результате сложных этнических и иных процессов на Севере (хотя народы Севера и относят к народам устойчивым, не развивающимся) происходили поглощения, ассимиляции народов и этнических групп, метисизация, перемещение народов на значительные расстояния, смены типов хозяйствования и другие изменения, существенно

менявшие этнографическую ситуацию в целом на Европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке.

При всем разнообразии природных, социально-экономических и национально-этнических условий народам Севера России присущи общие отличительные системообразующие признаки, позволяющие рассматривать их, выделяя из остальных народов России и объединяя с другими народами мира определенных типов.

Не создавая крупных этнических и межэтнических образований, эти народы проживают раздельными мелкими этническими группами (территориальными общностями), включёнными дисперсно в ареалы проживания и сферы социально-экономического и политического воздействия крупных этносов и суперэтносов, организованных в государства. Признаком, позволяющим объединять эти народы в один тип, является представление о нахождении их в некоем общем для них абстрактном общественном состоянии, на некоей общей стадии развития (общественного, этнологического или цивилизационного – отдельный вопрос, рассматриваемый ниже).

Эти народы занимают своей хозяйственной деятельностью относительно большие территории с малой плотностью заселения. Способ производства – собирательское использование резко ограниченного естественными воспроизводственными возможностями количества видов возобновляемых биологических ресурсов на территории проживания, с ландшафтами которой они находятся в состоянии экологического равновесия. Эти территории и народы подвергаются возрастающей экономической, а вслед за тем социальной, политической, демографической, экологической экспансии со стороны крупных этносов, включивших их в свои государственные образования. В результате такой экспансии, в большей или меньшей мере различающейся по целям, содержанию, формам, методам, темпам и другим признакам, народы Севера в большей или меньшей мере меняют траектории и темпы развития.

Таким образом, развитие этих народов происходит под воздействием комплекса специфических факторов, в системе специфичных проблем, по специфичным закономерностям, что позволяет выделить их изучение в отдельное научное направление. В литературе проблемы развития народов Севера назывались неоднократно. К ним относили проблемы развития культуры в широком понимании этого слова, развитие культуры в узком смысле слова, вплоть до отдельных видов искусства, проблемы языковые, демографические, образования и здравоохранения, социального и экономического развития, вплоть до проблем развития отдельных отраслей хозяйства, проблемы экологии, формирования расселения, развития систем жизнеобеспечения и т.п.

Наша задача – рассмотрение некоторых общих проблем экономического развития народов Севера России в небольшой по продолжительности, переломный период развития страны в целом, отличающийся конкретными общественно-историческими условиями, позволяющими называть его «переходным периодом». Развитие экономики народов Севера рассматривается, как правило, по направлениям, важным для обоснования практических решений в конкретных ситуациях. В связи с этим большая часть экономических исследований посвящена рассмотрению важных, но узких проблем развития отдельных этнических сообществ и групп, отдельных хозяйств, отраслей, территорий, освоения отдельных видов природных ресурсов. Нами рассматриваются только общие проблемы экономического развития народов Севера России, определяющие характер развития экономики в целом, и ее элементов, и зависящих от нее других сторон жизнедеятельности.

Развитие экономики народов Севера России рассматривается при этом как специфичное развитие системы производительных сил и производственных отношений, формирующейся в процессе жизнедеятельности небольших по демографическому, социальному и экономическому потенциалу целостных этнических общностей, жизнеобеспечение которых в исторически недавнем прошлом обеспечивалось собирательским освоением биологических ресурсов ландшафтов (экосистем), вмещающих эти общности и их совокупности, а в настоящее время включённых в государственные образования с экономикой индустриального и постиндустриального уровня.

В связи с этим современные проблемы развития Экономики народов Севера России рассматриваются как проблемы развития сложного процесса. Во-первых, это проблемы природопользования, понимаемого как пользование такой этнической общностью природными ресурсами, всей природной средой вмещающего эту общность природного комплекса в формах, вырабатывающихся в процессе приспособления к взаимодействию с высоко-развитой товарной экономикой («рыночной экономикой»). Во-вторых, это проблемы развития экономики таких этнических общностей под прямым или косвенным, поддерживающим или разрушающим воздействием внешних для них социальных и экономических структур, в том числе в форме государственных субсидий, льгот и т.п.

Развитие проблем экономики народов Севера России в вышеприведенном понимании может быть разделено на следующие этапы.

1. Проблемы развития экономики народов Севера в естественном, эволюционном процессе до колонизации этих народов Российской империей, до вовлечения их в сферу постоянных воздействий со стороны набирающего экономическую мощь государства, со стороны крупного этноса, интенсивно развивающегося по своим траекториям обществен-

но-исторических, социально-экономических, в том числе и природопользовательских процессов [8, 9, 15, 36, 37, 132].

2. Проблемы развития экономики этих народов с XVI - XVIII вв. до 1920-х годов, когда они продолжали развиваться в гомеостатическом равновесии с окружающей природной средой. Их экономика оставалась базирующейся на собирательской форме пользования биологическими ресурсами вмещающего ландшафта. Интенсифицировалось вовлечение в товарообмен, как правило – неэквивалентный. Постепенно спонтанно в экономику народов Севера проникали простейшие технические средства и методы хозяйствования, заимствованные у колонизирующих народов, но легко включаемые в традиционный способ производства. Распространялись ранее несвойственные народам Севера болезни и другие негативные последствия общения с колонизирующим этносом. Существенно ухудшалась демографическая обстановка [15, 19, 132].

3. Проблемы экономики в период с 1920-х до начала 1990-х годов, когда народы Севера развивались под всесторонним интенсивным непрерывным социально-экономическим, политическим, идеологическим воздействием суперэтноса, складывавшегося в СССР в условиях формирования нового для практики человечества общественного строя. Происходило резкое организационное, научно-техническое, технологическое, кадровое и касающихся других направлений переустройство экономики народов Севера, принципиально оставшейся основанной на вовлечении в хозяйственный оборот биологических ресурсов окружающих природных комплексов. Радикально переустраивались системы расселения, бытового и торгового обслуживания, образования и здравоохранения; радикально менялся уклад жизнедеятельности и характер личных потребностей. В районах проживания народов Севера развивались крупномасштабные индустриализованные производства; происходило интенсивное заселение приезжим из европейской зоны страны населением; оказывалось заметное техногенное и антропогенное разрушающее воздействие на природную среду. Возрастало устойчивое, с противоречивыми последствиями субсидирование жизнедеятельности народов Севера из государственного бюджета [16, 25, 78, 87, 140].

4. Проблемы экономики, возникшие в 1990-е годы, обусловлены резкими изменениями общественного строя, социально-экономических факторов развития, идеологической и культурной сферы, правовых и государственно-строительных основ жизнедеятельности в России.

Рассмотрению проблем трёх первых этапов посвящена обширная отечественная и зарубежная литература. Что касается общих закономерностей и специфичных особенностей, характерных для четвёртого периода, то они освещены недостаточно [25, 138, 139]. В то же

время для принятия практических решений, адекватных реальному состоянию и тенденциям развития народов Севера, необходим не только достаточно полный ретроспективный анализ и выявление исторической преемственности событий, но и рассмотрение современной ситуации и современных тенденций, обращённых в будущее.

В связи с этим в этой работе, несмотря на учёт исторического анализа, основное внимание обращено на рассмотрение главных современных факторов, определяющих развитие экономики народов Севера.

* * *

При определении методологической основы изучения экономических проблем развития народов Севера России были рассмотрены несколько концептуальных подходов к изучению развития народов, этносов, человечества, с задачей обеспечить адекватность применяемой системы методов особенностям исследуемой проблематики.

К теме нашего исследования оказались неприменимыми, в качестве основных, антропологический и этнографический подходы, ориентированные в совокупности на изучение человеческих общностей в широком видовом разнообразии проблем, но со специфичным набором их особенностей и временных масштабов развития.

Неприменим в полной мере и исторический подход, ориентированный на описание прошлого в развитии народов как на последовательное изложение взаимосвязанных фактов, имевших место достаточно давно и уже получивших разностороннюю оценку, поскольку такой подход недостаточно эффективен при прогнозировании предстоящих событий без привлечения дополнительных методов.

Нельзя также в полной мере воспользоваться методологическими подходами, концептуально основанными на подразделении человеческого общества по характеру общественного развития на типы традиционный, капиталистический, современный [например, Д.К. Гэлбрейт по 137]. Критерии типизации и периодизация развития общества в этой концепции укрупнены и обобщены, не могут прямо применяться при анализе ситуаций, складывающихся для небольших по численности и специфичных по характеру развития народов в исторически короткий период времени.

По этим же соображениям сложно использовать положения культурологических теорий [например, А. Вебер по 137], в соответствии с которыми культуры, на которые подразделено человечество, переживают исторически длительные стадии молодости, зрелости, упадка. Мало дают в методологическом плане и теоретические положения, выделяющие в развитии народов, казалось бы, применимые к нашей теме типы культур каменного, медного, железного веков или такие состояния общества, как дикость, варварство, цивилизо-

ванность. Народы Севера России, на протяжении более шестидесяти лет развивавшиеся под интенсивным воздействием крупного, общественно более развитого суперэтноса и существенно изменившиеся в теоретически не определенное и не имевшее примеров в практике состояние, не могут быть адекватно описаны в этой системе представлений. Но отдельные положения названных выше концепций используются в случаях, когда они близки к нашим задачам по предмету исследований и системе критериев.

Из методологических подходов, более полно применимых к решению нашей задачи, относим этнологический, общественно-исторический и, в определённой мере, цивилизационный.

Общественно-исторические подходы, подробно изложенные в работах по диалектическому и историческому материализму, ориентированы на рассмотрение общественного развития человечества в целом и отдельных народов как последовательной смены общественно-исторических формаций под воздействием взаимосвязанного развития производительных сил и производственных отношений. Своеобразие основным формационным признакам придают специфичные природные и национальные особенности. При таком концептуальном подходе малые коренные народы мира, в том числе и народы Севера России, рассматривались, по их состоянию в XIX веке – начале XX века находящимися на стадии разложения первобытнообщинного строя или начавшими выходить из этого строя, но сохранившими в основном или в отдельных проявлениях племенное устройство [15, 131, 132]. В рамках этого подхода разработаны положения о возможности перехода таких народов из низших стадий общественного развития к высшим, минуя промежуточные.

Этнологические подходы состоят в том, что развитие народов мира рассматривается как развитие достаточно крупных природных биосоциальных явлений – этносов, взаимодействующих с окружающей природной средой в естественном пульсирующем режиме пока еще слабо изученных биоэнергетических процессов космического или земного генезиса [7, 21, 34, 35, 123, 124, 128]. Характер развития этносов определяется не только режимом этих процессов, но и природным и социальным окружением, вследствие которого такое развитие может быть искусственно прервано или изменено. Современные народы Севера, непаSSIONарные и живущие в простейших по структуре этнических и ландшафтных системах, рассматриваются как находящиеся в состоянии гомеостаза с окружающей природной средой, и ожидать их интенсивного этнического развития не следует [34, 35]. Этнологический подход позволяет оценить состояние развития этносов в вековом масштабе времени, но не рассчитан на достаточно конкретную оценку развития этногенеза народов в исторически короткий предстоящий период. Это ограничивает возможности применения этнологического подхода к рассмотрению интересующих нас проблем.

Цивилизационные подходы к развитию народов мира [144] основаны на рассмотрении развития человечества в приемлемой для нашей темы совокупности социально-культурных и географических закономерностей. Ограничение их применения в нашем случае также связано с тем, что этот подход в основном элиминируется от учета общих экономических процессов развития общества и оперирует вековыми единицами времени. Основной движущей силой общества по этой концепции предполагается ответ неких этнических, цивилизационных образований на некие вызовы окружающей среды в ситуациях особой трудности. Человечество за всю известную историю его развития разделено на 21 цивилизацию, которые сформировались в 16 крупных регионах Земного Шара. Некоторые общества определены как задержанные в развитии, или не развивающиеся, примитивные. К ним прямо отнесены и народы Севера [144], некоторые особенности современного состояния которых позволяет раскрыть этот методологический подход.

Ограничения применения этого подхода к нашей теме обусловлены, в основном, отвлеченностью от экономических процессов, крупными масштабами предмета и временных периодов исследования и соответствующего им аналитического инструментария. Так, на основе сопоставления процессов взаимодействия колонизирующих и колонизируемых народов, рассматриваемых как взаимодействия цивилизаций, утверждается, что «основным содержанием процесса взаимодействия двух цивилизаций на американском континенте стала европейская экспансия в самом широком её понимании, а конечным результатом этого взаимодействия явилась новая евро-американская цивилизация» [Тишков, по 145]. Далее делается вывод: «XX век на Дальнем Востоке удивительно напоминает век XIX в Америке. Весьма схожи и результаты: аборигенный Дальний Восток исчезает на глазах» [145]. Эта точка зрения интересна для рассмотрения нашей темы, но имеет общий характер, основана на оперировании крупными цивилизационными массивами человечества и вековыми отрезками времени. Известно, что на севере США и Канады и на Дальнем Востоке России в общих рамках евро-американской и евразийской цивилизаций сохранились народы Севера. Это реально существующие, разнообразные по социально-экономическим и природным условиям развития этнические образования с реально существующими разнообразными проблемами, со своей структурой, с предстоящим достаточно длительным, чтобы им пренебрегать хотя бы из чисто гуманистического соображения «не убий», периодом реального существования. Поэтому для нашей темы нужен в качестве основного другой инструментарий исследования, другая система понятий, критериев, показателей, рассчитанных на анализ социально-экономических процессов на уровне не цивилизаций, а этнических общностей.

При всём многообразии названных выше концептуальных подходов в них обнаруживаются общие, важные для нас положения.

К таковым можно отнести положения о пульсирующем характере развития основных народов, составляющих общество. Например, в развитии отдельных народов выделены стадии: молодость, зрелость, упадок (А. Вебер); возникновение, рост, надлом, упадок, разложение (А. Тойнби); подъем, акматическая, надлом, инерционная, обскурация, этнический гомеостаз (Л. Гумилёв).

Таковы положения, определяющие характеристики интенсивности развития народов, к которым относят и народы Севера России. В одном теоретическом построении – это народы, живущие в этническом гомеостазе, составленные из гармоничных (в отношении пассионарности) людей, достаточно трудолюбивых, чтобы обеспечить себя и своё потомство, но лишенных потребности и способности что-либо менять в жизни [34, 35].

В другой теории при отнесении этих народов к традиционным по стадии развития обществ они включены в ту группу, где совмещены «стадии малодифференцированные»: общинная, родоплеменная, существующая в рамках «азиатского способа производства» и т.п.. Другую, противопоставленную им группу традиционных по типу обществ отличают по сложности организации: дифференцированно – гетерогенная, многоструктурная, классовая. К этой группе отнесена, например, такая стадия развития общества, как европейский феодализм [Гэлбрейт по 137].

В цивилизационных концепциях народы Севера определены как неразвивающиеся, находящиеся на стадиях дикости, варварства. В марксистско-ленинских социологических подходах они же определены в системе понятий, «освобожденной» от «обидных» терминов. Например: «Народность – 1) тип этноса, занимающий промежуточное положение между племенем и нацией; 2) этносы, утратившие черты племени, но не ставшие нациями, в СССР – название малочисленных коренных этносов».

Все эти положения сходны в том, что названные народы развиваются замедленно, отстают в общественном развитии и не имеют внутренних факторов для его ускорения.

Выделим, наконец, положения, многократно отмечающие роль дифференциации как фактора развития. Чем проще общественная, т.е. социальная, экономическая, демографическая, этническая структура общественного подразделения, чем проще структура ландшафта, вмещающего это подразделение, тем консервативнее это подразделение, тем замедленнее его развитие. Сложность общественной структуры и структуры окружающей среды являются необходимым условием интенсивного развития этноса.

Рассматривая методологические положения вышеназванных научных направлений, можно установить, что в одних случаях ими предполагается, в общем, однолинейный подход к оценке развития человечества, при котором считается, что все народы развиваются по одной траектории общественного развития, последовательно переходя от стадии к стадии революционными скачками. Минование одной или нескольких стадий не соответствует общему закону общественного развития и практически возможно не за счёт внутренних возможностей народов, а за счёт воздействий извне.

В других случаях предполагается многолинейное параллельное развитие разделённых пространственно и по цивилизационным признакам групп человечества, развитие как различные по интенсивности, форме и направлению реакции на различные по характеру воздействия окружающей природной и общественной среды.

В третьих – предполагается многолинейное развитие отдельных групп человечества, возникающих, исчезающих, смешивающихся в связи с воздействием неких биоэнергетических и природных процессов; это развитие происходит параллельно и во взаимосвязи с развитием процессов общественных.

Судьбы малых «мелких», «неразвивающихся» народов, очевидно отставших в общественном и демографическом развитии от более интенсивно развивающихся народов, объясняются в одних случаях недостатком пассионарности и нахождением в состоянии гомеостаза с окружающей природной средой, в других – простотой этнической и ландшафтной структуры, в третьих – направлением «минесиса», подражания, в четвертых – воздействием «чего-то другого», ещё не описанного даже гипотетически [35, 137, 144].

В то же время при всём сходстве концептуальных положений, проявившемся в констатации факта замедленности процессов развития народов Севера, отмечается, что реальная история развития циркумполярных народов демонстрирует не только стабильность, устойчивость. Для этих народов нередки и ситуации с всплесками развития, уничтожением одних народов, вытеснением других народов из привычной среды обитания с изменением хозяйственного строя, с включением в иную природную и общественную окружающую среду, то есть ситуации нестабильности, неустойчивости [34, 35]. Это обстоятельство позволяет предположить возможность выявления дифференциации в развитии народов Севера, ожидать различий в его характере и интенсивности.

В целом, оценивая возможности применения всех названных методологических подходов к полному всестороннему анализу процессов развития народов Севера, обнаруживаем, что эти народы схожи по цивилизационным, культурологическим признакам, по гомеостатической фазе этногенеза, по нахождению в состоянии перехода из первобытнообщин-

ного строя в некую другую, более высокую стадию общественного развития, отличаясь только позициями в рамках такого перехода и интенсивностью общественных процессов.

Диалектическое полное сочетание названных подходов, наверное, позволило бы проанализировать общую совокупность проблем человечества в широком историческом диапазоне. Исследуемая нами ситуация не такова. Мы, конечно, имеем дело с развитием, но не неких обобщенных и потому абстрактных явлений в структуре человечества, а конкретных малых народов Севера СССР, а затем – России. Эти народы не менее шести десятилетий находились под уникальным по целям и задачам для общественного развития человечества активным целенаправленным воздействием крупного суперэтноса. Эти народы перешли в некое пока ещё не исследованное полностью общественное состояние. Существенно изменилась природная среда, в которой многие из них обитают. В начале 1990-х годов они попали в ситуацию резкого изменения общественного строя и совокупности социальных, экономических, демографических, экологических условий, произведённого включающим их в себя суперэтносом. Эти изменения происходят в исторически кратчайшее время, в которое не могут быть зафиксированы методами этнологических и цивилизационных научных подходов, требующих для наблюдения больше дополнительного времени.

Поэтому, не исключая возможности других методологических подходов, мы опираемся в качестве основных, на положения общественно-исторических концепций развития общества, позволяющие определить тенденции общественного развития определённых конкретных народов в зависимости от занимаемого ими места в общечеловеческих процессах общественного развития, а также от характера воздействия на эти народы и длительных, и кратковременных социально-экономических факторов.

Рассматривая интересующую нас ситуацию таким образом, мы можем исходить из положения, что для каждого конкретного народа Севера основой существования, основой жизни является его экономическая деятельность, то есть обеспечение жизнедеятельности ресурсами, извлекаемыми, в конечном счёте из природы. Основные характерные черты жизнедеятельности этого народа определяются характером способа производства, способа извлечения жизненно проводимых полезностей из окружающей природной среды: для человечества – из планеты Земля для отдельных народов Севера – из вмещающих ландшафтов. Поэтому основную анализируемую нами проблему мы определяем как проблему экономического обеспечения сохранения, существования, развития народа, для которого основой существования в недавнем историческом прошлом было равновесное взаимодействие с другими элементами вмещающего этот народ ландшафта, как проблему обеспечения развития народа, находящегося на стадии общественного развития низшей, чем основной включивший его в себя суперэтнос, как проблему сохранения устойчивого развития затра-

гиваемых его воздействием экосистем, в равновесном состоянии с которым этот народ и был.

В то же время, исследуя проблемы развития однотипных небольших этносов и этнических групп в одной стране в короткий период времени, нельзя не учитывать принципиальные положения, характеризующие проблематику развития человечества в целом и каждого отдельного составляющего её народа, а также развития природы как вместилища и человечества, и каждого отдельного народа. Нельзя не учитывать также концептуальные положения теории систем, согласно которым, например, сложность структур больших и сложных систем, а такими являются биосфера, этносфера, социосфера, есть один из главных факторов, обеспечивающих их устойчивость и развитие.

Учитываются также следующие обстоятельства, характеризующие проблемы развития малых народов Севера России в рассматриваемый исторически короткий период времени:

- каждый народ есть явление историческое и его развитие должно рассматриваться в системе исторических процессов;
- каждый народ есть явление в общечеловеческой культуре, есть не только носитель самоценных для этого народа культурных ценностей, но составной элемент культуры человечества;
- каждый народ есть явление, обеспечивающее этническое многообразие человечества;
- каждый народ есть элемент биосферы, есть явление, в больших или меньших масштабах связанное с окружающей природной средой и обуславливающее сохранение или деструкцию природных комплексов;
- какой бы уникальной или специфичной ни представлялась каждая конкретная ситуация, подобная рассматриваемой нами, она является частным случаем в общем развитии человечества, в контексте которого и должна рассматриваться. Но на этом же основании корректные выводы из анализа развития частной ситуации могут быть основой для обобщений, имеющих значение для других частных ситуаций, для других элементов, в совокупности составляющих человечество.

Учёт этих обстоятельств особенно необходим в настоящее время, когда на Земле происходит интенсивное, ускоряющееся усложнение и в то же время стандартизация техносферы, деструкция природных комплексов и сокращение биоразнообразия, упрощение структуры этносферы, унификация и упрощение массовой культуры. Это угрожает суще-

существованию как биосферы в том состоянии, в каком она была бы способна обеспечить существование человечества с его современными, качественно и количественно возрастающими потребностями, так и этносферы и социосферы, лишаящихся природных ресурсов для развития и природной среды для существования. Глобальная по характеру, эта проблема, казалось бы, не имеет прямого отношения к частной проблеме существования и развития одного или нескольких народов, по численности несоизмеримо малых по сравнению с человечеством. Математики могли бы сказать, что этими бесконечно малыми величинами можно пренебречь без ущерба для точности расчёта целого. Но развитие природы и общества происходит не только по правилам математики. Принципиальные свойства процессов развития человечества и каждого его элемента не только связаны, но и схожи. Элиминировавшись от особенностей, обусловленных масштабом систем, мы можем обнаружить единство общих закономерностей их функционирования. Так схожи некоторые общие законы существования атома и несоизмеримо большей, чем он, солнечной системы.

Определив, таким образом, свою задачу и методологические основы её решения, выделим следующие основные направления обобщённого анализа реальных обстоятельств, в которых складывается развитие экономики народов Севера России в конце XX - начале XXI веков:

- общие направления развития народов мира, находящихся в аналогичном или близком к народам Севера России общественно-историческом, социально-экономическом, этногенетическом, цивилизационном состоянии. Рассматриваются основные положения системы международных правовых и общественных документов, основные правовые положения, определяющие развитие таких народов в других странах, научная литература;

- основное социально-экономическое содержание «переходного» периода в России на рубеже XX - начале XXI веков. Рассматриваются общие характеристики основных направлений развития общественного строя, экономического потенциала, социально-экономического и государственного устройства России в целом. Эти условия определяют обозримые перспективы развития экономики и общественного устройства России, которые решающим образом будут определять развитие не только экономики, но в целом судьбы народов Севера;

- основные положения, характеризующие общее современное социально-экономическое состояние народов Севера России. Рассматривается социально-экономическая структура народов Севера по основным факторам, определяющим развитие этих народов как этнических целостностей и их экономики. К таким факторам отнесены тип природопользования, жизненный уклад, основные источники жизнеобеспечения.

Прогнозируются основные направления развития экономики народов Севера и возможные методы его регулирования.

РАЗДЕЛ 1.2. ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Развитие народов Севера, в том числе народов Севера России, длительное время изучавшееся в отечественной науке изолированно, замкнуто в проблемах СССР, несомненно должно рассматриваться в контексте мировых исторических процессов. Оно относится к кругу тех отношений между этносами, нациями, народами, которые постоянно возникали в истории человечества, когда крупные по численности, находящиеся на относительно высокой стадии общественного развития и динамично развивающиеся народы политически и хозяйственно осваивали территории, на которых проживало меньшее по численности и отставшее в общественном развитии население. Освоение могло иметь различные формы: захват, экономическое проникновение, договорные связи с последующей колонизацией, ассимиляцию, уничтожение, переселение населения и т.п. Различия в характере возникающих при этом отношений могли укладываться в широкие диапазоны. В качестве примера, близкого к рассматриваемому нами предмету, можно назвать диапазон между почти полным отсутствием хозяйственного интереса к территориям проживания народов Севера при феодализме (интерес к пушнине, «морскому зубу» и т.п. не является хозяйственным интересом к собственно территории) и промышленным интересом к освоению этих территорий с развитием инфраструктуры, заселением мигрантами, долговременными радикальными изменениями природной среды под крупномасштабными техногенными воздействиями, приводящими к разрушению среды обитания народов Севера.

В течение XX века в содержании отношений, связанных с развитием народов Севера в мире (циркумполярные народы), произошли значительные изменения [например, 3]. Территориальный межгосударственный раздел мира в основном завершился. Почти полностью разрушена колониальная система. На смену ей внедрилась система неокOLONиализма, в рамках которой выработаны формы эксплуатации слаборазвитых и развивающихся стран в механизмах сформировавшегося мирового рынка. Мировое сообщество, движимое, в частности, интересами развивающегося мирового рынка, провозгласило и пытается соблюдать принцип стабильности государственных границ, хотя бы они и разделяли народы, исторически оказавшиеся на стыке государств. Гуманистические принципы, выработанные в основном в европейских цивилизационных стереотипах, получили достаточно широкое распространение в правовой международной практике, а также в организации внутригосударственных национальных отношений во многих странах. В условиях надвигающегося гло-

бального дефицита природных ресурсов возрастает интерес экономически наиболее развитых стран к минерально-сырьевым, топливно-энергетическим, лесным, рыбным, другим природным ресурсам пока еще слабоосвоенных районов, в частности районов проживания народов Севера. В этих ситуациях развиваются процессы не только отчуждения народов Севера от отдельных природных ресурсов, но и ликвидация среды их обитания в целом.

В то же время в результате общего культурного развития человечества расширились способности и возможности коренных, малочисленных, отставших в общественном развитии народов к выражению и защите своих интересов в правовой и общественно-политической, общегосударственной и международной формах. Отметим, что в совокупность этих процессов с 60-х годов XX в. вписывается «рост значимости этнического фактора в жизни современного общества» [143]. Этот рост противоречил многим отечественным и зарубежным обществоведческим концепциям, обосновывавшим прогнозируемый ими спад влияния этнического фактора под воздействием современного общественного развития и, в первую очередь, в связи с научно-техническим и социально-экономическим прогрессом. Феномен «подъема этничности» [143] в развитии человечества в целом, в отдельных странах и на отдельных континентах еще требует научного осмысления. Возможно, он связан с необходимостью сохранения разнообразия, сложности этнической культуры человечества в качестве одного из главных факторов устойчивости и развития его, как системы. Возможно, что развитие этого феномена обусловлено более сложным сочетанием природных и общественных явлений. Но, даже не зная механизмов формирования и развития «этнического фактора», мы должны учитывать его существование при анализе локальных этнических и межэтнических процессов.

Острота противоречий, развивающихся в сфере отношений, связанных с развитием малых народов в конце XX века, неоднократно находила отражение в официальных документах международных постоянно действующих органов, а также конференций, симпозиумов и т.п. Так, в одной из последних по времени «Дарвинской декларации», принятой на «глобальной консультации» «Целостность мироздания: наша земля – это наша жизнь», проведенной Всемирным советом церквей (г.Дарвин, Австралия, 7-13 мая 1989 г.), отмечено, «что сложилась чрезвычайная ситуация в отношении сохранения и положения коренных народов во всем мире». При анализе причин этой ситуации в «Дарвинской декларации» выделена связь «между расизмом и вытекающим из его проявления отказом на протяжении многих лет истории в предоставлении коренному населению его прав, включая право на землю и неотъемлемое право на самоопределение, со стороны могущественных деятелей, элиты, господствующих народов, транснациональных корпораций, стран, правительств и церквей» [87, 141].

Попытки создать всемирно-значимую систему регулирования отношений созданных крупными народами государств с национальными меньшинствами народами коренными, народами, отставшими в общественном развитии, предпринимались человечеством неоднократно. Среди наиболее известных можно назвать «Всеобщую декларацию прав человека», принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948г.; «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 г.; «Конвенцию 107 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах», принятую Генеральной конференцией МОТ 26.06.1957 г.; «Конвенцию 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах», принятую Генеральной конференцией МОТ 26.06.1989 г.; «Рекомендацию 104 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах», принятую Генеральной конференцией МОТ 26.06.1957 г. (Статус); «Декларацию Кари-Ока и Хартию аборигенных народов мира», разработанную Всемирной Конференцией аборигенных народов по проблемам территорий, окружающей среды и развития 25–30.05.1992 г. в г.Кари-Ока, Бразилия [38, 39, 41, 50, 51, 117, 120, 141, 152].

В «Конвенции 169» ситуация, сложившаяся в отношениях с коренными народами в глобальном масштабе, характеризуется, например, следующим образом: «Во многих частях земного шара эти народы лишены возможности пользоваться основными правами человека в той же степени, что и остальная часть населения тех государств, в которых они проживают, ... их законы, ценности, обычаи и перспективы часто подвергаются эрозии» [87].

Наиболее же кратко проблема определена в названии доклада Председателя-докладчика Рабочей группы по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций госпожи Эрики-Ирене Даес: «Дискриминация в отношении коренного населения» [87, 141].

В системе глобальных проблем развития коренных народов, в том числе ведущих племенной образ жизни, очень широка дифференциация, обусловленная историческими, этническими, природными, социально-экономическими особенностями. Разнообразны методы, формы, темпы решения этих проблем, да и само отношение к этим проблемам. Различны они в Латинской Америке, Южной, Юго-Восточной, Центральной Азии, Африке, Европе. Не одинаково решаются проблемы развития народов Севера в Канаде, США, Гренландии, скандинавских странах.

Так, определение самой принадлежности к национальным меньшинствам в разных странах трактуется по-разному. Например, Федеральным Законом Австрийской Республики от 7.07.1976 г. «О правовом положении национальных меньшинств» признано, что «национальными меньшинствами в соответствии с настоящим Федеральным законом являются проживающие в отдельных частях территории Федерации и происходящие из этих мест группы австрийских граждан, для которых родным языком является не немецкий язык и которые составляют отдельную народность» [141]. Если признание самого национального меньшинства обусловлено, как видим, наличием достаточно жестких признаков, то отнесение граждан к этим меньшинствам регламентировано менее строго: «Признание принадлежности к национальному меньшинству свободно». И далее: «Никто не обязан доказывать свою принадлежность к какому-либо национальному меньшинству» [141].

В Норвегии «Законом о законодательном собрании саами и других правовых вопросах, связанных с народом саами (Закон о саами)» от 12.06.1987 г. №56 к лицам, могущим «заявить требование о включении себя в отдельный список избирателей саами», относятся «все лица, представившие декларацию о том, что они считают себя саами, и которые или а) используют язык саами в качестве родного языка, или б) имеют или имели родителя или бабушку, дедушку, родным языком которых являлся саами». Таким образом, к саами можно считать относящимися лиц, определяемых по признакам языковому, кровнородственному и по самоотнесению себя к саами [141].

Законодательством США предусмотрен порядок отнесения лиц к национальным, имеющим особый статус меньшинствам, основанный на более механистичных подходах с учетом степеней родства, ценза проживания, численности населения и т.п. [141].

Что касается формирования в последние годы отношений в сфере прав народов Севера на землю, то в США, например, специальным Законом с 1972 год на Аляске установлен порядок, отличный от установленного в отношениях с остальными американскими индейцами, жизнь которых организована в резервациях. «Основная цель Закона состояла в том, чтобы, предоставив в распоряжение коренных жителей ресурсы и дав им тем самым возможность конкурировать с капиталистическим обществом, ввести их в основное русло экономического развития штата» [117]. По этому Закону коренному населению предоставлено полное право собственности почти на 10 % территории штата Аляска и выделено около 1 млрд. долларов в управление по корпоративной модели экономического развития. Законом были стимулированы процессы, открывающие новые направления развития, но носящие противоречивый характер. С одной стороны, у народов Севера появилось больше возможностей для развития экономической сферы. С другой – развиваются тенденции быстрой утраты традиционных ценностей и потери земель и природных ресурсов вследствие

отсутствия навыков жизнедеятельности в общих для США условиях развития капиталистических социально-экономических процессов. Связанные с этим внесения многочисленных поправок к Закону продолжают до последнего времени.

Интересна история развития отношений между государством и народами Севера в Канаде. Экспансия формирующегося европеизированного общества приняла в начале XIX в. форму «приобщения индейцев к цивилизации». В середине XIX в. экспансия проводилась «на принципе «ассимиляции» индейцев в» цивилизованное общество на очень узко выборочной и жёстко формализованной основе. Обе формы носили декларативный, лозунговый характер и прикрывали дискриминационный характер экспансии. В связи с этим во второй половине XX в. формируется подход, ориентированный на «компенсации аборигенов (так в тексте, Р.М.) за утраченный ими традиционный стиль жизни», а затем «на обеспечение средств и условий для сохранения аборигенного существующего стиля жизни» [117]. Последние по времени правовые акты – «Закон о соглашении по урегулированию земельных требований нунавут» и «Закон о территории Нунавут» – ориентированы на «установление новых отношений сотрудничества» между федеральным правительством и народами Севера, практика реализации которых покажет, в какой степени адекватно отражают они состояние интересов государства в целом с потребностями сохранения и развития этих народов [117].

Насколько непросты процессы построения отношений между динамичным капиталистическим обществом, сложившимся в США и Канаде, и народами Севера, можно судить по следующей оценке регулирующих эти отношения документов: «Они предусматривают введение на территориях проживания коренных народов сложной бюрократической системы, создание многочисленных комитетов и комиссий, предназначенных в конечном итоге юридически защитить эти аборигенные земли от любого посягательства ... разработаны они недостаточно – возникает много спорных вопросов ... Согласно многим соглашениям правительство, если оно того захочет, всё-таки может вести добычу полезных ископаемых на этих землях» [82].

Наиболее гармонично, как полагают некоторые исследователи, урегулированы земельные отношения с народом саами в Норвегии, Швеции и Финляндии. Здесь, «в отличие от большей части коренных и ведущих племенной образ жизни народов во всём мире, они всё ещё сохранили доступ к значительной части своих земель» [117]. И тем не менее отмечается, что, укрепив возможности по развитию сочетания «современных» и традиционных видов деятельности, «ориентированных на обеспечение прожиточного минимума», складывающаяся система хозяйствования не позволяет комплексно осваивать традиционные

природные ресурсы, «не дала развиваться другим, не менее важным (чем оленеводство, Р.М.) элементам культуры саами» и даже «повысила уязвимость этого народа» [117].

Наверное, есть смысл обратить внимание на точку зрения, освещающую и другую, кроме гуманистических, сторону отношений, выстраиваемых в настоящее время между развитыми государствами и коренными народами Севера. «Что же касается экономических проблем, для всех этих крупных государств северные территории – просто самые далёкие сырьевые колонии, которые и терять жалко (минеральный и стратегический ресурс), и финансировать в полном объёме невозможно. Политика государств по отношению к ним в общем одинакова: эксплуатация земель и откуп от местных жителей малой кровью» [82].

Сложность проблемы обуславливает в рассмотренных выше и других документах некоторую размытость, нечеткость формулировок, позволяющих неоднозначную трактовку и требующих применения дополнительных определений и критериев [141].

В текстах, регистрирующих одни и те же отношения, что позволяло бы ожидать в них определений однозначных, употребляются такие неоднозначные и требующие разъяснений термины, как «народы» и «население», «коренные» и «иные», «племенной» «полуплеменной» и др. [141] и большое разнообразие методов решения «земельных» проблем.

В то же время из множества международных и государственных документов, только часть которых рассмотрена и процитирована выше, можно вычленить некоторые положения, отражающие общие тенденции, которые имеют рассматриваемое нами экономическое значение. Кратко они могут быть сформулированы следующим образом.

1. Независимо от методической сложности определения народов, относящихся к категории коренных, общее состояние их общественного развития оценивается как остро неудовлетворительное и требующее со стороны государств специальных мер по жизнеобеспечению этих народов, сохранению среды их обитания, помощи в переходе к более передовым типам хозяйствования.

2. Эффективное взаимодействие государства и коренных народов при принятии и реализации этих мер возможно только в форме сотрудничества.

3. Коренные народы нуждаются в предоставлении им в собственность (владение, пользование) земель как средоточия природных ресурсов, являющихся традиционным средством их жизнеобеспечения, как среды обитания, как средства удовлетворения потребности в духовном единстве с землей.

4. Государства оставляют за собой право определять формы, методы и средства принимаемых ими мер по жизнеобеспечению коренных народов.

5. Государства оставляют за собой право собственности на нетрадиционные природные ресурсы жизнеобеспечения коренных народов, расположенные в пределах территорий их проживания, то есть на природные ресурсы недр, топливно-энергетические и т.д., при больших или меньших компенсациях, предоставляемых этим народам.

РАЗДЕЛ 1.3. ХАРАКТЕР «ПЕРЕХОДНОГО» ПЕРИОДА В РОССИИ КОНЦА XX ВЕКА

Из общих положений, характеризующих социально-экономические процессы, происходящие в России в конце XX века, выделим три основных, определяющих характер процесса в целом и важных для решения проблем развития народов Севера. Представим эти положения в форме ответов на следующие вопросы:

* из какого состояния общественного развития начаты социально-экономические изменения в России в конце XX в.;

* какой социально-экономический характер имеют эти изменения, называемые «курсом реформ»; какими объективными и субъективными факторами обусловлены, в каком направлении развиваются;

* в какое объективно и субъективно обусловленное состояние общественного развития переходит Россия в процессе происходящих в ней изменений.

Не останавливаясь на оценках состояния общественных наук в интересующей нас сфере, – очевидно, что у любого их состояния есть свои причины и свои закономерности выхода из него – констатируем, что ни на один из поставленных выше методологически важных для нашего исследования теоретических вопросов пока не выработано полноценных, достаточно обоснованных ответов [например, 1, 14, 22, 27, 160].

В соответствии с требованиями системного подхода, анализ исходного состояния общественного развития СССР в конце 1980-х годов должен был бы охватывать, как единый комплекс, все основные сферы, характеризующие состояние общества. Примером такого анализа может служить разработка [31], в которой комплексно рассмотрены общественные процессы, происходившие в СССР в 1930 – 1940-е годы. Возможно, не с исчерпывающей полнотой и объективностью оценок, но системно выполненная, эта разработка позволила сделать авторам следующую развернутую, хотя местами и эмоциональную, характеристику рассматриваемого периода, на основе которой можно было переходить к обобщенным выводам. Целесообразно её процитировать.

«Несмотря на ещё неоконченные споры относительно суммарной оценки итогов того, что случилось в 30 – 40 годы, можно, по-видимому, считать очевидным следующее:

- * с точки зрения народнохозяйственного, технико-экономического прогресса в стране осуществлялся в это время один из вариантов индустриализации, перехода от до индустриального и раннеиндустриального технико-технологического типа производства (технологического способа труда, по К. Марксу) к развитому индустриальному типу производства ...;

- * с точки зрения социально-экономической происходила смена классической многоукладной экономики переходного типа специфическим вариантом одноукладной раннесоциалистической или деформированной социалистической экономики. ...Иными словами, произошел переход от саморегулирующейся экономики нэповского типа к регулируемой из политического центра монопольно-государственной экономике ...;

- * в политическом смысле шло складывание и развитие беззаконного авторитарно-деспотического режима, подчинявшего общественную жизнь не правовой, а произвольной, командно-приказной власти...;

- * в социальном отношении уничтожение остатков капиталистической эксплуатации, ликвидация безработицы, увеличение равенства в отношении возможностей общественного продвижения, труда, получения минимальных жизненных благ противоречиво сочетались с падением или стагнацией жизненного уровня, ухудшением питания и обострением жилищной проблемы...; в целом происходило одновременное нарастание всеобщих элементов социализма (преодоление частной собственности, становление планирования, формирование начал общественного равенства) и элементов, характерных лишь для худших вариантов грубого «казарменного коммунизма», уничтожение демократии, лишение трудящихся хозяйских функций и т.п.)...;

- * наконец, в культурном, идеологическом, социально-психологическом смысле происходил цивилизационный сдвиг, в котором продолжали разворачиваться противоречия социальных отношений: «развитие урбанизации, образования и здравоохранения и разрушение традиций и морали, грубые формы псевдосоциалистической идеологии, упрощенная коллективность, примитивное единство, бездумное издание приказов и подчинение им; энтузиазм, героизм и падение нравов, совести, порядочности; жестокость и бесчестность» [31].

Столь разносторонние характеристики состояния СССР в 1980-е годы, являвшегося исходным для последующих изменений, в современной литературе пока не выработаны. Многочисленные и достаточно глубокие аналитические разработки касаются отдельных

сторон социально-экономических реалий того периода, но синтетическое обобщение этих и других разработок, очевидно, остаётся делом будущего. Наверное, это естественно и может быть объяснено влиянием многих факторов. Для полного научного обобщения необходим достаточный объём объективных научных знаний о рассматриваемом явлении, а, как констатировалось ещё в те же 1980-е годы, мы не знали общества, в котором жили. Как «западные», так и отечественные представления о состоянии советского общества строились на идеологически и политически заострённых предпосылках, что не способствовало выработке полноценного научного знания. Формирование обобщенной научной оценки ситуаций, складывавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, затрудняли радикальность и стремительность социально-экономических и политических изменений, их временная близость к исследователям, обострённая политизированная конъюнктурность оценок, политическое участие многих исследователей в этих изменениях. Инициаторы и проводники перемен объясняли результаты своих действий жёсткой обусловленностью непреодолимых объективных факторов, проявляя, как правило, подход объективистский, но не находя доказательств истинной объективности называемых факторов. Критики перемен склонны объяснять большую часть изменений субъективными факторами, проявляя субъективистские подходы, вплоть до одной из крайних форм последнего, проявляющегося в гипотезе «заговора» как главной причины смены общественного строя. Наверное, ни тот, ни другой подход не позволяет оценить проблему в целом, а исследований, опирающихся на строгий научный подход, пока ещё не достаточно.

В период радикальных социально-экономических изменений в России предметом разрушительных дискуссий стал и понятийный аппарат обществоведческих исследований, без определенности которого анализ становится беспредельно размытым.

Отмечалось, например: «Творческое развитие идеи социализма привело к тому, что мы теперь практически не имеем хотя бы догматических критериев для определения того, что же такое социализм. Поэтому социализмом при желании можно назвать любой общественный строй, исторически сложившийся после капитализма и не основывающийся в экономическом отношении, по крайней мере официально и юридически, на частной собственности» [154].

В результате сложившихся в обществоведении теоретических и методологических неточностей для определения состояния общественного развития в СССР в 1980-е годы применялись и продолжают применяться словосочетания, порознь могущие казаться имеющими социально-экономический смысл. Но при сопоставлении они оказываются не закономерно, а случайно, поверхностно связанными с содержанием анализируемого с их помощью общественного явления: «административно-командная система», «бюрократиче-

ски-номенклатурный государственный капитализм», «деформированный социализм», «мутантный социализм», «социализм как зигзаг истории», «бюрократически-монополитический социализм», «казарменный социализм», «реальный социализм», «авторитарно-мобилизационный социализм», «авторитарно-бюрократический социализм» [например, 22, 46, 47].

Как видим, исходное состояние общественного развития СССР в 1980-е годы не определено в целом, а следовательно, не могло быть адекватно определено и во взаимосвязи деталей. Значит, общество не располагало основой для определения, что сохранять, что изменять, а что ломать и заменять для обеспечения развития общества в целом. (Общество, страна, народ – не предмет для реформаций, реформироваться должно общественное устройство).

Общественное же состояние, в которое предполагался – или, во всяком случае, озвучивался – переход СССР, определялось как «социалистический рынок», «рыночный социализм», «рыночная экономика», «подобно цивилизованным странам», «плюралистический социализм», «действительный социализм», «демократический социализм», «хозрасчетный социализм», «чистый (идеальный) социализм», «шведская модель (то ли социализма, то ли капитализма)», «шведская модель ориентированной рыночной экономики» и т.п. [например, 22, 45, 154].

Как видим, первичный ориентир для изменения общественного устройства в СССР, а затем в России был определён недостаточно чётко, позволяя намечать и реализовывать «курс реформ» в неопределённо широком поле направлений.

Сам процесс перехода в новое общественное состояние характеризовался словами: «ускорение», «перестройка», «реформирование политической и экономической системы», «либерализация экономики», «шоковая терапия», применение методов «монетаризма», «кейнсианства» и т.п.; «социальная ориентация рыночных реформ», «самоорганизация экономических процессов», «ограниченное вмешательство государства в экономику» [например, 43, 107, 129, 153, 160].

Как видим, и провозглашённые методы проведения «курса реформ» противоречивы, позволяют неопределённо широкий диапазон «блужданий» в и без того широком поле направлений движения. Практически применявшийся метод предоставления возможности самоорганизации, самообеспечения и саморазвития экономики как объекта управления при спонтанных, случайных, нескоординированных управленческих воздействиях со стороны государства и не мог обеспечить соблюдения определённого сценария изменений в экономике (которого, как видим, и не было). Это подтверждено методами математического мо-

делирования, позволившими утверждать, что складывающиеся в России ситуации есть «объективный результат локальных рациональных действий множества людей, вовлечённых в запущенный стихийный процесс перестройки экономических отношений.» [107]. Можно добавить только, что локальные действия множества людей в реальности весьма дифференцированы и равнодействующая разрозненных самостоятельных действий всех на этом этапе ориентирована действиями наиболее активных и мощных сил общественного развития, сложившихся в наиболее доходных финансовых и экспортно-импортных сферах экономики России.

В ситуации такой неопределённости становится исключительно важным установить, какое реально сформировавшееся состояние общества и экономики необходимо учитывать при решении нашей задачи.

Общественное состояние России, в котором она оказалась в середине 1990-х годов, определяется, как «криминально-бюрократический капитализм», «номенклатурно-криминальный капитализм», «паразитический капитализм», «дикий капитализм», «компрадорский капитализм», «криминально-номенклатурная олигархия», «олигархический капитализм», «административно-олигархический капитализм», «номенклатурный капитализм» в моделях то ли «праволиберальной», то ли «государственно-корпоративной», то ли с переходом в «левую демократическую» модель; «криминальная олигархия с монополистическим государством» [например, 107, 116, 127, 154].

Одно только сопоставление этих понятий, применяемых в научной литературе и оперативных газетных публикациях, конъюнктурно вводимых в оборот и конъюнктурно же отвергаемых иногда одними и теми же авторами, позволяет сделать вывод о том, что не только содержание происходящих в России общественных процессов понимается исследователями весьма неоднозначно, но и понятийный аппарат, используемый для описаний этих процессов, недостаточно чётко.

В качестве иллюстрации к этому утверждению приведём фразу: «Понятия «капитализм», «капитализация» здесь употребляются как синоним понятия «рыночная экономика», что соответствует сложившейся традиции» [126]. С каким бы уважением ни относиться к традициям, наверное в самом деле успевшим сложиться, но не требует доказательств утверждение, что понятия «капитализм» и «рыночная экономика» не синонимы и описывают они разные явления действительности.

Не приводя развёрнутых определений сформировавшегося в России общественного строя, которых, как видим, в отечественной литературе немного, процитируем исследователя, имевшего возможность оценить события в России со стороны [70].

«Реформы 1991 – 1992 гг., наоборот, напоминают революцию. Они сломали существовавший в стране общественно-политический строй. Главная их цель – освободиться от всех последствий и атрибутов социализма, включая идеологию и образ жизни людей. И надо отметить, что российские реформаторы добились в этом больших успехов, чем в экономических преобразованиях. Жизнь людей резко изменилась, они оказались незащищёнными (за исключением немногочисленного слоя новой буржуазии) перед чисто товарным производством, сопровождаемым ростом цен, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием социальных гарантий со стороны государства».

Пытаясь тем не менее хотя бы укрупнённо определить состояние общественного развития России, обратим внимание на следующее: какими бы прилагательными ни сопровождалось это слово, но именно слово «капитализм» применяется в подавляющем большинстве описаний общественного строя в России, сложившегося в середине 1990-х годов. Вероятно, что капиталистическая сущность этого строя может считаться определённой с высокой степенью уверенности (другие точки зрения смотри ниже). Достаточно уверенно можно констатировать также всеобщенегативный характер содержания прилагательных, которыми описывается формирующийся российский капитализм.

Однако более важно предвидеть, хотя бы в определённом количестве вариантов, характер общественного развития России в обозримом будущем. Для народов Севера – малочисленных, экономически слаборазвитых, демографически малоустойчивых, проживающих в природных условиях, близких к экстремальным для постоянного обитания человека, – характер изменений общества, в которое они включены как малый элемент, является определяющим. Адекватный учёт этих изменений нужен не только для их социально-экономического развития и сохранения их как демографической, этнической целостности, но и для решения простого вопроса жизни и смерти каждого отдельного народа и каждого составляющего этот народ человека.

Только учёт этих изменений позволит с определённой установкой установить диапазон условий, которые нужны и на которые можно рассчитывать, чтобы обеспечить сохранение, существование и развитие народов Севера. В связи с этим с большей подробностью рассмотрим сложившиеся воззрения на эту сторону проблемы.

Для пояснения, почему нам понадобилось обратиться к очень широкому спектру разнообразных мнений, приведём без комментариев высказывание, обобщающее точки зрения нескольких авторов [11] по поводу происходящих в России общественных процессов: «Представленные ранее многочисленные гипотезы развития рыночных реформ, актуальные на конкретный момент, зачастую носили рефлексивный характер и не предполагали некоего общетеоретического подкрепления» [11].

Большая группа авторов полагает, что капитализм в России формируется устойчиво, и мнения их расходятся только в определении характера его дальнейшего развития.

В работе с показательным названием «Какой капитализм возникает в России?» нет достаточно точного ответа на этот вопрос, но приводятся противоречивые утверждения, что «капиталистическая природа складывающейся экономики бесспорна» и что «мы оказались на грани капитализма» [126]. С одной стороны, это означает, что капитализм в России утвердился, с другой – сохраняется возможность соскользнуть с грани капитализма в некое иное общественное состояние.

Более твёрдо и позволяет прогнозировать дальнейшее развитие утверждение, «что объективно новый этап реформ вряд ли принесёт населению России существенное улучшение и изменение в его нынешнем положении», сложившемся в современной форме капитализма [158]. Несколько оптимистичнее, но менее определённо убеждение, что «последующий переход к социально ориентированным моделям рыночного хозяйства для России пока ещё принципиально не исключён, но его реализация потребует длительного процесса преобразований» [28]. Намного жестче и определённое категоричное утверждение, что «Россия, к сожалению, уже вступила на путь компрадорского варианта» капитализма [122].

Сложное, конфликтное направление с множеством траекторий развития и непредсказуемыми результатами описывает исследователь «со стороны», канадский политолог Дэн Тэнивик: «Ближайшая история России будет заполнена политической борьбой ограбленного большинства за возвращение своего имущества и воровского меньшинства – за вывоз из страны любой ценой как можно больше награбленного капитала» [85]. В плоскости борьбы при достаточно жёстком противостоянии сторон представляется дальнейшее развитие событий и в статье «Будущее России: олигархия или демократия», причём борьба эта предполагается в рамках капиталистического строя с выходом или на «олигархический», или на «народный» капитализм [86]. Более твёрдо и однозначно убеждение известного политического деятеля демократического направления, что результаты проведённого им анализа «характеризуют становление нового квазитоталитарного режима с национальными особенностями», проблема только в том, как он будет называться: олигархический капитализм, государственно-монополистический капитализм или как-нибудь ещё по-другому [109].

Есть группы авторов, которые, привлекая к анализу более сложную систему явлений, чем «капитализм – не капитализм», со ссылками на некие глубинные факторы не только экономического характера, выражают неуверенность в том или другом исходе современных процессов общественного развития России.

Так, на основе анализа работ А. Ослунда, А. Бхадури, К. Ласки, Ф. Левчика, К. Херрманн-Пилата, О. Шлехта, Х.Ф. Вюнше, Е. Гайдара и других авторов, сделан следующий вывод.

«Теперь мы повторяем тот же путь, на котором так же сталкиваются азиатские и европейские тенденции развития; так же возрождаются попытки сохранить патерналистское государство во всех его ипостасях, и они сочетаются с реформистскими стремлениями использовать его для создания рыночной экономики, с тем чтобы впрыгнуть в уходящий поезд постиндустриальной цивилизации.

Куда мы идём, - спрашивает автор (Е.Г.), – в открытую рыночную экономику «западного» типа или же в номенклатурный капитализм (а мы бы уточнили: в номенклатурно-мафиозный капитализм. – И.О.), ещё одну разновидность «империализма», описанного Лениным, и «азиатского способа производства», о котором говорил Маркс?» [104].

В статье с эпатажным названием «Ни олигархического, ни капитализма у нас нет», на основе краткого анализа проблемы государственного вмешательства в экономику и дифференциации этого вмешательства на типы сделаны следующие выводы. В современной России «советская модель» исчезла. «Фашизма у нас пока точно нет» ... «Либеральная модель не получается» ... «Для социал-демократической модели страна слишком бедна» ...?» Но всё же определение современной модели как «олигархически капиталистической», противопоставленной «народно-капиталистической», вызывает интеллектуальное отторжение» [89].

Высказаны также позиции, «что капитализм (в мире, Р. М.) эволюционным путём был замещён новым способом производства, для которого характерны иные закономерности», но это «относится пока лишь к небольшому числу наиболее развитых стран. На периферии продолжает господствовать капитализм, причём в наиболее отсталых регионах он всё ещё выступает не в качестве системного целого, а как один из сосуществующих укладов, иногда доминирующий». «Что касается России, то в обстановке формирования в развитом мире нового строя попытка возрождения капитализма заранее ориентирует её на роль второстепенной державы. Но поскольку процесс построения капитализма может занять не одно десятилетие, то Россия может оказаться и в третьем эшелоне» [156].

И, заключая это мнение, приведём дополняющее и уточняющее высказывание: «Для того, чтобы наша страна, наконец, совершила своё экономическое чудо, нашим гражданам надо быть скорее готовыми к тяжёлому и самоотверженному труду наподобие малазийцев и китайцев, а не подражать ориентированным на потребление гражданам развитых стран Запада, с которыми мы привыкли себя сравнивать» [2].

Есть и точки зрения, в которых обосновываются предположения, что в России и в обозримом будущем возможно установление более социально ориентированного строя, чем формирующийся современный, всем без исключения несимпатичный капитализм.

Таковы предположения о возможности развития России по пути «кооперативного социализма» [30], «кооперативного общества» [4, 5]. Предполагаются также такие экзотические для современной России общественные построения, как «лейбористский социализм», «капиталистический социализм», «централизованный капитализм», с использованием понятий, употребляемых для описания разновидностей общественного строя в развитых странах второй половины XX века на основании анализа работ Й. Шумпетера, Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, Дж. М. Кейнса и др. [157]. Такое же убеждение в радикальности предстоящих изменений общественного строя в России имеет место и в следующем высказывании: «Лидеры этих стран (бывшего СЭВ, Р. М.), в том числе и России, поняли неизбежный возврат к рыночной экономике как якобы необходимый откат к капитализму. История покажет и уже показывает, является ли такой выбор адекватным наличным условиям, будет ли он способствовать устойчивому экономическому росту или окажется явным регрессом, возвратом к уже изжитым общественным формам со всеми отрицательными последствиями такого выбора, с неизбежностью ведущего к упадку страны» [23].

К этим воззрениям близко по содержанию предположение о путях развития России, которое было изложено на Круглом столе по теме «Капитализм как проблема теоретической социологии»: «Перед Россией стоит другая задача – создание смешанного общества с рыночной экономикой, развивающейся в русле демократического общественно-политического устройства. Назовёт ли это кто-то «соцкапом» – «социальным капитализмом», «демократическим капитализмом», «государством благосостояния» или иначе – не имеет значения» [45].

Замкнём это разнообразие мнений высказыванием о том, что «признание недостаточности предпосылок для эволюционного развития институтов рынка, совмещённое с желанием создать в России цивилизованный рынок, принимает форму телеологической стратегии рыночных реформ» [97].

Как видим, анализ многих мнений, взглядов, гипотез о будущем развитии России приводит автора к мысли, что их спектр выражает пока результат не столько научного анализа, основанного на фактах и достаточно полном знании действительности, сколько предположений, основанных на вере, убеждениях и даже, может быть отнесён к области гаданий.

Прежде чем перейти к попытке сформулировать обобщающие выводы из приведённых выше высказываний, заметим, что приведены они не с целью полного их анализа, для которого, конечно, понадобилось бы специальное рассмотрение в отдельной и, можно с уверенностью сказать, большой по объёму и по количеству затрагиваемых тем работе. Не было нашей целью и только зафиксировать как факт высокую степень неопределённости в представлениях о рассматриваемом предмете. Россия вышла из теоретически не определённого до сих пор состояния, развивалась в направлении неопределённых ориентиров. Для управления этим развитием применялась неопределённая система методов. Вполне логично, что в процессе развития Россия оказалась в состоянии трудно определяемом, но не удовлетворяющем всех, кто пытается описать и оценить это состояние. Естественно также, что и характер дальнейшего её развития не поддаётся пока точному определению.

Наши задачи – рассмотреть эту неопределённость как исходное данное для разработки обоснований к подготовке практических решений по достаточно узкой конкретной теме и установить, каким образом эта неопределённость может повлиять на развитие народов Севера и какими условиями можно обеспечить существование и развитие народов Севера в общем, неопределённо широком поле направлений общественного развития России.

Рассмотрим для этого дополнительно общую характеристику динамики отношений собственности за период с конца 1980-х до конца 1990-х годов. Это важно не только потому, что отношения собственности определяют в конечном счёте характер всей системы общественных отношений. Важно, что народы Севера России исторически длительное время развиваются из первобытнообщинного состояния не в самостоятельном процессе, а под определяющим воздействием общественных отношений, господствующих во вмес-
тившем эти народы обществе.

По поводу отношений собственности в СССР не будем приводить множество мнений, а воспользуемся уже выполненной классификацией.

По [154], одна группа авторов считает, что в СССР «под видом общественной собственности был утверждён монополизм собственности государственной.» Другая утверждает, что «социализм уничтожил не только частную, но и всякую собственность», что государственная собственность – это «иллюзия». Третьи полагают, что в СССР имел место трансформированный в «советский социализм» «азиатский способ производства»: «Община как основная производственная и социальная ячейка, государство как верховный собственник, отсутствие класса независимых частных собственников, бюрократия, которой государство «делегирует» право управления и пользования собственностью» [154].

Из такого состояния в 1990-е годы в России происходил переход общественной собственности (в государственной её форме) в частную, названный термином «приватизация» [57, 118]. По поводу определяемых этим термином, происходящих в России процессов существует много полемических мнений, высказанных больше в форме панегирик или сатир.

Научный анализ этих процессов пока не привёл к полному и убедительному выявлению их социально-экономического содержания. В то же время к 1997 году в России оказалось приватизированным за 30–35 млрд. долларов около 70% государственной собственности [111]. Для сопоставления: приватизация 3% государственной собственности за 1980 – 1990-е годы в Великобритании принесла в государственную казну более 100 млрд. долларов [111].

Смысл понятия «приватизация»: «передача или продажа в частную собственность части государственной собственности» [108]. Учитывая вышеприведённую разницу, можно поставить вопрос: не проходит ли в России 1990-х годов экспроприация, революционный передел собственности? Не применяется ли термин «приватизация», имеющий столь безобидный «эволюционный» «словарный» смысл, в качестве прикрытия истинного «революционного» содержания реальных «приватизационных» процессов? В таком случае ожидание от «русской приватизации» типичных «приватизационных» быстрых, конструктивных, позитивных социально-экономических последствий не научно, безосновательно. Последствия будут столь же принципиально различными, как «эволюция» и «революция», разница между которыми давно научно описана. И если это так, то методологически недопустимо в основу исследований закладывать положения, исходящие из теоретически сомнительных политизированных применений термина «приватизация».

Вышеприведённые соображения касаются в основном собственности на созданные человеком материальные ценности. Для народов Севера более важными представляются отношения собственности на природу, как окружающую эти народы среду, определяющую характер их жизнедеятельности в целом, и на природные ресурсы, как основу их экономики.

В сложившейся на 1997 год системе законодательства Российской Федерации основные виды природных ресурсов (лесные, земельные, водные, недр, биологические и т.д.) объявлены общенародным достоянием или общественной собственностью в её государственной форме [например, 26, 53]. Государственная форма общественной собственности на природные ресурсы существовала и в СССР, проявлялась в ирреальном виде [78], реализовалась в сфере государственной бюрократии общей, отраслевой и ведомственной компе-

тенции. В то же время в СССР функционировала жёстко организованная государственная власть, и ренту от пользования природными ресурсами присваивало, как правило, государство, перераспределяя её через механизмы бюджета, ценообразования и т.п.

В настоящее время государственная власть в России управляет экономической сферой общественной жизни крайне неэффективно, а в качестве представителя общественно-го собственника она ещё не сформировалась в мере, достаточно организованной для требований рыночной экономики. В связи с этим и рента от использования природных ресурсов присваивается практически не государством в пользу декларированного общественного собственника, а той сферой экономики, которая в значительной степени может быть отнесена к «теневой». Известно, что современная «предпринимательская деятельность... в России... устремляется в наиболее выгодные сферы, связанные с извлечением ренты» [2]. «Рентоориентированное» экономическое поведение [105], как полагают, господствует в реально сложившейся российской экономике. И, как следствие, «ведущие себя таким образом хозяйственные субъекты, а среди них – наиболее влиятельные в российском обществе представители естественных монополий, уполномоченные банков, теневых группировок – стремятся не допустить формирования конкурентной среды, которая приведёт к исчезновению рентных доходов. В этой связи нереально ожидать от хозяйственных агентов переходного периода такого же уровня этичности, как от субъектов стабильной экономики или экономики быстрого роста» [2].

Учитывая, что по поводу присвоения ренты от использования природных ресурсов в настоящее время идёт борьба различных экономически и политически мощных групповых интересов, трудно ожидать, что экономические интересы народов Севера в этой борьбе могут быть представлены достаточно убедительно. Неопределённость же в отношениях собственности на природные ресурсы будет сохраняться и в обозримом будущем. Именно в этой сфере, учитывая конкретную экономическую значимость сырьедобывающих рентообразующих отраслей в российской экономике, как «светлой», так и «теневой», можно ожидать наиболее резких поворотов, жёстких решений и острых проявлений конкурентной экономической борьбы финансово-промышленных групп и политических схваток крупных общественно организованных сил по поводу пользования ресурсами северных районов.

Не менее важны для прогнозирования общих условий развития народов Севера и представления о более конкретных, чем абстрактные общественный строй и отношения собственности, характеристиках состояния экономики России. Остановимся на следующих, определяющих на долгий срок развитие экономической системы в целом.

В СССР развитие северных районов и субсидирование народов Севера осуществлялось в интересах и в рамках демографического, экономического и природно-ресурсного потенциала всего государства, провозгласившего и более или менее последовательно проводившего стратегию устойчивого социально-экономического освоения и обживания Севера.

В России 1992 года, образовавшейся из осколков СССР, остались примерно на 1/3 меньшая территория, почти на 1/2 меньшая численность населения, на 1/3 – 1/2 меньший экономический потенциал. Но районы Севера остались в России все. Соответственно этому меньше стали экономические и демографические возможности для освоения Севера и относительно больше – потребности в его природно-ресурсном потенциале.

Важное значение имеет и резкое падение основных экономических показателей в России в целом, свидетельствующее о разрушительных процессах в её экономике за 1991 – 1997 годы. Не оспаривая оценку масштабов экономического спада, различную у разных авторов вследствие различий в методиках счёта, укрупнённо можно принять, что объём валового внутреннего продукта сократился до 40 – 50 %, объём промышленного производства – почти в 2 раза, объём доходной части государственного бюджета, бывшего ранее главным источником субсидий народам Севера, сократился в 8 – 12 раз.

В этих условиях, когда экономическая база, могущая быть ориентированной на развитие Севера, столь существенно сократилась, можно понять динамику государственных воззрений на перспективы развития северных районов и освоения их природных ресурсов. Стратегическая политика освоения Севера России до последнего времени официально, то есть законодательно и программно, не провозглашена. Но практические, во многом спонтанные действия правительства и экономических субъектов, а также заявления отдельных высокопоставленных государственных деятелей свидетельствуют о следующем. Краткосрочная политика в отношении Севера ориентирована на сокращение численности населения путём стимуляции ремиграций, свёртывания не приносящих существенной прибыли производств, сокращения социальной сферы, свёртывания инфраструктуры общерегионального значения: авиационного и морского транспорта, связи, гидрометеобеспечения и т.п., – снижения уровня государственной социально-экономической поддержки. Нельзя не отметить, что попытки законодательно определить долговременную государственную политику в отношении российского Севера предпринимались неоднократно и предпринимаются и сейчас [29], однако характер и возможность реализации такой политики пока определить нельзя.

Особого внимания требует положение, складывающееся в районах, где компактно проживают и народы Севера, и «пришрое» население, сформировавшееся из мигрантов и в значительной доле ставшее на Севере устойчивым, постоянным. До последнего времени противоречия между этими группами по поводу использования традиционных природных ресурсов для непосредственного жизнеобеспечения носили частный и мелкомасштабный характер. В основном они нейтрализовывались за счёт перераспределения национального продукта методами ценообразования, формирования бюджетов, отраслевого финансирования, прямого административно-управленческого воздействия и т.п.

В «переходный» период эти противоречия развились в крупномасштабные конфликты, носящие острый социально-экономический и экологический характер.

Многие «нетрадиционные» сферы хозяйства в районах Севера резко сократились и не имеют перспектив возрождения, во всяком случае – в обозримое время. Исключение – районы нефти и газодобычи. Соответственно резко снизились доходы связанного с этими сферами населения, возможности, трудоустройства которого в неспециализированной, недиверсифицированной экономике локальных населенных мест Севера практически отсутствуют. Производство продуктов питания на приусадебном участке в районах Севера, как правило, невозможно или не имеет определяющего значения в потребительском бюджете населения. Вновь сформировавшееся население не имеет экономической возможности выехать в центральные районы страны, а зачастую и не желает выезжать, став постоянным [29].

Основным, а иногда и единственным источником жизнеобеспечения у народов Севера, и вновь сформировавшегося из мигрантов населения, в этих условиях становятся относительно легко доступные традиционные природные ресурсы народов Севера: рыбы, птицы, наземные и морские млекопитающие, дикоросы. Использование этих ресурсов часто принимает формы массового браконьерства. Воспроизводственные возможности этих самовоспроизводящихся природных ресурсов резко ограничены естественными пределами.

В такой ситуации развиваются два основных конфликта. Один состоит в том, что, этих ресурсов, безусловно, не может хватить в качестве основного источника жизнеобеспечения даже части современного населения районов Севера России, составляющего около 10 млн. чел. Надо учесть при этом, что народы Севера составляют малую долю, не более 50% в этом населении, а по стереотипам поведения наименее социально-экономически приспособлены к капиталистической рыночной экономике, вследствие чего и получают непропорционально малую долю этих ресурсов.

Второй конфликт связан с тем, что переосвоение возобновляемых биологических природных ресурсов неизбежно приводит к снижению их воспроизводственных возможностей, деградации, а затем и к полному истреблению.

Такое развитие событий, в особенности в районах сконцентрированного совместного проживания и народов Севера, и остального населения, чрезвычайно опасно, носит экстраординарный характер и требует специального оперативного разрешения не путём научных исследований (вследствие чего здесь подробно и не рассматривается), а административно-управленческими методами. При этом необходимо отметить, что, не будучи своевременно решённой, эта проблема может приобрести взрывной характер чрезвычайной ситуации с последствиями, разрушительными для социально-экономических и демографических структур Севера в целом, для народа Севера – в частности.

Существенные изменения произошли в системе государственного устройства в северных районах. Автономные округа, ранее отражавшие национальную специфику (мера отражения – отдельный вопрос) населения в составе краёв, областей и автономных республик, приобрели статус субъектов Федерации, уравнивший их в правах с этими краями и областями без вывода из состава последних [53]. Это противоречие, безусловно, осложняет функционирование систем государственной власти и управления в районах Севера, но не является главным для народов Севера. Главным обстоятельством становится тот факт, что в условиях провозглашённой «чистой» рыночной экономики, где товарно-денежные отношения являются господствующими, в условиях теоретически идеальных демократических процедур, где власти формируются большинством населения, у народов Севера снижаются возможности реально защитить свои интересы возросшими за счёт их «титула» правами автономных округов. В самом деле, нетитульные нации имеют подавляющее большинство в населении автономных округов, социально - экономически более активны, располагают неизмеримо большими финансовыми возможностями и кругом личных связей для проведения в соответствующем субъекте Федерации политики «своих» интересов, прикрываемой титулом меньших по численности и беднейших народов Севера [71].

Выделив, таким образом, факторы, имеющие принципиальные значения для дальнейшего анализа, попытаемся сформулировать основные положения как исходные для оценки перспектив развития экономики народов Севера России.

1. Сложившийся в России строй определяется как капитализм на стадии первичного накопления капитала с ещё неустойчивой структурой, с разрушающей общество некоорди-

нируемой разнонаправленной ориентацией частных интересов, предрасположенный к существенным изменениям структуры и целевых установок.

2. В обозримом будущем развития России можно предположить острую и достаточно длительную политическую и экономическую борьбу по траекториям, разбросанным в широком диапазоне, определяемом неопределёнными сочетаниями движущих сил и многосложными, иногда экзотически называемыми целями. Объективный их анализ и выбор наиболее вероятных траекторий затруднены и представляют собой самостоятельную достаточно сложную задачу.

3. Формирование относительно устойчивого состояния общественного строя с определившейся системой социально – экономических отношений, стабильностью развития, устоявшейся системой ориентиров развития, как показывает история, может занять срок, исчисляемый десятилетиями. В течение этого периода экономика народов Севера будет непрерывно подвержена воздействию меняющихся по направлению разрушительных воздействий. Их нейтрализация возможна только путём государственного вмешательства по двум основным направлениям: 1) сокращение разрушающих внешних воздействий; 2) внешнее стимулирование внутренних источников развития экономики этих народов.

4. Реальное состояние экономики России не позволяет ожидать в обозримый период её ощутимого участия в развитии экономики народов Севера. О возможных сроках можно судить по ориентировочному расчёту. Если ВВП России начнёт из его состояния в 1998 году прирастать на 5% в год (этот темп назван правительством как желаемый) и если неизбежные периоды экономических потерь будут редки, кратки и щадящи, то достижение уровня ВВП 1991 года произойдёт не ранее, чем в 2018 году. Есть расчёты с более оптимистичными сроками, но их методика построена на нереальном наборе допущений. Надо учесть при этом, что распределение ВВП между социально- экономическими группами населения, сферами и отраслями хозяйства, внешним и внутренним долгом, центром и окраинами и т.д. к тому времени установится в структуре значительно менее благоприятной для этих народов, чем до 1991 года.

Эти выводы также содержат большую степень неопределённости, но позволяют с большей степенью уверенности ожидать, что народам Севера ни в современном состоянии России, ни в будущих обозримых фазах её развития, если не принять достаточно быстрых мер, не следует ожидать равновесного существования в гомеостазе с природой и надеяться на достаточное и устойчивое субсидирование их развития из бюджетных и иных источников.

В самом деле, приняв за действительное утверждение, что в России сформировался капитализм на стадии первичного накопления капитала, мы обязаны утверждать, что субсидирование как форма дополнительного ресурсобеспечения малых народов появится в России нескоро. История показывает, что в других капиталистических странах оно появилось только на стадиях высокоразвитого «социально ориентированного» капитализма. На предыдущих же стадиях капитализм проявлял в лучших и редких случаях невмешательство в исторические процессы развития коренных народов. Кроме того, в идеологических установках современного российского капитализма – каждый за себя, каждому дана свобода и каждый сам делает свою судьбу – нет места помощи малым народам.

В то же время, поскольку экономика современной России сейчас имеет и в обозримом будущем будет иметь экспортную сырьевую направленность, а основные ресурсы имеющего экспортное значение сырья находятся в районах проживания малых народов Севера [29], можно ожидать, что отношения метрополии к малым народам будут определяться жесткой конкуренцией за эти ресурсы. Как показывает история стадий развивающегося капитализма во всех странах, малым народам в такой конкурентной борьбе отводятся роли только страдающей стороны с различиями в большей или меньшей степени лишений и дискриминации.

В свете этих перспектив можно понять следующие рассуждения человека, являющегося представителем народа Севера и озабоченного инстинктивными предчувствиями: «Вы пришли к нам, брали у нас ясак и строили феодализм. Потом вы забрали у нас землю, дали совхозы и строили социализм. Вам не понравилось, вы сломали социализм и начали строить капитализм. Но землю нам не вернули. Верните нам землю, рыбу, оленей, пушнину и стройте, что хотите. Только не втягивайте нас в свои перестройки». Конечно, это высказывание в большой степени эмоционально, но конструктивный и горький смысл в нём есть.

С другой стороны, в современной России, претендующий на роль высокоразвитой страны, провозгласившей соблюдение прав человека, провозгласившей проведение справедливой национальной политики, можно ожидать относительно справедливого, если не по содержанию, что не всегда удаётся, то по форме, отношения к народам Севера. Для обеспечения этих отношений должны быть созданы системы условий, обеспечивающие если не ускоренное развитие, или просто развитие, то, как минимум, сохранение конкретных народов Севера в общей палитре этнического разнообразия России и человечества в целом.

В процессе выработки этих условий должен быть установлен и минимум гарантий и ресурсов, могущих обеспечить народам Севера простое физиологическое выживание на

неопределённый по длительности период наиболее трудных испытаний. Понятно, что никакая система гарантий ничего не обеспечит в неправовом государстве, где любая гарантия может быть отменена или смысл её искажён на противоположный. Но, поскольку Россией объявлено направление на создание именно правового государства, полагаем, что требование выработки и обеспечения условий для малых народов Севера на обозримое будущее будет соблюдаться хотя бы в рамках названного минимума.

РАЗДЕЛ 1.4. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ НАРОДОВ СЕВЕРА

Ретроспективный анализ целей и методов, применявшихся для управления развитием народов Севера России, и процессов реализации этих целей позволит преемственно перейти к анализу проблем формирования целевого блока и основных методов экономического обеспечения развития народов Севера в перспективе, что определяет задачи и значение этого раздела.

Народы Севера России – после завоевания их земель формирующейся Российской империей, после периодов ясачной, а затем выборочных попыток землевладельческой колонизации, после проведения государственной политики (известное законодательство об инородцах, подготовленное идеологически и практически М. М. Сперанским) на консервацию традиционного социально-экономического уклада жизнедеятельности этих народов – к началу XX века находились в стадии общественного развития, определявшейся как стадия выхода из первобытнообщинного строя, и проживали в практически не затронутой аграрным и индустриальным освоением природной среде на огромных территориях с очень малой плотностью заселения [15, 36, 93, 132, 145].

С 1920-х до конца 1980-х годов в СССР в отношении народов Севера осуществлялись государственные воздействия, укладываемые в рамки общегосударственной национальной политики. В самом общем виде выраженной конечной целью, которая определяла эту линию и сформировалась в конечном счете в 1960 – 1980-е годы, можно назвать государственное социально-экономическое воздействие на все проявления жизнедеятельности народов Севера для обеспечения ускоренного социально-экономического развития их до состояния, близкого к уровню общественного развития населения средней полосы европейской части СССР. Такую цель можно считать если не единственной, то чрезвычайно редкой в общечеловеческой истории построения отношений между народами [13, 16, 54, 55, 112, 138, 140]. Необходимо отметить, однако, что вышеприведённая формулировка этой

цели документально не была выражена. Только опираясь на анализ официальных материалов и научной литературы, мы считаем допустимым кратко и достаточно обобщённо определить эту цель именно так.

В первые десятилетия советской власти основная идея общественного развития народов Севера в СССР сформировалась в учении о «некапиталистическом пути развития» [9, 15, 114, 132].

Впоследствии эта идея трансформировалась в ориентированные на внедрение практических мероприятий теоретические построения, зачастую механистичные и экстремистски идеологизированные, обосновывающие внедрение в социально-экономическое развитие народов Севера общегосударственных методов кооперирования, специализации, укрупнения, технического вооружения и организационного преобразования традиционных отраслей хозяйства, внедрения в экономику народов Севера промышленных производств, культурной революции, европеизированных систем подготовки и подбора кадров и т.п. [25, 54, 75, 77, 87, 106, 112, 115].

В совокупности называвшихся в литературе, провозглашавшихся политически и ставившихся практически промежуточных ориентиров на путях развития народов Севера называли ускоренное полное или почти полное приобщение этих народов к социально-экономическим, культурным, образовательным, научно-техническим, градостроительным, расселенческим, потребительским и даже психофизиологическим стереотипам, характерным для цивилизации восточноевропейского типа, а также ускоренное вовлечение в системы идеологических, культурных, морально-этических ценностей, провозглашенных к направленному формированию в СССР.

И названная выше общая цель, и теоретические рекомендации, и практические ориентиры под влиянием идеологических воздействий и переменчивой хозяйственной конъюнктуры многократно и противоречиво трансформировались в конкретные мероприятия, различающиеся формами, методами, темпами, ресурсоёмкостью. Таковы периодически принимавшиеся на высшем государственном уровне правовые акты, посвящённые развитию народов Севера и районов их проживания [например, 78, 91, 92, 94, 98, 102, 103, 140]. Реализовывались они в форме по соответствующим государственной национальной политике государственно-строительным, политическим, хозяйственным решениям. Однако в конкретных разделах этих решений предлагаемые мероприятия смешивались в нескоординированные, зачастую противоречивые комбинации, как правило, недостаточно обеспеченные ресурсами и реализуемые не в комплексе, а отдельно. Это позволяло управленческим органам сосредотачивать внимание и ресурсы на выборочных, наименее сложных и

наиболее просто реализуемых элементах комбинаций. Это, в свою очередь, создавало условия для конъюнктурного манипулирования и извращений цели, ориентиров, подходов и их комбинаций [25, 78, 138].

В связи с этим реальные процессы общественного развития народов Севера в СССР, отражая противоречия практических решений проводимой государством политики, зачастую приводили к последствиям не только непредвиденным, но и радикально не соответствующим вышеназванным целям и ориентирам. К таким последствиям только в экономической сфере могут быть отнесены «интернатский шлейф» в профессиональных, бытовых, семейных ориентациях нескольких поколений народов Севера, фактическое отчуждение от многих компонентов природно-ресурсной базы вследствие развития добывающей промышленности, ликвидации мелких поселений, вытеснения пришлым населением, сокращение природно-ресурсной базы оленеводства вследствие укрупнения оленьих стад и т.д. и т.п. [25, 78, 87, 138, 140, 145].

В целом в государственной политике СССР в отношении к народам Севера и в реальных процессах развития этих народов, несомненно, можно найти и сходства, и различия в сопоставлении с тем, что накоплено в многотысячелетнем опыте человечества, включая происходящее в XX веке. Высказано, например, утверждение, что «XX в. на Дальнем Востоке удивительно напоминает век XIX в Америке», а процессы освоения Россией Севера в XX веке являлись «подлинной территориальной, демографической, культурной экспансией» [145]. Но есть мнения и о том, что по первоначальным целям и задачам, да и по многим результатам, в развитии народов Севера в СССР и России много положительного. Мы не останавливаемся на обосновании одних или опровержении других утверждений не только потому, что сочетания повторяемости, типичности и неповторяемости, индивидуальности в каждом общественном явлении обусловлены диалектически и неизбежны. Мы учитываем, что во всех известных публикациях на темы, связанные с развитием народов Севера в СССР, прямо или косвенно принимается, как несомненное, положение об оригинальности соответствующего исторического опыта, накопленного в СССР. Расхождения же во мнениях, вплоть до противопоставляющихся друг другу полярных противоположных утверждений, проявляются в оценке «положительности» или «отрицательности» этого опыта, но не по вопросу его оригинальности, уникальности.

Конечно же, полная, объективная оценка научных обоснований, политических и экономических замыслов, хода и результатов развития народов Севера в составе СССР, как крупномасштабного социально-экономического эксперимента, проведенного в специфичных конкретно-исторических условиях (в данном случае слово «эксперимент» применено в чисто методическом смысле и полностью освобождено от часто придающегося этому слову

морального окраса) заслуживает обстоятельнейших монографических исследований. Наверное, в этом эксперименте будет выявлено общее и специфичное в сопоставлении с другими экспериментами, проведенными и проводимыми с другими народами в других странах. Наверное, в совокупности всех обстоятельств, составляющих этот «советский социалистический» эксперимент, будет выявлено положительное, могущее быть использованным и в дальнейшем. Будет выявлено и отрицательное, требующее учета и выработки механизмов, предотвращающих его повторение. Наверное, результаты такого исследования помогли бы и нашей стране, и человечеству при формировании политики в отношениях с малочисленными коренными народами. Но таких исследований до последнего времени нет, а страны, образовавшиеся из бывшего СССР, в том числе и Россия, и районы Севера стали полигоном для нового социально-экономического эксперимента, основные параметры проведения которого остаются, как показано выше, неопределенными.

Необходимо отметить, однако, что аналитическая работа по объективной оценке ситуации, сложившейся у народов Севера СССР, и разработке мер по преодолению проявившихся острых негативных тенденций проводилась в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Теоретические и методологические разработки проблем народов Севера СССР начали освобождаться от односторонней чрезмерной идеологизации. Стали формироваться принципиально и нюансно различающиеся научные «школы», например «московская», «ленинградская», «новосибирская». Вполне объяснимо, что при этом логика противостояния одностороннему идеологическому диктату в условиях острой политической борьбы, в особенности в начале 1990-х годов, привела к столь же одностороннему, но противоположно направленному идеологическому диктату. Мы не рассматриваем подробно материалы дискуссий о преобладании склонности к «украшательству» или «очернительству» в тех или иных научных публикациях, посвященных проблемам развития народов Севера, потому что исторический ход событий не дал перерасти этим дискуссиям в обстоятельные, уравновешенные теоретические построения. Науке еще предстоит выработать знания об исходных состояниях общественного развития народов Севера в СССР, реальных содержаниях и формах государственных воздействий, на развитие народов Севера, генезисе и динамике изменений этих воздействий; реальных последствиях этих воздействий, реальных траекториях развития народов Севера и тех состояниях общественного развития, в которых эти народы оказались. Отметим только, что как в результате названной аналитической работы, так и зачастую опережая её, практикой стали вырабатываться новые, более или менее удачные конкретные методы управления развитием народов Севера в СССР. Могут быть названы попытки выделения народам Севера территорий традиционного природопользования, не подлежащих промышленному освоению, развитие механизмов самоуправления, расширение прав административно-территориальных образований, имеющих в титуле на-

звание какого-либо из народов Севера, до уровня субъектов Федерации, развитие практики принятия целевых программ развития народов Севера, проживающих в отдельных конкретных регионах.

В последних по времени взаимосвязанных научных разработках смена концепций развития народов Севера в СССР и России в XX веке в самом общем виде представляется исследователями практически однозначно. Например, в одном варианте, концепции развития народов Севера изменялись от 1) «традиционализма (общинного традиционализма)» к 2) «направленному государственному модернизаторству», «индустриальному развитию», движению к «европейской модели образа жизни» и далее к 3) «неотрадиционализму» [139]. В другом варианте представлено развитие концепций от 1) «общинного традиционализма» к 2) «общественному модернизаторству» и к 3) «неотрадиционализму» [87].

В развитие этих разработок и, более того, с ориентацией на их реализацию вырабатывались и общие предложения для целенаправленного развития народов Севера России. На совещании экспертов по Северу, названном Самотлорским практикумом (1989 г., Тюмень), после рассмотрения трех основных моделей развития районов Севера: «Невмешательство», «Заповедная зона», «Культурная ассимиляция» – большинство высказалось за реализацию модели «Заповедная зона» [25].

В последние годы в рамках поисков форм развития народов Севера разрабатывается идея организации международных этноэкологических рефугиумов. Одной из основных составляющих этой идеи является выделение особых участков антропобиосферы, которые «представляют особую ценность для всего человечества как природные заповедники и как рефугиумы – последние убежища специфических форм человеческой цивилизации, сохранение которых является условием поддержания разнообразия форм и путей развития человечества» [83].

Среди важнейших особенностей названных научных разработок и практических мероприятий «новой» волны, выполненных со середины 1980-х годов до 1991 года, обратим внимание на следующие:

- * опора на экономическую (производственная и социальная сферы, демографические ресурсы, научный потенциал и т.п.) базу Советского Союза в целом;

- * следование главным подходам, основанным на выработанных многовековой историей принципах социализма, на вере в социальную справедливость, на учениях о социальной справедливости, на вере в свободное развитие малочисленных народностей при активном государственном участии в форме крупномасштабной помощи. Формально идейная связь с принципами социализма зачастую отрицается, в основном по политическим мотивам.

вам. Но в содержании всех разработок и мероприятий названные социально ориентированные ориентации соблюдаются неукоснительно (результаты «соблюдения» – отдельный вопрос).

Смогла ли сформироваться на основе названных научных исследований и эмпирических поисков конца 1980-х годов полноценная, рациональная система методов управления развитием народов Севера в СССР? Или эти процессы постепенно выродились бы в традиционные для России паллиативные, идеологически зашоренные, конъюнктурой обусловленные, чиновничьим интересам подчиненные наборы взаимонеувязанных мероприятий? Эти вопросы в большой степени схоластичны, не имеют научного и практического смысла. Радикально меняющаяся и, как показано выше, неопределённая социально-экономическая ситуация в России требует иных подходов, разработки иных теоретических оценок и систем методов, ориентированных на развитие народов Севера в принципиально иных конкретно-исторических условиях. Некоторые из этих условий могут быть кратко охарактеризованы следующим образом.

Провозглашенная ранее государством и пропагандировавшаяся идеологическим аппаратом ориентация на коллективизм сменилась уже иным государством провозглашенной и иным идеологическим аппаратом пропагандируемой ориентацией на индивидуализм. Формы, методы и степень реализации той и другой ориентации – отдельный вопрос.

Законодательное утверждение и идеологическое сопровождение приоритета прав человека перед всеми иными общественными ценностями, сменившее фактический приоритет общества и государства перед личностью, реализуется внедрением в общественное и индивидуальное сознание таких морально-этических парадигм, как «каждый за себя», «личность важнее общества», «личное важнее общественного».

Жесткий принцип полной управляемости со стороны государства всеми социальными и экономическими процессами сменился в системе государственного управления принципом невмешательства государства в экономические процессы, принципом нерегулируемости, самоорганизации, саморегулирования экономики. Формы и полнота реализации этих принципов - также отдельный вопрос.

Примат общественной собственности в её государственной форме сменился приматом частной собственности с форсированным инициированием процессов преобразования первой во вторую.

Приоритетное развитие производственной сферы общественного воспроизводства сменилось приоритетным развитием сфер распределения и обмена, а в них - , в первую очередь, - развитием частного финансового и внешнеторгового капитала.

Режим «патернализма», «всесторонней социально-экономической помощи государства народам Севера» сменился режимом предоставления государством народам Севера самостоятельности в организации своего развития за счет собственных усилий при провозглашенном формальном равенстве прав и возможностей с другими народами и сохранении у государства всех прав на природные ресурсы. Формы реализации того и другого режима – также отдельный вопрос.

Разрушилась колхозно-совхозная система организации жизнедеятельности народов Севера. Речь идет не об организационной оболочке производственной деятельности – колхозах и совхозах: разрушились увязанные в эту оболочку системы снабжения, сбыта, ценообразования, дотирования, ресурсообеспечения, развития социальной сферы и т.п. Народы Севера в сфере экономики и развития социальных отношений внезапно оказались практически один на один со стихийно организующимся криминализированным частным предпринимательством.

У страны, резко сократившейся по совокупному ресурсному потенциалу от СССР до России, резко увеличилась относительная потребность в природных ресурсах районов Севера. В то же время резко сократились потенциальные возможности, экономическая база и для освоения этих ресурсов, и для развития народов Севера (подробнее см. выше).

Главная цель управления развитием народов Севера изменилась. Вместо первоначальной цели – путём субсидирования обеспечить ускоренное развитие этих народов до уровня общественного развития и уклада жизни населения средней полосы европейской России в условиях социализма – поставлена иная цель: предоставить народам Севера самостоятельно вживаться в формирующийся «российский капитализм» на первых стадиях капиталистического развития (характеристики социализма и капитализма – предмет отдельного рассмотрения).

Радикализм и широкая распространенность социально-экономических изменений, весь перечень которых не исчерпывается вышеназванными, позволяет утверждать следующее: система методов, и каждый из методов в отдельности, до 1992 г. применявшихся или готовившихся к применению в СССР для управления развитием народов Севера, после 1992 г. не могут быть применимы или в принципе, или в том же виде. В переоценке нуждается не только организационно-техническая сторона этих методов. Должна быть изменена ориентация всей системы методов, их социально-экономическое содержание, предпосылки для их использования, условия их применения. Необходимо учитывать также, что у народов Севера сохранились не только психологические по генезису ностальгические чувства, присущие в основном конкретным людям, но и сохраняются по характеру своему общественные, социально-психологические, достаточно длительные, исторически устойчивые,

социально ориентированные стереотипы поведения, проявляющиеся в социальных установках, в социально-экономических ожиданиях, в практически ставящихся ориентирах поведения. Эти установки, как неукоснительно показывает история развития народов Севера в мире, не совпадают с социально-психологическими установками капиталистического характера, но они существуют и будут существовать достаточно долго, чтобы не быть учтёнными при прогнозировании взаимоотношений между российским государством и этими народами. Эти соображения достаточно тривиальны и, казалось бы, не должны были обсуждаться, ни даже упоминаться здесь, если бы многие из этих методов, выработанных до 1991 года, не продолжали применяться вплоть до 1996 года не только без изменений, но и без осмысления необходимости изменений или отказа от их применения. В качестве примера таких обобщённых практических подходов к управлению развитием народов Севера и России кратко рассмотрим ситуации, которые связаны во времени и охватывают интересующий нас период 1991 – 2000 гг., то есть период радикальных общественно-формационных и конкретных социально-экономических изменений, вследствие чего должны были бы разрешаться различно.

До последнего времени органы управления обеспечивали и контролировали выполнение Постановления Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР от 11.03.1991 г. № 84 «О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991 - 1995 годы». Целевая функция этого Постановления выражена следующим образом: «...Придавая важное значение улучшению среды обитания малочисленных народов Севера, созданию надлежащих условий для реализации их национально-культурных запросов и сохранения сложившихся традиций, а также исходя из необходимости всесторонней государственной защиты и помощи малочисленным народам Севера...» [95].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.09.1996 года № 1099 утверждена Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года». Причинно-следственный анализ результатов ранее реализовывавшейся Программы 1991 года кратко сводится к следующему: «Низкий уровень обеспечения финансовыми ресурсами, задержки в их перечислении явились основной причиной срыва выполнения этих заданий. Фактически в 1991-1995 годах было выделено от потребности средств (в процентах): в 1991 году – 30; в 1992 году – 17; в 1993 – 1994 годах – 4; в 1995 году – 2». Здесь имеются в виду задания, установленные государственной программой развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991-1995 годах, утвержденной Постановлением Совета Министров РСФСР от 11.03.1991 г. № 145.

Основной целью Программы 1996 года установлено: «Создание условий для устойчивого, гармоничного развития коренных малочисленных народов Севера в местах их компактного проживания на основе сохранения биосферы этого региона, восстановления традиционного природопользования и хозяйствования на базе созданного производственного и инфраструктурного потенциала.» Для ресурсного обеспечения достижения этой цели Программой предусмотрена «поддержка из Федерального бюджета, с максимальным привлечением средств предприятий, коммерческих структур и зарубежных инвесторов.»

Не анализируя подробно формы, методы, содержание Программ 1991-го и 1996-го годов, отметим несомненное коренное сходство, преемственно перешедшее из «российского социализма 1980-х годов» в «российский капитализм 1990-х годов». Обе программы ориентируются на характерные для социалистического периода грандиозные по масштабам гуманистические цели. Вторая программа даже превзошла первую в характерной для программных документов СССР и России 1960-1980-х годов неконкретности и пышности целеполагающих формулировок.

Обе программы ориентируют выполнение заданий на обеспечение финансовыми ресурсами из ненадежных в эти периоды (1991-1995 гг. и 1996-2000 гг.) общественных, бюджетных источников и в объемах, неадекватных целям и задачам. Вторая программа ориентирована также на не конкретизированные, частные, а в реальной ситуации – капиталистические по природе финансовые источники, по определению не могущие быть задействованными в систематической неприбыльной гуманистической помощи коренным народам. Судьба одной Программы уже состоялась (см. выше). Близкую по результатам судьбу второй Программы в целом предвидеть несложно.

Не менее показательным оперирование в политической и экономической практике понятием «территории традиционного природопользования народов Севера». Этот ориентир, в форме абстрактно определённой цели, укладывается в общую развивающуюся в мире тенденцию к предоставлению коренным народам земель как основы хозяйствования, как среды обитания, как условия, необходимого для еще сохранивших собирательский тип хозяйствования и всей жизнедеятельности народов, создающего ощущение духовного единства с природой. В России в 1991 – 1992 года эта общая тенденция испытала своеобразные изменения [см., например, 103].

Сформировавшееся в СССР и России в 1989-1991 годы, нормативно выраженное требование «предоставить народам Севера территории традиционного природопользования, не подлежащие промышленному освоению» имело целью создать гарантии сохранения природно-ресурсной базы традиционных форм хозяйствования и жизнедеятельности. В то же время было ясно осознаваемо на всех уровнях общественной иерархии, от высших ор-

генов государственной власти до рядовых граждан, что территории традиционного природопользования будут фактором, дополняющим другой основной источник жизнедеятельности народов Севера: «всестороннюю» государственную финансовую, материальную, организационную поддержку.

После 1991 года по логике создаваемой в России новой общественной формации государственная поддержка коренным малочисленным народам перестанет быть основой их жизнеобеспечения. Основа жизнеобеспечения этих народов, которая определяет не только уровень жизни, но и возможность сохранения этих народов как таковых, смещается на собственный труд. В настоящее время это может быть в основном только труд в форме использования традиционной природно-ресурсной базы. Без такой базы эти народы ожидают или вымирание, или полная ассимиляция, растворение в других народах (подробнее смотри ниже).

Это новое, не только возросшее, но принципиально изменившееся значение традиционных природных ресурсов в жизнеобеспечении народов Севера не нашло отражения в новом Законодательстве, новой Программе, принятой в 1996 году, в практике отношений государства с этими народами. Мы не утверждаем в данном случае, какие ситуации лучше или хуже: до или после 1991 года; мы утверждаем только, что это разные ситуации и решаться они должны разными методами, адекватными конкретным социально-экономическим условиям.

ГЛАВА II

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Установим общие положения, ограничивающие рамки экономических проблем развития народов Севера России теми пределами, которые достаточны для получения корректных выводов. Проблема развития народов Севера в целом многоаспектна. В ней достаточно много важных сторон, в большей или меньшей степени связанных с интересующей нас проблематикой. Можно назвать направления исторические, этнографические, социологические, демографические, географические, природно-ресурсные, культурологические, лингвистические, генетические, медицинские. В нашей теме приоритетны направления экономические, и, следовательно, исследования по всем остальным направлениям затрагиваются здесь только по мере использования их результатов или постановки для них задач, если нужный нам аспект не исследован. При этом необходимы следующие замечания.

Поскольку рассматривается проблема «развития народов», будут исследоваться вопросы жизнедеятельности именно народов, территориально-этнических общностей. Будут рассматриваться также иерархическая и видовая, типологическая структура этих общностей, типологические особенности, проблемы развития отдельных принципиально важных для нашей темы элементов этих общностей. Но не будут рассмотрены в той же мере подробно вопросы развития каждого из элементов этих общностей, многие из которых имеют для нашей темы вспомогательное значение. Такова, например, проблематика жизнеобеспечения отдельных семей, которая в полном объеме должна включать в себя структуру семей, семейный бюджет, структуру потребления, систему социальных установок и т.п., то есть систему показателей, определяюще важных для других тем, но не необходимых для нашего исследования, где определяюще важны только социально-экономические типы семей и их основные характеристики. За пределами полного рассмотрения остаются, например, важные, с методологической точки зрения, первичные элементы: отдельный человек и семья, из которых составляется любая общность и которые определяют многие важнейшие характеристики общности.

Не рассматривается подробно и проблематика развития социальной инфраструктуры, систем здравоохранения, образования, воспитания и т.п.. Эти сферы, конечно же, исключительно важны для развития народов Севера и для развития экономики в целом, но в раскрытии общих основных факторов экономического обеспечения развития народов, играют вспомогательную роль. Более того, если специально не отметить вспомогательное значение

этих вопросов и не контролировать соблюдение этого положения при исследовании, то острота некоторых социальных ситуаций (резкое снижение личного потребления, повышенная заболеваемость, повышенная смертность и т.д.) неизбежно приведёт к смещению приоритетов от общей экономической проблематики. Примеров таких отклонений достаточно и в отечественной, и в зарубежной исследовательской и управленческой практике.

Такие ограничения, конечно же, существенно сужают круг рассматриваемых вопросов и могут привести к односторонности исследования заявленной в теме проблематики, полное изучение которой в идеале требует полного исследования всех попадающих в поле зрения вопросов, без разделения на перво-, второ- и третьестепенные. В то же время мы не можем не учитывать, что полные циклы исследований по всем необходимым для всестороннего раскрытия этой проблемы направлениям ещё не проведены, а по иным и не проводились, в связи с чем принятые ограничения вынуждены. Полагаем, однако, что это ограничение поля исследований методологически допустимо. При достаточно полном охвате важнейших системообразующих отношений общего и специфичного характера и достаточно высокой степени абстрагированности понятий могут быть использованы выработанные наукой системные методические подходы, позволяющие получать корректные результаты.

РАЗДЕЛ 2.1. НАРОДЫ СЕВЕРА РОССИИ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ИХ РАЗВИТИЕМ

Определим основные системообразующие признаки объекта, с которым связаны исследуемые нами отношения. Только за последнее десятилетие название этого объекта в СССР и в России – а в названии отражается, как правило, его сконцентрированное общественно выработанное содержание – менялось неоднократно. В принятых Законах и в проектах Законов, в которых обычно выражаются общественно признанные (хотя иногда и искаженные политиками) научные воззрения, основной объект нашего исследования называли « народами Севера », « малыми народами Севера », « малочисленными народностями », « коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока », « коренными малочисленными и дисперсно проживающими народами ». Эти не исчерпанные перечислением сочетания понятий, это разнообразие мнений коррелируют с отмеченным выше разнообразием подходов к определению рассматриваемой проблемы в других странах. Рассмотрим подробнее некоторые, заложенные в проекты официальных документов обоснования применяемых названий, которые можно считать типичными.

В подготовленном в Верховном Совете СССР проекте Закона СССР «О развитии малочисленных народов СССР (Вариант: О статусе малочисленных народов СССР)» основное понятие было определено следующим образом: «Ст. 1. Малочисленным народом в СССР признается этническая общность людей, насчитывающая менее 50 тысяч человек и компактно проживающая в пределах территорий традиционного распределения»; «Ст. 2. Принадлежность к малочисленным народам определяется на основе свободного волеизъявления граждан».

В одном из наиболее подробно раскрывающем интересующее нас понятие проекте Закона «О малочисленных народностях Севера РСФСР», внесенном Ассоциацией народов Севера Якутии, основное понятие определено следующим образом. «Ст. 1. К малочисленным народностям Севера РСФСР относятся ... (следует перечисление конкретных народов, не имеющее значения при анализе обобщенных критериев), которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую территорию во времена её завоевания, или колонизации, или установления существующих административно-государственных границ, и сохранили свой язык (или говор), элементы самобытной национальной культуры, уклада жизни, способы традиционного хозяйствования, промыслов».

Аналогично определяется это понятие и в подготовленном той же Ассоциацией проекте Закона РСФСР «О гарантиях возрождения и развития малочисленных народов Севера РСФСР».

В подготовленном Комитетом Государственной Думы по делам национальностей проекте Федерального Закона РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» это понятие определено следующим образом: «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее - коренные малочисленные народы Севера) - народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»; «Отнесение населения к числу коренных малочисленных народов Севера и к старожильческому населению, а также утверждение перечня районов их проживания осуществляется решением Правительства Российской Федерации».

В одобренной 1.05.1996 г. Правительством РФ «Концепции Государственной национальной политики Российской Федерации» не упоминается ни о дифференциации многочисленных народов, составляющих население Российской Федерации, ни о системе критериев, по которым можно было бы производить необходимую для практики управления на-

циональными отношениями дифференциацию. Однако есть смысл обратить внимание на объяснение этого явления, тем более, что причины не только этих упущений, но и других слабых мест национальной политики названы в этой же Концепции: «На государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос. Не стала нормой при проведении государственной национальной политики опора на научный анализ и прогноз».

По поводу рассматриваемых нами проблем развития народов Севера в Концепции сказано немного. Одним из принципов государственной национальной политики названа «гарантия прав коренных малочисленных и дисперсно проживающих народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, признанными Российской Федерацией». Среди основных направлений программ государственной национальной политики выделены следующие положения, которые целесообразно привести подробнее.

«В отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на первый план выступают социальные проблемы и проблемы сохранения их языков и культур... Необходимо законодательное отражение особенностей бюджетной системы, приватизации, налогообложения, предпринимательской деятельности, участия иностранных инвесторов в освоении природных ресурсов, традиционного использования промысловых угодий и пастбищ.

В этой связи должны быть приняты меры, обеспечивающие:

- * восстановление разрушенных экосистем, ограничение деятельности, хозяйственных структур, наносящих непоправимый ущерб среде обитания;
- * достаточный объем средств на финансирование здравоохранения, строительство больниц, поликлиник, их материальное и кадровое обеспечение» [Концепция].

Среди первоочередных законов, должных быть внесенными в Государственную Думу Федерального Собрания в 1996 году, в Концепции назван проект Закона «О коренных малочисленных народах России».

Отметив, что для процитированной Концепции и проектов Законов, как и для многих других документов, посвященных национальному вопросу, характерно распыление на непринципиальные детали и отсутствие определенных общих установлений, обратимся к критериям.

Оставим для специальных исследований установление объективных различий между понятиями «малый» или «малочисленный», «народ» или «народность», «компактно»

или «дисперсно». Оставим также без подробного рассмотрения понятия «Север», «Сибирь», «Дальний Восток», не вызывающие особых затруднений при их конкретном определении. Начнём с понятий «коренной» и «малый», применяющихся наиболее часто.

К «малым» и «малочисленным» народам (разницу при выборе из двух этих понятий находят скорее в субъективном чувстве обиды, чем в объективных характеристиках) могут быть отнесены в каждом из «субъектов Российской Федерации» многие народы, в отношении которых не возникало необходимости применения специальных мер по оказанию помощи для их социально-экономического развития. Малочисленной может оказаться диаспора любого народа в любой стране и в любом регионе, но – и так неоднократно бывало в истории – может при этом играть ключевые ведущие роли в политических и экономических структурах этих стран и регионов. Малые народы – «малость» которых может определяться по абсолютной численности, или доле в населении региона, или роли в социально-экономических процессах – могли быть когда-то не только не «малыми», но единственными в регионах своего проживания. В связи с этим требующие сравнения категории «малое – большое – великое и т.п.» к ним просто не могли быть применены. И, следовательно, «малость» – качество не имманентно присущее тому или иному народу, а производное от изменчивых социально-экономических процессов. Следовательно, без указания на такие процессы применение этого понятия позволяет многозначные, в том числе и противоречивые, толкования. Мало было русских среди ительменов при открытии русскими Камчатки. Мало было испанцев при появлении их в Мексике. Много было в те времена и ительменов, и индейцев. Но известно, в каком историческом русле пошло развитие тех и других народов.

Неоднозначно также и определение «коренные народы». Коренным можно считать население деревень Центральной России, оседло проживающее здесь, возможно, более тысячи лет. Не исключена постановка вопроса о том, что это население имеет больше оснований считаться и называться коренным, чем иное, называемое сейчас коренным, поскольку продолжительность их проживания в одной местности может быть существенно больше, чем у многих кочевых народов. Известно, например, что многие территориальные перемещения народов, населявших Азию, на Север современной Российской Федерации происходили в исторически относительно недалекие времена. Племя эвенов, например, перекочевало в центральные районы полуострова Камчатка около 150 лет назад, образовав здесь небольшой анклав. Необходимо применение дополнительных критериев, чтобы их можно было отнести к коренным. Известно, что венгры имеют одни этнические корни с ныне «коренными малочисленными народами Севера», проживающими в настоящее время в среднем течении реки Обь. К каким районам и с какого времени привязывать «коренные каче-

ства» венгров? К реке Обь? К захваченным ими уже в исторические времена территориям в среднем течении реки Дунай? Или к другим районам между Обью и Дунаем, где проходил маршрут их миграции? Не лишено смысла афористическое замечание историков: «Коренным населением является предпоследний завоеватель», – отражающее, в частности, то наблюдение, что появление в активном политическом обороте понятие «коренной народ» увязывается, как правило, с явлениями экономических и политических конфликтов с национальной окраской.

Неоднозначно может быть истолковано и применение географической привязки: «Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». С одной стороны, среди народов этих географических зон есть народы и коренные, и относительно немногочисленные, но подчеркнута не относящие себя к «народам Севера», нуждающимся в специальной государственной поддержке, хотя этнографически они относятся к народам Сибири. С другой стороны, исключение из рассмотрения народов других географических зон некорректно, поскольку известно (см. выше), что в государственной поддержке и в защите от экономической и социальной национально окрашенной дискриминации нуждаются народы, проживающие на всех континентах Земли и во всех географических зонах – от тропических до циркумполярных. Это замечание относится и ко всей территории России, вопрос только в содержании и формах поддержки. И, наконец, одно только указание на географическую зону проживания совершенно не означает, что население получает опирающиеся на современные законы основания для поддержки и защиты от дискриминации. На Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке России есть этнические общности, по кровнородственным признакам несомненно принадлежащие к «коренным народам Севера», живущие укладом, близким к т.н. «традиционному», но в перечень таких народов не включенные. С другой стороны, на том же Севере есть население, русское по этническому происхождению и называемое «старожильческим», которое за несколько веков утратило социально-экономические и личностные связи с населением метрополии, а проживает укладом, ближе всего находящимся к «традиционному» укладу жизни этнографически определяемых народов Сибири и Севера. Так, до сих пор дискутируется вопрос об отнесении к народам Севера камчадал, марковцев, колымчан [145].

Представляется, что есть основания считать, что вышеназванные признаки: «малое», «малочисленное», «коренное», «Север, Сибирь и Дальний Восток», – и порознь, и в совокупности могут рассматриваться только как дополнительные, уточняющие, но не основные признаки, определяющие интересующий нас объект.

Основные, главные причины того, что на рубеже XX - XXI веков в Российской Федерации в отношении некоторых этнических общностей понадобилось принятие соответ-

вующих принципам и нормам международного права специальных государственных социально-экономических мер поддержки, как мы полагаем, определяются иными объективными качественными и количественными характеристиками. Они связаны с тем, что эти этнические общности находятся на стадии общественного развития, или только выходят, или исторически недавно вышли из стадии общественного развития, соответствующей первобытному обществу, с примитивным собирательским способом производства материальных благ. В северных районах России сохранению уклада жизни, соответствующего этой стадии развития и этому способу производства, способствуют суровые природно-климатические условия, не позволяющие традиционным способом производства получать материальные блага в количестве, достаточном для расширенного воспроизводства и интенсивного развития. Под воздействием этих и других обстоятельств названные этнические общности оказались в отношениях гомеостаза с вмещающими их природными системами, а потому и в полной зависимости от состояния этих природных систем. На понижение способности этих этнических общностей к расширенному экономическому и демографическому воспроизводству и интенсивному социальному развитию повлияло и то обстоятельство, что, в силу исторических процессов, демографический потенциал этих общностей оказался ниже некоего критического уровня. К концу XX века в состоянии этих народов произошли большие или меньшие, но несомненные изменения. Укрупнилось, структурно усложнилось, стало технически вооружённым и организационно изменённым хозяйство. Уровень социально-экономических потребностей, образования, квалификации, насыщения специалистами повысился. Усложнилась социально-экономическая структура населения. Укрупнились населённые пункты, сократились возможности личных контактов и связей между поселениями. Народы Севера сохранили некоторые основные черты, обусловленные исторически недавним прошлым и делающие их в массе недостаточно приспособленными к жизни в исторически давно ушедших от первобытно-общинного строя общественных отношениях, характерных как для недавнего «российского социализма», так и для формирующегося «российского капитализма».

Очевидно, что народы Севера стали иными. Задача состоит в том, чтобы установить, в каких основных сферах жизни произошли эти изменения и какова их мера; последнее, в силу отсутствия критериев, может быть определено очень условно.

В связи с изложенным предоставляется интересным привести определение интересующего нас объекта управления, данное специалистами, менее склонными к иногда разносторонним и многосложным научным формулировкам и нуждающимися в формулах недвусмысленных, кратких и называющих только главные признаки. Это определение приве-

дено в «Оперативном документе 4.20» Всемирного Банка, регламентирующем «Политику в области коренных народов в многосторонних банках развития».

«Понятие «коренное население», «коренные этнические меньшинства», «племенные общности» и «кастовые структуры» обозначают социальное образование, социально-культурный облик которых отличается от преобладающего населения, что делает их уязвимыми в процессе развития» [32]. Как видим, в требующем не теоретической, а практической точности документе для интересующего нас объекта главными чертами также признаны не национальные, а социальные и этнические особенности.

Определив, таким образом, характер основных системообразующих признаков объекта рассматриваемых отношений, попытаемся дифференцировать укрупнённые социально-экономические особенности, имеющие принципиальное значение для анализа интересующей нас проблемы. Для этой цели из общего круга вопросов выделим главные, рассмотрением которых необходимо предварить переход к анализу общей экономической ситуации и разработке практических рекомендаций по созданию условий для развития народов Севера. Определим сферы, объединяющие эти вопросы следующим образом:

- * источники жизнеобеспечения народов Севера;
- типология народов Севера;
- * субъекты в системе экономических и правовых отношений, связанных с жизнедеятельностью народов Севера;
- * содержание понятия «природопользование» применительно к жизнеобеспечению народов Севера;
- * социально-экономическое содержание вводимого в правовую практику понятия «территория традиционного природопользования народов Севера»;
- * особенности отношений собственности на природу в жизнедеятельности народов Севера.

Три первых вопроса рассматриваются в этой главе. Три последних вопроса, как специфичные и объединённые темой природопользования, выделены в специально посвящённые их исследованию главы 3 и 4.

РАЗДЕЛ 2.2. ИСТОЧНИКИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Источники ресурсов для жизнеобеспечения народов Севера могут рассматриваться в применении к отдельным лицам, простым и сложным семьям, родовым, семейным и терри-

ториальным общностям. В нашей теме в качестве основного предмета рассмотрения приняты источники жизнеобеспечения каждого из народов Севера как этнических общностей, как развивающихся целостностей. В качестве основы мы принимаем, в первую очередь, не только обеспечение жизни отдельных людей в физиологическом смысле, не только существование общности в популяционном смысле, но и обеспечение жизни народа Севера в смыслах социальном, экономическом, культурном, в смысле сохранения его как этнической общности. Такой подход объясняется следующими соображениями.

Во-первых, только в этом случае мы имеем методические основания рассматривать проблему жизнеобеспечения народов Севера как специфичную общественную и государственную проблему, существенно отличающуюся от проблем жизнеобеспечения населения государства в целом, населения его административно-территориальных и национально-территориальных единиц и образований местного самоуправления других этнических общностей, отдельных семей и физических лиц. Только общественная задача жизнеобеспечения, сохранения и развития этнической общности народов Севера как специфичной целостности может быть основанием для выделения проблемы жизнеобеспечения этой общности в общей системе устанавливаемых государством социальных и экономических гарантий населению, включая права человека. Методическая задача состоит в установлении критериев и меры специфичности проблем, связанных с народами Севера.

Во-вторых, жизнеобеспечение народа Севера как сохраняющейся и развивающейся этнической общности интегрированно включает в себя и жизнеобеспечение образующих её социальных элементов. И здесь очень важно отметить следующее. Предлагаемые до последнего времени формулы: «народы Севера», «малые народы Севера», «коренные малочисленные народы Севера» – самым общим образом определяют совокупность неких этнических общностей как обособленную целостность. Но, хотя они определены обобщенно и по очень узкому набору системообразующих признаков, ими оперируют без достаточных оснований в широком диапазоне – от сферы абстрактных определений до сферы конкретных действий по отношению к отдельным физическим лицам.

Очевидна необходимость выделить из совокупности общественных отношений и достаточно точно определить содержание социально обостренной общей проблемы существования совокупности этнических общностей, называемой «народами Севера», и найти пути решения этой проблемы. При этом не должны вуалироваться другие важнейшие теоретически предвидимые и практически очевидные стороны этой проблемы. Конечно же, общая проблема существует для совокупности этнических общностей народов Севера как целостности. Но нельзя ни в научных исследованиях, ни в правовых документах, ни в хозяйственных практических действиях не учитывать, что целостность этой общей проблемы

неоднородна. Проблема эта разделена на проблемы отдельных народов Севера, а в них - на проблемы, различающиеся по территориальным, в т.ч. природным, производственным, культурным, хозяйственно-бытовым и другим признакам. Общая «проблема народов Севера» существует как целое, но и представляет собой систему разных проблем, в разных формах, с разным содержанием проявляющихся для каждого из элементов, составляющих и совокупность этнических общностей народов Севера, и каждый из народов Севера. Но поскольку неоднородны конкретные проявления общей «проблемы народов Севера», то и методы решения этой проблемы должны быть дифференцированными от общих, устанавливающих принципиальные положения, до специфичных конкретных способов, различающихся для отдельных этнических общностей и для отдельных типов элементов, составляющих этническую общность.

На основе такого системного дифференцированного подхода можно выделить следующие основные виды источников ресурсов жизнеобеспечения народов Севера, имеющих место в современной действительности и в разной, большей или меньшей, степени имеющих значение для народов Севера и отдельных составляющих их элементов.

1. Традиционные виды производственной деятельности в рамках экономики собирательского типа, имеющей как товарный, так и натуральный хозяйственный характер, ориентированной на использование традиционных природных ресурсов. Определение значения понятий «традиционное» и «нетрадиционное» в применении к народам Севера представляет собой методически достаточно сложную задачу и подробнее рассматривается ниже.

Среди таких видов деятельности называют оленеводство, рыболовство, охотничий промысел, в том числе и на морского зверя сбор дикоросов, комплексную переработку сырья в традиционных технологиях и для получения традиционной продукции. Естественно, что традиционные виды деятельности рассматриваются с имеющим место в действительности применением современных техники, технологий, инфраструктурного обеспечения.

Одно из главных условий: слияние проблем сохранения природно-ресурсной базы трудовой деятельности в традиционных видах хозяйства и сохранения традиционной среды обитания в одну проблему сохранения природных систем, в которых проходит жизнедеятельность этнических общностей народов Севера.

Формы ресурсообеспечения жизнедеятельности — денежная и материально-вещественная. Распределение ресурсов наиболее близко к традиционным общинным формам.

2. Постоянная, планируемая, финансируемая из государственного и (или) регионального бюджета и (или) внебюджетных источников целенаправленная помощь «народам Севера». Эта помощь может предоставляться в обобщенной форме постоянных дотаций в хозяйственную и социальную сферы, компенсаций за стоимость товаров и услуг, льгот по налогам, плате за ресурсы, кредитам, ценообразованию и т.п., а также в персонифицированной, адресной форме установления дополнительных субсидий, доплат, пенсий, стипендий и т.п.

3. Разовая финансовая и материально-вещественная помощь из государственных источников по конкретному поводу. Предоставляется также, как и п. 2, в обобщенной, например при восстановлении сооружений общего использования, и в персонифицированной форме.

4. Нетрадиционные виды производственной деятельности, основанной на использовании традиционных природных ресурсов в товарном хозяйстве с переработкой сырья в нетрадиционные виды и формы конечной продукции. К таким могут быть отнесены рыбная промышленность, звероводство и др. Форма распределения ресурсов в основном – заработная плата. Проблемы сохранения природно-ресурсной базы и сохранения среды обитания народов Севера не совпадают и на практике зачастую вступают в противоречия.

5. Нетрадиционные виды производственной деятельности, основанной на использовании нетрадиционных (для народов Севера) природных ресурсов. Трудовая занятость в этих сферах обеспечивает финансовыми ресурсами в форме заработной платы персонифицированно отдельных физических лиц. Аналогична занятость в отраслях социальной сферы и инфраструктуры.

6. Отчисления за предоставление права пользования природными ресурсами на территории, являющейся средой обитания некоей общности народа Севера. Как правило, имеется в виду право создания и функционирования объектов горной промышленности, транспорта, топливно-энергетического комплекса. Экономическое назначение этих отчислений – компенсация за временное, частичное или полное отторжение народов Севера от пользования традиционными природными ресурсами и разрушение среды их обитания. Отчисления, как правило, имеют форму обобщенных платежей (приближенно к формам бонуса, роялти и т.п.).

Даже из краткого и достаточно условного описания основных возможных современных источников жизнеобеспечения народов Севера может быть сделан вывод о том, что эти источники существенно различаются по социально-экономической роли в развитии этих народов.

Одни источники ориентированы на самообеспечение народов Севера, достаточно оно или нет по качественным и количественным характеристикам – второй вопрос, здесь нас интересует пока только социально-экономическая ориентация, к которой относятся источники 1, 4, 5 в приведенной выше нумерации. Другие ориентированы на обеспечение извне, без усилий со стороны этнической общности (2, 3, 6).

Одни источники основаны на собственном труде общности, то есть составляющих её лиц (1, 4, 5,). Другие - на доходах, не связанных с трудом (2, 3, 6). Мы не придаем этому последнему обстоятельству моральных оттенков, связанных с понятием «нетрудовые доходы», и не пытаемся хвалить или осуждать это обстоятельство, определять заслуженность или незаслуженность этого дохода. Мы уже установили, что такой доход, не связанный прямо с трудом, как, например, безвозмездная и постоянная помощь государства народам Севера, в современных условиях необходим. Мы только констатируем социально-экономическую природу этого дохода.

Одни источники в основном прямо связаны с необходимостью сохранения традиционной природно-ресурсной базы жизнедеятельности и природной среды обитания (1,4,6). Другие - не связаны с этими условиями ни прямо, ни косвенно, или связаны не определяющим образом, или неизбежно сопровождаются разрушением и ресурсов, и среды (2,3,5).

Одни источники ориентированы в основном на жизнеобеспечение этнической общности в целом и только через неё - на составляющие её элементы (1,2,3,6). Другие ориентированы в основном на первичные элементы этнической общности, на отдельных физических лиц с определенными социально-демографическими характеристиками (3,4,5).

Одни источники связаны в основном с сохранением основ традиционного социально-экономического, хозяйственно-бытового уклада, конечно же, с включением приемлемых для этого уклада, не разрушающих этот уклад современных технологий и технических устройств (1,2,3,4,6). Другие допускают или неизбежно сопровождаются принципиальными изменениями социально-экономического, хозяйственно-бытового уклада жизни (4,5,6). В качестве примера может быть приведена смена традиционного уклада жизни в небольшом селе или кочевых стойбищах на уклад жизни в большом городе. Такие изменения уклада возможны по собственным социальным установкам, например на получение образования, или под воздействием внешних обстоятельств, например при переселении из закрываемых, так называемых «неперспективных сел». Возможен широкий диапазон этих изменений – от полного отчуждения от традиционного уклада до сохранения основных элементов этого уклада. Такого рода детализация, конечно же, необходима для полного познания проблем

развития народов Севера. Однако она нуждается в более подробных исследованиях, далеко выходящих за рамки рассматриваемой нами проблематики.

И, наконец, одни виды источников жизнеобеспечения народов Севера специфичны по целям, характеру, методам и по этим критериям существенно отличаются от источников жизнеобеспечения населения страны в целом. Другие стереотипны, не отличаются или отличаются нюансами от источников жизнеобеспечения подавляющего большинства населения России и других социально-экономически развитых стран.

Приведенная дифференциация источников жизнеобеспечения по характеру и роли в жизнедеятельности народов Севера носит предварительный характер и в достаточной мере условна. Более подробные специальные исследования, несомненно, выявят и другие стороны этой проблемы, приведут к созданию строгой системы классификаций, необходимость которых очевидна. Для нашей же цели рассмотренных выше особенностей достаточно, чтобы прийти к выводам о дифференциации народов Севера в современной России на типы по социально-экономическому, хозяйственно-бытовому и культурному укладу жизни.

РАЗДЕЛ 2.3. ТИПОЛОГИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА ПО УКЛАДУ ЖИЗНИ

Народы Севера России как этнические общности по укладу жизни, сложившемуся к концу XX века, укрупненно могут быть подразделены на три основных типа населения, которые нами названы: автохтонное, ассоциированное, ассимилированное. Названия эти в таком сочетании, наверное, могут быть предметом дискуссий, но других мы не встретили, а эти представляются достаточно адекватно отражающими реальные ситуации. Подразделение это в определённой степени условно. Оно основано, в первую очередь, на критериях высокого уровня абстрагированности, на обобщённых различиях в общественных отношениях (хотя сами эти критерии, конечно же, могут быть определены явлениями весьма конкретными). В чистом виде к какому-то одному типу вряд ли могут быть отнесены даже единичные представители народов Севера, а уж в основной массе населения эти типы могут быть, наверное, представлены только в сочетаниях. У каждого конкретного народа, наконец, в каждом из различных по характеру экономического освоения регионов, в различных природно-климатических зонах – складываются свои соотношения между типами населения, и каждый из типов формируется специфичными местными особенностями. Тем не менее по основным критериям народы Севера могут быть дифференцированы на эти типы достаточно определенно.

Кратко главные характерные черты каждого из названных типов населения могут быть описаны следующим образом.

На первый взгляд, наименьшую сложность должно вызывать конструирование понятия «автохтонное население», для которого в науке и практике применяются относительно устоявшиеся общие определения. Например, в «Демографическом энциклопедическом словаре» (в статье «Аборигены») «автохтонное, коренное население» определено как «сообщество людей (как правило, одной национальности) какого-либо значительного по площади региона, связанное с данным регионом прочными экономическими, социальными и другими отношениями. Коренное население формируется на протяжении, как правило, сотен лет» [40]. Более общее определение опирается на перевод с греческого языка: «Автохтоны – коренные жители, исконное, первоначальное население страны» [134, 135]. Эти понятия задают общую канву для конструирования содержания явления, но для конкретных исследований недостаточно определены. Невозможно, например, без дополнительных условий оценить критерий «первоначальное население», если объективно дата «первоначальности» не устанавливается, а при субъективном установлении теряется смысл определения «коренное население». Но эти формулировки общеприняты, из них исходят приведенные выше конструкции конкретных определений понятия «народы Севера России». Из нескольких вариантов таких конструкций мы остановились на самой короткой из них («народы Севера России»), не считая принципиальным и конструктивным при обсуждении нашей достаточно узкой темы дискутировать по поводу верности или неверности применения дополнений, расширяющих, но одновременно и безгранично усложняющих и размывающих эту конструкцию. Формулу «народы Севера России» мы применяем потому, что она не содержит подвергаемых оспариванию характеристик и позволяет основное внимание уделить раскрытию социально-экономических аспектов содержания рассматриваемого явления.

При переходе от общих определений к конкретным социально-экономическим характеристикам обнаруживается, что простота конструирования формул определения «автохтонное, коренное население» - кажущаяся. Неоднократно отмечалось, что племена, выходящие из первобытного состояния общественного развития под постоянным воздействием социально-экономически интенсивно развивающихся наций проходят своеобразные траектории дальнейшего развития. Эти траектории в целом и каждая из их стадий специфичны и научно пока не осмыслены не только потому, что это не естественный, а искусственный, спонтанно нарушаемый ход событий. Его закономерности, его история с достаточной полнотой не исследовались и не имеют аналогов в хорошо изученных историками развитых стран историях развития основного населения этих стран. Именно поэтому затруднены и не всегда эффективны попытки разработки практических рекомендаций по регулированию развития «народов Севера России». В частности, затруднена при разработке и потому легко

искажаема при практической интерпретации система методов управления развитием народов Севера, слишком часто приводящая к применению не тех средств и не к тем объектам.

В качестве примеров конкретизации названных выше общих определений рассмотрим два предложения. Одно - проект Ассоциации народов Севера Якутии. В качестве критериев, раскрывающих содержание понятия «коренные народности», в нем указаны следующие:

- * сохранение кровнородственных связей с теми, «кто населял страну или географическую территорию во времена её завоевания, или колонизации, или установления существующих административно-государственных границ»;

- * сохранение своего языка (или говора);

- * сохранение элементов «самобытной национальной культуры»;

- * сохранение элементов «уклада жизни»;

- * сохранение способов «традиционного хозяйствования, промыслов».

Обратим внимание на главные особенности в определении этих условий.

Во всех них при утверждении о необходимости преемственного сохранения кровнородственных, языковых, культурных, бытовых, хозяйственных связей с ранее проживавшей на рассматриваемой территории этнической общностью отмечено, что эти связи не должны быть полными. Современная этническая общность, чтобы считаться «коренной народностью», может сохранить не все элементы, не все способы, не названную степень кровнородственной связи. Это, несомненно, корректное допущение, поскольку последующие поколения любых этнических общностей – тем более малочисленных и находящихся под интенсивным социально-экономическим воздействием крупных наций, народов – не могут в неизменном виде сохранять все этнические особенности предыдущих поколений.

С другой стороны, в названных условиях нет даже упоминаний о количественных и качественных критериях, по которым можно было бы достоверно определить, сколько и каких «элементов», «способов» и степеней родства необходимо сохранить, чтобы иметь основания считаться коренным народом.

Постановка вопроса о необходимости «некоего подсчета неких признаков» может показаться кощунственной с точки зрения морали и очень часто воспринимается таковой некоторыми представителями народов Севера. Однако только такая постановка вопроса необходима, если есть намерения решить конструктивно практический вопрос. Закон, в проекте которого предложены вышеназванные не определенные критериями условия, не будет иметь правового смысла, и допускает неограниченные возможности для произволь-

ных толкований. Конечно, к определенным промежуточным научным и правовым достижениям могут быть отнесены факты фиксации некоторых пока неизвестных, но ограниченных по количеству условий для отличия некоторого явления общества от других явлений. Но это не освобождает от необходимости продолжения научных исследований с целью фиксации достаточного числа количественных и (или) качественных характеристик этих условий, позволяющих достоверно отличать рассматриваемое явление от других, похожих на него или толкуемых как похожие явления. Пока же с гарантированной точностью не доказана достаточность и достоверность этих условий как практических критериев, применение их в правовой практике породит бесчисленные нарушения права.

Второй пример – определение, предложенное в Комитете Государственной Думы РФ по делам национальностей. В этом определении названы следующие условия для отличия «коренных малочисленных народов Севера» от других этнических общностей, от прочего населения:

- * проживание «на территориях традиционного проживания своих предков»;
- * сохранение самобытного уклада жизни;
- * численность в России не менее 50 тыс. чел.;
- * осознание «себя самостоятельными этническими общностями».

К этим условиям можно добавить оттеняющие их, предложенные в этом же документе характеристики для отличия этнических групп Севера:

- * локальность;
- * численность более 50 тыс. чел.;
- * принадлежность не к коренным малочисленным народам Севера;
- * сохранение традиционного расселения, природопользования и обычаев, отличающих «данные локальные группы от других представителей народов, к которым они принадлежат».

Отметим, что среди этих характеристик есть обычные для первых стадий любых исследований, отличающиеся эмоциональной образностью и отсутствием рациональной определенности, иногда настолько приблизительные, что не имеют перспектив сохраниться в качестве характеристик. Таковы, например, могущие казаться, несомненно, однозначными определения «самобытное», «проживание на территориях проживания», «самостоятельное», «сохранение природопользования». Очевидно, что без дальнейшей конкретизации употребление таких определений допустимо только в ситуациях, где можно ограничивать-

ся не имеющими четких характеристик описаниями, не создающими научных и практических, а более всего – правовых последствий.

Нельзя отнести к корректным применение такого критерия, как жёстко определённая численность населения, например в 50 тыс. чел. Некорректность его полностью проявляется в спорных ситуациях, например при решении судьбы реального этноса, не меняющего уклада жизни, но по численности колеблющегося около 50 тыс. чел., причём эти колебания могут быть разного происхождения: изменение режима естественного воспроизводства, внешние воздействия (война, миграции, привнесённые эпидемические болезни и т.п.), а может быть, и неточности статистики.

Отметим также, что и для этого случая характерны особенности, отмеченные выше, в варианте Ассоциации народов Севера Якутии. Такая повторяемость особенностей дополнительно свидетельствует о недостаточной научной разработанности проблемы и дополнительно подтверждает невозможность применения их в качестве критериев, имеющих научное и правовое значение. Однако оно же дает возможность опираться на уже выявленные и зафиксированные в проектах нормативных актов (и не только рассмотренных здесь, смотри, например, 92, 94, 95, 98) основные категории, в рамках которых могут продолжаться исследования и могут быть выработаны конкретные характеристики, позволяющие с достаточной точностью определять и проблему, и пути её решения.

В привнесении множества предложений состоит дополнительное значение вспышки законотворческих инициатив в сфере управления развитием народов Севера России, начавшееся в конце 1980-х годов, давшее множество документов, включая и приведенные здесь. Однако все они требуют научного осмысления. Нам же они дают основания полагать всё же, что важные для нашей темы системообразующие социально-экономические специфические факторы развития автохтонных народов Севера определяются хозяйственно-бытовым укладом жизнедеятельности, спецификой способа производства, лежащего в основе жизнеобеспечения населения этого типа. В качестве таких факторов выделяются следующие: самообеспечение общности в целом за счет трудовой деятельности её членов в основном в традиционных отраслях хозяйства, основанных на освоении традиционной природно-ресурсной базы, в сохраняющейся природной среде обитания, при проживании в сельском населенном пункте с преобладанием коренного населения. В совокупности это может являться социально-экономической основой для сохранения в основном традиционного хозяйственно-бытового уклада и культурных этнических особенностей при сохранении высокой роли общественных (общинных) фондов потребления. Финансовая и материальная помощь извне имеет важное, но не основное, а вспомогательное значение в жизнеобеспечении общности. В этих условиях корректно ожидать сохранения конкретного наро-

да Севера как этнической общности со всей совокупностью системообразующих признаков.

Под ассоциированным населением мы понимаем совокупности отдельных лиц или остатков семейных и родовых объединений из народов Севера, приближенных к европеизированного типа укладу жизни рабочих поселков и крупных сёл. По кровнородственным признакам они относятся к народам Севера проживают в населенных пунктах с относительно небольшим по численности населением и нетрадиционными для народов Севера градообразующими отраслями хозяйства, где составляют меньшую часть численности населения. Трудоспособные члены этих совокупностей заняты работой по найму в основном в нетрадиционных отраслях хозяйства, часто малоквалифицированным трудом. Основным источником жизнеобеспечения является заработная плата, распределяемая между работником и ближайшими родственниками с ним лицами. Участие проживающих в этих поселениях отдельных представителей коренных народов Севера в традиционных отраслях хозяйства возможно, но как дополняющий фактор, не составляющий основы для жизнеобеспечения территориальной совокупности народа Севера. Среди этой части народов Севера, в случае депрессии нетрадиционных отраслей и разрушения связанного с ним уклада жизни, может относительно легко восстановиться и автохтонный тип населения.

При исторически длительном развитии в поселках с европеизированным укладом жизни ассоциированный в этот уклад тип населения может развиваться в ассимилированный, возвращение которого к укладу жизни автохтонного населения затруднено. Ассоциированный тип народов Севера возникает, как правило, при развитии на месте традиционных населенных пунктов относительно крупных предприятий нетрадиционных отраслей или региональных управленческих структур, как правило, гипертрофированно расширенных, или при насильственных переселениях в случае ликвидации «неперспективных» сёл.

К типу ассимилированного населения мы относим совокупность отдельных лиц или простых семей, составленных из представителей народов Севера, проживающих в основном в городе, частично – в большом поселке или селе, где они составляют незначительную долю в численности населения. Они заняты в основном квалифицированным или высококвалифицированным трудом, заработная плата за который является основой для жизнеобеспечения. Традиционные отрасли хозяйства в этой зоне практически отсутствуют. Отдельные виды использования традиционных природных ресурсов (рыбная ловля, охота, сбор дикоросов) носят характер любительских занятий. Уклад жизни – европеизированный, сопоставим со средним для населения страны уровнем. Переход ассимилированного населения в целом к укладу жизни автохтонного населения, как правило, нереален: такой переход возможен только для отдельных представителей как исключение из правила. Возник-

новение ассимилированного населения связано в основном с процессами двух типов. Один – закономерное социальное и территориальное перемещение в урбанизированную среду обитания представителей народов Севера, психофизиологически наиболее пригодных к радикальному изменению социального статуса и обладающих способностями к квалифицированному, высококвалифицированному труду. Второй – случайное включение в городскую среду представителей народов Севера, обладающих средними или ниже среднего для своего народа уровня индивидуальными способностями к социальному развитию. В типе ассимилированного населения, как правило, концентрируется интеллектуальная и культурная элита народа Севера, сохраняющая, развивающая, распространяющая культурное наследие народов Севера в интеллектуально выраженной форме.

Вышеописанные типы населения можно отнести к основным. При более подробной дифференциации, конечно же, могут быть выделены промежуточные, смешанные, а возможно, и дополнительные типы. Но предложенное здесь укрупненное подразделение, как представляется, обеспечивает конструктивный подход к познанию структуры этносоциальных общностей народов Севера, дифференцированной по одному из основных экономических признаков, по укладу жизнедеятельности. Жизнедеятельностью народа эти уклады созданы, в ней воспроизводятся, изменяются, создают социально-экономическую и экологическую среду для воспроизводства общности в целом. С другой стороны, предлагаемое подразделение общности на типы по укладам жизнедеятельности не препятствует рассмотрению её как целостности, не означает, что общность перестает существовать как целостность. Каждый народ – целостность, составленная из разнотипного населения. Он дифференцирован по социальным, экономическим, демографическим, территориальным признакам. И представляет собой сложное по структуре, но целостное образование. В нем можно выделить население сельское и городское, занятое физическим и умственным трудом, трудоспособное и нетрудоспособное, нуждающееся и не нуждающееся в социальной защите; интеллектуальную, политическую, другую элиту и массы; столичное и провинциальное население и т.д. Но именно это разнообразие и обеспечивает развитие народа как целостности, как нации, хотя составляющее его элементы могут жить разными укладами, а жизнедеятельность их может регулироваться разными экономическими и правовыми механизмами.

Таковы и современные народы Севера. Они в большей или меньшей степени дифференцированы по укладу жизнедеятельности и по методам регулирования жизнедеятельности. Но в современном обществе именно за счет разнотипности они и составляют этническую целостность. В то же время, , в первую очередь,, от решения каждого отдельного фи-

зического лица, каким бы укладом он ни жил, а не от посторонних наблюдателей, законодателей и управленцев, может зависеть: относится это лицо к народу Севера или нет.

РАЗДЕЛ 2.4. СУБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАЗВИТИЕМ НАРОДОВ СЕВЕРА

Для анализа социально-экономических особенностей и проблем регулирования социально-экономических отношений, связанных с развитием народов Севера, важно выявить систему субъектов этих отношений. Необходимость выделения этой темы в специальный раздел вызвана следующими обстоятельствами.

Переживаемый страной переходный период связан с ломкой прежде всего ранее существовавших и созданием новых общественных отношений. Формальная организация последних не завершена, и не только потому, что не устоялись сами общественные отношения, а в первую очередь, – отношения собственности. Пока ещё нет удовлетворительного законодательного оформления даже тех отношений, которые не имеют формационного общественного характера, но без которых затруднена пространственная и социальная организация любых общественных структур при любом общественном строе (административно-территориальное устройство, функциональная структура органов управления и т.п.). Кроме того, имея дело с организацией общественных отношений, обеспечивающих развитие народов Севера, мы обязаны учитывать специфику этих народов. Далеко не все современные стороны её изучены и отражены в законодательстве и, не исключено, пока не могут быть отражены в нормах права. В настоящей работе мы не пытаемся рассмотреть эту проблему во всем разнообразии, а только ставим некоторые важные для нашей темы вопросы, без которых невозможно рассматривать проблематику социально-экономического характера.

Мы принимаем, что субъекты интересующих нас отношений, оформленные правовым образом, могут быть подразделены прежде всего на те, что укладываются в типизированные формы государственного и общественного устройства, и специфичные, связанные с особенностями общественного развития народов Севера. К первым относятся органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления; создаваемые ими комитеты, комиссии, представительства и другие рабочие органы; общественные организации общепринятого в стране типа (профсоюзы, партии, союзы и т.п.); коммерческие организации – юридические и физические лица. Можно отметить, что эта часть системы субъектов общественных отношений, как бы недостаточно ни был современным законодательством урегулирован их статус, достаточно хорошо выверена исторической практикой. Про-

блемы её функционирования если и нуждаются в более глубоком анализе, то не в рамках нашей темы, а в специальном правоведческом исследовании.

Но особого внимания требует та часть системы субъектов общественных отношений, которая связана со специфичной проблематикой народов Севера. В периоды, предшествующие интенсивному государственному воздействию, в качестве субъектов общественных отношений со стороны народов Севера выступали племенные, родовые, семейные объединения, отдельные плательщики ясака. Представлены они были тойонами, старейшинами, советами старейшин, некими общими собраниями, взрослыми «ясачными» мужчинами, «богачами», «бедняками», «туземными Советами», «туземными РИКа́ми». Статус этих субъектов и их представительств определялся из различных сочетаний положений общего традиционного, неписаного права народов Севера, находящихся на первобытнообщинной стадии общественного развития, а также правовых режимов, действовавших в России, а также в РСФСР и СССР в начальных стадиях их существования как государственных образований.

К концу существования СССР как государства народы Севера были централизованно структурированы в стандартные общегосударственные формы государственной и хозяйственной организации с титулом, провозглашающим национальную специфику: национальные (автономные) округ и область, национальный административный район, национальное село, национальные государственные (совхоз) или кооперативные (колхоз, артель) предприятия. Субъектом таких отношений могли выступать, но крайне редко выступали и отдельные граждане.

Национальная специфика этих форм имела заметное практическое значение для обеспечения жизнедеятельности народов Севера, но не настолько полное и не всегда в тех направлениях, на которые была рассчитана. Проводимая в рамках этих форм экономическая политика привела к несомненным, заметным, существенным, позитивным, прогрессивным изменениям в укладе жизни народов Севера. Но в то же время она несомненно сопровождалась и, более того, сама способствовала развитию негативных, регрессивных явлений в их жизни.

К негативным явлениям можно отнести перераспределение специфичных, связанных с народами Севера бюджетных ассигнований в пользу приезжего в районы Севера населения, вытеснение народов Севера из некоторых традиционных отраслей хозяйства, отчуждение народов Севера от традиционных природных ресурсов при ликвидации национальных сел и т.п. Среди негативных последствий этих явлений могут быть названы низкая трудовая занятость в целом и, что симптоматично, в некоторых традиционных отраслях

хозяйства, низкий уровень потребления, высокие заболеваемость и смертность и другие [25, 78, 140].

Стало очевидным, что сложившиеся системы организации жизнедеятельности народов Севера не соответствуют состоянию общественного развития, в котором находятся эти народы. Были выдвинуты многочисленные соображения о причинах современного состояния и об основных направлениях дальнейшего развития народов Севера. Эти соображения могут быть достаточно точно сгруппированы в два блока со следующим основным содержанием группируемых явлений.

Одна группа соображений основывается на тезисе: у народов Севера сохранилась общественная потребность в традиционном способе производства, традиционной организации хозяйствования, традиционном хозяйственно-бытовом укладе жизни, как основных факторах сохранения народов Севера в качестве этнических общностей. С этим связано, в свою очередь, сохранение у народов Севера и социально-экономической, и духовно-психологической потребности в традиционных природных ресурсах и традиционной природной среде обитания. Эта общая потребность может быть представлена дифференцированно: как экономическая потребность в природных ресурсах для обеспечения жизнедеятельности общности и её элементов продуктами труда, для ведения хозяйства и быта, как духовная потребность в сохранении ощущения и осознания единства с природной средой обитания, как физиологическая потребность в определенных продуктах питания, температурно-влажностном режиме и других факторах жизни, как психологическая потребность в сохранении стереотипов поведения, отношений с окружающим миром, причастности к традиционному укладу как фактору формирования и сохранения этнической общности. К этому кругу может быть отнесена потребность в сохранении значения цементирующих общность общественных связей в их прямом, непосредственном выражении в рамках племени, рода, общины, крупной семьи. Среди таких связей могут быть названы социально ориентированные механизмы распределения ресурсов, широко распространенные взаимопомощь и взаимоподдержка в любых жизненно важных сферах.

Степень сочетания традиционного и нетрадиционного в жизнедеятельности народов Севера – отдельный важный и сложный вопрос. При его решении общая потребность в природе дифференцируется не только по видам, но и по интенсивности. Конечно же, полный анализ такой дифференциации должен применяться при рассмотрении конкретных ситуаций. Здесь важно отметить, что общественная потребность в традиционных элементах жизнедеятельности народов Севера как функция не отражена в функциональной организации системы управления общественным развитием. В частности, нет функционально опре-

деленных субъектов общественных отношений, должных организовывать традиционную сферу жизнедеятельности.

Другая группа соображений связана с необходимостью системного учета разнообразных интересов тех сфер современных социально-экономических структур северных районов, которые сформировались исторически недавно. Эти структуры представлены крупными экономическими организациями, связанными с крупномасштабным индустриальным освоением природных ресурсов, вовлечением их во внерегиональный и, как правило, общегосударственный и мировой оборот. В соответствии с экономической функцией эти организации являются выразителями и проводниками интересов не только собственных экономических, но и внерегиональных, вплоть до геоэкономических. Среди такого рода структур могут быть названы и организации внепроизводственные в политической, оборонной, социальной сферах, выражающие широкий спектр интересов – от размытых идеологических до жёстко обозначенных оборонных. К таким структурам может быть отнесено и новое население районов Севера, сформировавшееся из мигрантов, прибывших из обжитых районов страны. Это население может быть не структурировано в видимые организационно-материальные формы, но, составляя большинство, а иногда и подавляющее большинство в общем населении районов Севера, играет очень заметную, чаще всего решающую роль в развитии этих районов в целом. Влияние этой группы населения на отношения в сфере природопользования, в том числе и традиционного использования природных ресурсов народами Севера, уже отмечалось в работах О. Мурашко [73, 74, 80, 81, 83]. Это население принесло с собой на Север давно сформировавшиеся, исторически устойчивые социально-экономические, морально-этические, поведенческие принципы отношений между людьми и обществом, людьми и органами власти и управления, принципы отношений отдельных людей и различным образом организованных простых и сложных общественных структур к природе, природным ресурсам. В частности, отмечено, что многие люди, прибывшие на Север, несут в себе устойчивые стереотипы освобождённости от пусть и слабо соблюдаемых, но ограничений, запретов в отношении к общедоступным, как бы ничьим, природой произведенным элементам природных комплексов: воде, рыбе, дичи, цветам и т.п. [83]. Это население принесло с собой также свои сочетания индивидуального и коллективного, частного и общественного, «природосохраняющего» и «природоразрушающего» в стереотипах личного и общественного поведения.

Обе группы явлений, потребностей, интересов могут быть выражены в формализованных, правовым образом созданных и функционирующих субъектах. Но в сфере реальных общественных отношений функционирует и достаточно сложная система субъектов, не имеющих правового статуса, действующих не правовыми методами, выражающих не

правовым образом закрепленные интересы. При этом выражение этих интересов не современным правовым образом, не через писанные нормы права, далеко не всегда означает, что эти интересы противозаконны по содержанию или выражены противозаконным образом. Такие интересы могут традиционно для любого общества регулироваться нормами и правилами морали, а также общего неписаного права.

Понятно также, что дифференцированные общественные интересы и стереотипы поведения могут не только не совпадать, но быть противоречивыми и даже несовместимыми. Так, стереотипы жизнедеятельности, привнесенные прибывшим из обжитых районов страны населением, в случае несовпадения со стереотипами, присущими народам Севера, безусловно подавляли последние.

Не вызывает затруднений, поскольку законодательно оформляется и исследуется в специальных областях знания, рассмотрение взаимодействий в сфере общественных отношений, регулируемых правовым образом. Значительно сложнее и требует особого внимания рассмотрение общественных отношений, формирующихся и функционирующих в неправовой форме. Неправовые взаимодействия совершаются в виде управления информационными потоками, личных контактов, обмена делегациями, предъявления резолюций, апелляций, воззваний и рекомендаций, проведения демонстраций и других явных и неявных методов придания определенных ориентаций поведению правовым образом формализованных субъектов общественных отношений.

Так, например, используя остроту ситуаций в социальных, в том числе и национальных отношениях, и борьбу политических сил за голоса в федеральных органах власти в СССР и Российской Федерации в конце 1980-х – начале 1990-х годов, нетитульные нации, поддержав национальные движения неправовым образом, добились правового оформления расширения статуса национально-территориальных образований народов Севера до уровня субъектов Федерации. При этом, как отмечалось выше, по безукоризненно демократической процедуре составляющие большинство нетитульные части населения получили фактический, правовым образом оформляемый приоритет своих интересов над интересами титульных, но составляющих меньшинство населения народов Севера.

Так, интересы хозяйственных структур, крупномасштабно осваивающих природные ресурсы Севера, не только формально, то есть правовым образом, представлены в системе субъектов, сложно дифференцируемой в иерархии государственного и экономического устройства общества. Многие реальные интересы этих структур не совпадают с формально выраженными, проявляются не в правовых процедурах. Они реализуются в виде скрытых воздействий на процедуры принятия правовых и хозяйственных решений, разработки нормативов и рекомендаций, распределения финансовых ресурсов и др. Мы не рассматриваем

здесь специфичные вопросы о дифференциации таких воздействий, которые могут быть и незаконными (взятка, подкуп, шантаж, запугивание и т.п.), а также о содержании интересов, которые могут быть и антиобщественными (обход экологических и социальных требований и др.). Мы считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что долговременные интересы сырьедобывающих промышленных структур по определению не могут совпадать с интересами народов Севера. В идеальной системе организации общественных отношений такое естественное несовпадение разрешается в процедуре выработки рациональных взаимоприемлемых, «разумных» компромиссов. В реальности, которая, как правило, ставит общественные структуры в ситуации жесткого противоборства «конкретных» экономических и политических интересов с «отвлеченными» гуманистическими и экологическими, механизмы принятия практически значимых общественных решений ориентированы, как правило, на «общественно более важные» интересы. По реальной роли в системе общегосударственного (и даже международного) значения общественных сил интересы экономических структур, занятых добычей нефти, газа, золота, цветных металлов и др., не только несоизмеримо более масштабны и мощны, но и располагают несоизмеримо большими возможностями по обоснованию и отстаиванию своих позиций. Один из методов реализации таких возможностей состоит в препятствовании созданию реальных субъектов, должных представлять интересы народов Севера, или в утверждении процедур их функционирования, неадекватных этим интересам. Невозможно доказать фактами (для этого нужно исследование не научными, а следственными методами), но можно предположить по принципу «ищи, кому это выгодно», что длительное, в течение почти 10 лет, неприятие на федеральном уровне законодательных актов о народах Севера объясняется, в том числе, и обусловленным экономическими интересами промышленности, добывающей природные ресурсы в северных районах, прямым или косвенным применением этого метода.

Для понимания структуры и закономерностей действия реальных механизмов развития общественных процессов, связанных с экономическим обеспечением жизнедеятельности народов Севера, кратко рассмотрим вопросы, связанные с построением систем общественных функций, проявляющихся в этой сфере и систем субъектов, должных обеспечивать эти функции, а также со значением взаимосвязи между этими системами для рационального развития общества.

Примеры несовпадения функций жизнедеятельности народов Севера и системы субъектов, в которой развивалась эта жизнедеятельность в СССР, а также последствий такого несовпадения приведены выше.

С конца 1980-х годов обсуждается вопрос о предоставлении народам Севера «территорий традиционного природопользования, не подлежащих отчуждению для промышлен-

ного освоения». Впоследствии из обсуждения без объяснений была исключена часть этой формулировки, касающаяся «отчуждения для промышленного освоения». В течение почти десяти лет на федеральном и региональном уровнях разрабатываются проекты правовых документов, в той или иной мере посвященных вопросу о территориях традиционного природопользования. К главным проблемам, затрудняющим принятие удовлетворительных нормативных актов, разработчики проектов справедливо относят отсутствие понятийного аппарата, установлению которого посвящают отдельные статьи и даже главы своих проектов. Основное в этой проблеме – научная неподготовленность предлагаемых определений, специфика которых состоит, в частности, в построении новых сочетаний достаточно давно известных понятий; при этом оказывается, что эти сочетания вносят в каждое из понятий новое содержание. Эту часть вопроса мы рассмотрим в специально посвященных разделах. Здесь же отметим, что не менее важной стороной законодательного и практического решения проблемы территорий традиционного природопользования является отсутствие в современной действительности субъекта отношений по поводу этих территорий. Понятие «народы Севера» – абстракция. Субъект конкретных отношений собственности (владения, пользования, распоряжения) по поводу конкретных территорий может быть только конкретным. Без такого субъекта любой Закон о территориях традиционного природопользования будет литературным трудом на отвлеченные темы. Если отсутствует надлежащий субъект отношений по поводу этих территорий, права, обязанности и процедуры деятельности которого ориентированы на достижение заявленной цели: сохранение и развитие народов Севера, – то не будут созданы эти отношения и не будет движения к заявленной цели.

В историческом прошлом в роли субъектов традиционного природопользования выступали организованные по общему праву общины как целостные структуры, из которых составлялось этническое целое – конкретный народ Севера. За этими общинами государственными нормативными актами или другим способом закреплялись территории, в пределах которых осуществлялось как единственная экономическая основа жизнедеятельности традиционное природопользование, функционирующее в нормах общего права.

В XX веке социально-экономическая структура этнических общностей, описываемых понятием «народы Севера России», существенно изменилась, поскольку изменились экономические основы их жизнедеятельности. Традиционное природопользование народов Севера, бывшее базой для первобытного хозяйственно-бытового уклада, всеми исследователями без исключения определяемого как «убогий», постепенно всё более дополнялось, а во многих случаях и вытеснялось государственной помощью, внедрявшей новые, нетрадиционные технологии, организационные формы и техническую культуру производства и

новые формы организации жизнедеятельности в целом. При этом социально-культурный и хозяйственно-бытовой уклад жизни народов Севера в целом (даже с учётом названных выше негативных явлений) развился до уровня значительно более высокого, чем существовал ранее. При этом произошли и принципиальные изменения в системе и содержании субъектов общественных отношений, организующих жизнедеятельность народов Севера. Роль общины как субъекта, выражающего интересы народов Севера, стала незаметной. Сами кровнородственные общины во многих случаях перестали существовать в результате радикальных социальных, экономических, демографических изменений и изменений в системе расселения. Место общины как субъекта реальных общественных отношений заняли другие социально-экономические структуры, адекватные этим отношениям, в частности тому факту, что несомненная крупномасштабная экономическая помощь государства заменила традиционное природопользование в качестве экономической основы жизнедеятельности народов Севера. Очевидно, что изменилось и конкретное экономическое содержание того общественного явления, на которое распространилось название «традиционное природопользование».

Ослабли, а местами и исчезли общественные функции, для исполнения которых вырабатывались механизмы функционирования ранее существовавшего субъекта традиционного природопользования. Ослабла или исчезла общественная потребность в таком субъекте. Исчезли или преобразовались в иные формы субъекты, ранее выполнявшие функции собственника (владельца, пользователя и т.п.) территорий традиционного природопользования. Их место и главенствующую роль в жизнедеятельности заняли новые субъекты общественных отношений, по экономическим своим функциям адекватные новым экономическим основам жизнедеятельности.

В результате вышеназванных и других изменений возник шлейф разнохарактерных социально-экономических последствий, которые можно выразить одной фразой: народы Севера перешли в иное общественное состояние.

Для дальнейшего развития этих народов в продолжающих изменяться общественных условиях неизбежны изменения в системе общественных отношений, в том числе и в системе субъектов этих отношений. При этом необходимо и соблюдение основного условия - субъект экономических отношений собственности (владения, пользования) на территорию традиционного природопользования должен соответствовать экономической сущности отношений народов Севера к этой территории и по поводу этой территории. Безусловно, что субъект, существовавший в историческом прошлом, – кровнородственную общину с первобытным укладом жизни – не воскресить, как не воскресить и первобытные экономические отношения, в том числе и первобытные отношения собственности на природу, соот-

ветствовавшие первобытнообщинному способу производства. Это очевидно, поскольку народы Севера в целом сами не смогут, даже если им покажется, что они этого захотят, вернуться к первобытнообщинному способу производства, и следовательно, к первобытному укладу жизни.

Таким образом, одно из главнейших условий для построения правовых конструкций, должных регулировать дальнейшее развитие народов Севера, состоит в том, чтобы найти формы общественных отношений, адекватные реальной двойственности современных экономических основ существования этих народов, которые укрупнённо могут быть представлены в двух формах: собственного труда и помощи извне. При этом необходимо учитывать рассмотренные выше специфические особенности, требующие дифференцированного подхода к проблеме. Труд может совершаться в традиционных и нетрадиционных отраслях. Продукты труда могут присваиваться непосредственно или опосредованно через товарный обмен. Распределение благ между всеми членами общности, включая несовершеннолетних, может осуществляться непосредственно в общности или через систему государственных структур. Каждому из основных типов населения, на которые по укладу жизни дифференцированы народы Севера России, должны соответствовать и свои функционально выражающие их особенности, системы общественных отношений и субъектов, реализующих эти отношения. Не может быть применима одна система методов жизнеобеспечения ко всем типам населения, могущим в совокупности составлять одну этническую общность, народ Севера, но реально проживающим в разных населённых пунктах, в разных социально-экономических условиях, разными укладами жизни.

Сложность решения этих вопросов проиллюстрируем анализом одного из наиболее подробных предложений по определению субъекта общественных отношений в сфере «выделения территорий традиционного природопользования народов Севера». При этом ещё раз подчеркнем, что наша задача – не критика ранее высказывавшихся положений: нам понятна сложность выработки точных формулировок для описания недостаточно исследованных явлений. Наша задача – поиск путём приближения к наиболее точным формулировкам, в том числе и путём анализа как реально существующей действительности, так и существующих её описаний.

В качестве определения субъектов народов Севера в общественных отношениях по поводу территорий традиционного природопользования в документе, представленном некоторыми депутатами – членами Комиссии Государственной Думы РФ по делам национальностей – предложено следующее: «Община коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – коренные малочисленные народы Севера) – это добровольное, самоуправляемое сообщество граждан, семей, родов,

объединившихся по кровнородственному и территориально-соседскому признакам, связанных общими социальными и экономическими интересами, коллективным владением, использованием и распоряжением землями традиционного природопользования, потребностью развития традиционной экономики и культуры, сохранения уклада жизни и среды обитания, а также самостоятельного, под свою ответственность, принятия решений по вопросам общинного, самобытного, этнического и местного значения».

Территории традиционного природопользования в этом законопроекте предложено определить следующим образом: «Исторически сложившиеся земли, водные пространства, освоенные и обжитые многими поколениями предков коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей других народов».

Под общинным самоуправлением предложено понимать «самоуправление, основанное на этнических традициях и обычаях этих народов».

По вопросам членства в общине – одним из важнейших для организации отношений между населением страны в целом, населением районов Севера, народами Севера, отдельными общинами, отдельными людьми – предложено следующее.

«Членами общины могут быть представители любых народов...». «Право на создание и организацию общины предоставляется представителям коренных малочисленных народов Севера, постоянно проживающим в данной местности, социальные, экономические и политические интересы которых направлены на развитие традиционного образа жизни...». «Членом общины может стать любой гражданин Российской Федерации, находящийся в родственных отношениях с членами общины, постоянно проживающий на территории общины...». «В члены общины по решению собрания могут быть приняты также близкие родственники и члены семей членов общины, не проживающие на её территории, но оказывающие ей материальную, финансовую, гуманитарную помощь и содействие».

В этих положениях, прежде всего, обращает на себя внимание стремление отразить реально существующее многообразие практических, иногда противоречивых, иногда взаимоисключающих ситуаций, с которыми сталкиваются народы Севера. Поскольку эти ситуации пока ещё недостаточно изучены, в них не выделено общее и особенное, главное и второстепенное, основное и производное, возникающее и отживающее и др. В результате, однако, стремление просто отразить многообразие приводит к неопределенности понятий, включающих в себя несопоставимые по видам и уровням определения.

Так, в неразделимую связь поставлено сочетание в общине кровнородственного и территориально-соседского признаков, которым среди современных территориальных общностей народов Севера, проживающих в конкретных сёлах и посёлках, могут соответ-

ствовать далеко не все представители народов Севера. Само по себе кровное родство, как известно, дифференцируется по степеням и поколениям и с некоторого уровня не может быть определено для конкретных людей без привлечения специальных доказательств: показаний нескольких надлежащих свидетелей, записей в актах гражданского состояния, физиологических, генетических исследований и др. В результате интенсивных демографических, в том числе миграционных, процессов во многих отдельных населённых пунктах образовалось смешанное население, вмещающее представителей нескольких народов Севера, нескольких племен, родов, крупных семей одного народа Севера, ранее проживавших в разных населенных пунктах. Таким образом, строгое соблюдение принципа кровного родства может оказаться препятствием для создания общины как субъекта традиционного природопользования и для рационального выделения территорий традиционного природопользования. Понимая это, авторы законопроекта заложили в другой его части противоречащее принципу кровного родства положение о возможности членства в общине представителей любых народов и этим ликвидировали саму необходимость «кровнородственного признака».

Вызывает сомнения категоричность законодательного закрепления потребности народов Севера в «сохранении уклада жизни». Безусловно, уклад жизни - один из главных признаков выделения народов Севера (как и других народов) из общих совокупностей народов мира, страны, региона. Но также, безусловно, что уклад жизни ни одного народа мира не может быть законодательным образом сохранен, законсервирован, в то время как в процессе жизнедеятельности этих народов он неизбежно развивается, изменяется. Народы теряют, отказываются от одних элементов уклада жизни, развивают другие, перенимают третьи. Предлагаемая норма права тем более нерациональна, что не учитывает дифференциацию самих народов Севера по укладу жизни и не устанавливает, с какой стадии развития уклад жизни может не развиваться, а сохраняться, можно ли и кому иметь потребность к изменению уклада жизни, весь ли уклад жизни должен сохраняться неизменным или есть его элементы, изменение которых допустимо и даже необходимо.

Нерационально и включение в перечень критериев для правового определения субъекта, представляющего интересы определенной группы народов Севера, понятия «самобытное». «Самобытность» как определение одного из качеств или совокупности качеств, позволяющих выделить эту группу, эту общину из других народов мира, народов Севера и даже внутри одного народа Севера, может быть применена в художественной литературе, основывающейся на образном восприятии действительности, или в специальных научных исследованиях, с исчерпывающей широтой и подробностью, конкретными примерами

очерчивающих пределы «самобытности». В качестве же правового критерия понятие «самобытность» образует безграничное поле для разнообразных толкований.

Такую же недопустимую для правовых регламентаций возможность множественности толкований заключают в себе и другие предложенные проектом определения. К ним можно отнести вполне допустимые в отвлеченных описаниях, но не обладающие достаточной точностью для закрепления в норме права определения «исторически сложившиеся земли», «многими поколениями предков». Отсутствие точных критериев, устанавливающих рамки таких определений, придает содержанию понятия «территории традиционного природопользования» практически трудно ограничиваемый диапазон толкований: сколько поколений «много», а сколько мало; что такое «сложившиеся земли»; какой точно срок необходим для приобретения качества «историчности». Ведь конкретная территория для конкретного народа должна иметь конкретные границы и конкретные, а не общеописательные основания для их закрепления.

То же замечание может быть отнесено к содержанию понятия «общинное самоуправление», которое предлагается основывать на «этнических традициях и обычаях этих народов». Отмечено уже, что в большинстве населенных пунктов проживают представители нескольких «этих народов» и объединение в одной общине их «этнических традиций и обычаев» в сфере «самоуправления» может на практике вылиться в легко оспариваемые процедуры. Оспаривание их тем более вероятно, что этнографические и исторические исследования «этнических традиций и обычаев» никогда не были рассчитаны на последующее законотворческое использование их результатов. Вследствие этого такие результаты достаточны для оперирования ими в научных целях, но могут не иметь достаточной для закона полноты и конкретности. И, учитывая динамичность развития явлений в сфере «традиций и обычаев», учитывая, что опирающиеся на мораль «традиции и обычаи» более гибки в применении, чем нормы права, и не определяются с той степенью конкретности, которая необходима для закона, можно утверждать, что правовым образом не удастся установить не произволом, а жизненной потребностью обусловленную норму: какие «этнические традиции и обычаи» могут быть основой самоуправления, а какие нет и по каким причинам.

Полной противоречий оказывается схема формирования общины, учитывающая многие варианты жизненных ситуаций, но не имеющая в своей основе ограниченного количества точно определяемых критериев. Создавать и организовывать общину могут только: 1) представители народов Севера; 2) постоянно проживающие в данной местности; 3) имеющие интересы, направленные на развитие традиционного образа жизни. Как видим, набор требований достаточно жёсток. Но по следующему уточнению членом общины может

стать представителем любого народа. По другому уточнению – любой гражданин России, родственник члена общины, постоянно проживающий на территории общины. Поскольку кровные родственные связи здесь не упомянуты, то при постепенном вовлечении всех возможных родственников в общине по прошествии времени народы Севера могут оказаться в ничтожном меньшинстве. И, наконец, членом общины могут стать родственники и члены семей членов общины, которые, как мы установили, могут быть и не представителями народов Севера, не проживающими на территории общины. С этим определением круг членов общины становится не ограниченным ни пространственными, ни этническими пределами, ни кровнородственными, ни территориально-соседскими признаками. Дополнительный нюанс в правила формирования общины вносят условия, связывающие членов в общине, для людей, не проживающих на её территории, с их материальной, финансовой и гуманитарной помощью общине.

В реальной жизни это связано с тем, что многие члены этнической общности фактически постоянно проживают в других районах страны и даже в других странах (рассматриваемая правовая форма позволяет учитывать и такую возможность). Они могут оказывать общине помощь и желать числиться в общине по морально-психологическим мотивам. Но какое реальное отношение могут они иметь к пользованию территорией, на которой они не проживают и ресурсы которой не имеют значения для их жизнеобеспечения? И чем они в этническом смысле отличаются от людей, также проживающих вне общины, морально к ней тяготеющих, но по бедности не имеющих возможности помогать ей и, более того, могущих нуждаться в помощи общины?

Кроме того, в конечном счёте названные условия могут обеспечить в общине приоритет богатым людям, не принадлежащим к народам Севера и проживающим в крупных городах за пределами Севера, как только эти люди обнаружат на территории общины свой меркантильный интерес, никак не совпадающий с интересом традиционной жизни народов Севера.

Таким образом, включение в определение субъекта общественных прав народа Севера и объекта управления развитием этого народа большого количества видимых деталей приводит к противоречивым результатам. В то же время такая детализация обусловлена в конечном счёте не случаем, не произволом исследования, а отражает объективно существующую и возрастающую сложность структуры народов Севера. Можно предположить, что причины получения противоречивых результатов заключаются в применяемом методе, суть которого в стремлении, определив предмет исследования как целостность, учесть в одном ряду всё многообразие проявлений этой целостности, в реальной жизни могущих быть противоречивыми и приносящих эти противоречия в результат.

Представляется, что в нашем случае целесообразнее применить иной методологический подход, суть которого состоит в следующем:

- в дифференциации предмета исследования, который не только является целостностью, но и имеет сложную структуру, состоит из частей, различающихся такими важными признаками, как место проживания, источники жизнеобеспечения, причастность к собирательскому типу природопользования, уклад жизни и т.п.;

- в дифференцированном подходе к выбору форм и методов управления; правовые формы управления, обеспеченные государственной властью, должны применяться для регулирования важнейших экономических и социальных сторон жизнедеятельности; для регулирования таких сфер, как культура, организация быта, традиции и обычаи, могут применяться и не правовые методы;

- в подборе необходимых и достаточных признаков для адекватной идентификации предмета исследования; при необходимости - использование интегрированных признаков; применяемые признаки должны быть точно определяемыми, а содержание их (при необходимости - правовое содержание) должно быть выражено чётко и однозначно;

- в определении в качестве объекта управления общественных явлений, реально существующих, развивающихся в будущем, а не исторически исчезнувших и сохранившихся только в описаниях.

Заклячая раздел и опираясь на изложенное выше, можем с достаточной уверенностью отметить, что для правового управления развитием народов Севера, уже дифференцированных на различающиеся по важным признакам общности (субэтноты, конвексии, социально-демографические группы и т.п.), необходимо разделение на несколько типов правовым образом определённых групп, могущих называться общинами, общностями и т.п. Для каждого типа общностей (территориально-производственная общность, культурная автономия, землячество и т.п.) должны применяться свои наборы методов организации и управления, свои сферы деятельности и свои формы общественного (в т.ч. государственного) участия в их деятельности, свои пределы компетенции, прав и обязанностей, свои, наконец, методы решения экономических проблем. Комплексы методов должны быть адекватными особенностями комплексов проблем, которые у каждого типа общностей свои.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

РАЗДЕЛ 3.1. ТЕРРИТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Понятие «территория традиционного природопользования, выделяемая народам Севера и не подлежащая отчуждению под промышленное освоение», в науке достаточно подробно не анализировалось, а в нормативных документах впервые появилось в Постановлении Верховного Совета СССР от 27.11.1989 г. № 829-1 «О неотложных мерах экологического оздоровления страны». Впоследствии из правового определения этого понятия исчезла часть, связанная с «неотчуждением под промышленное освоение».

Понятия «территория традиционного природопользования» и «традиционное природопользование» впоследствии неоднократно употреблялись в нормах права федерального уровня. Например, в принятом в первом чтении Верховным Советом РФ (1992 г.) Законе «Основы правового статуса многочисленных народов Российской Федерации»; в утверждённой Указом Президента РФ (15.06.1996 г. № 909) «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации»; в утверждённом Постановлением Правительства РФ (13.09.1996г. №1099) Федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000г.». В то же время для определения того же самого явления на федеральном уровне употребляются и другие понятия. Так, в Указе Президента РФ от 22.04.1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» применено понятие «места проживания и хозяйственной деятельности», а в Постановлении Президиума ВС РФ от 30.03.1992 г. «Об упорядочении пользования земельными участками, занятыми под родовые общинные и семейные угодья малочисленных народов Севера» применено понятие «земельные участки, занятые под родовые, общинные и семейные угодья» [141].

При подготовке проектов Законов РФ в 1994 – 1997 годах, в законодательной практике субъектов Федерации (например, Корякский А.О., Ханты-Мансийский А.О., Хабаровский край, Камчатская область, Сахалинская область), в научной литературе понятия «традиционное природопользование», «территория приоритетного природопользования», близкие по общепринятому пониманию их смысла и по словарному набору, употребляются устойчиво [например, 20, 32, 58, 79, 80]. Можно предположить, что эти понятия близки и к удовлетворительному выражению сути определяемого явления. Мы останавливаемся на понятии «территории традиционного природопользования» и пытаемся уточнить его содержание.

Для разработки социально-экономического обоснования к выделению территорий традиционного природопользования народам Севера нужно ответить, как минимум, на следующие вопросы.

* С какими целями должно производиться определение границ и статуса территорий традиционного природопользования конкретных народов Севера? Решению каких долгосрочных и краткосрочных социально-экономических задач оно должно способствовать? Решение каких социально-экономических процедурных вопросов необходимо для того, чтобы выделение этих территорий было произведено и выполнило свое социально-экономическое предназначение?

* Каково содержание понятия “природопользование” в том конкретном смысле, который придется учитывать исполнителю нормативных актов о территориях традиционного природопользования в каждом конкретном практическом случае? До последнего времени понятие «природопользование» исследовалось или в очень общем, абстрактном понимании, или применительно к масштабам Земного шара, исторической эпохи, страны. К конкретным землепользованиям, с которыми придется иметь дело в нашем случае, это понятие не применялось.

* Что следует понимать под “территорией природопользования” в теоретическом, методологическом и методическом аспектах? По каким объективным критериям и какими методами могут быть определены пространственные и временные пределы выделения таких территорий? Какими критериями следует руководствоваться, устанавливая режимы отношения (хозяйствования, природопользования) к природе на этих территориях?

* Что такое “традиционное природопользование”? По каким критериям оно отличается от «нетрадиционного природопользования»; каковы формы перехода от «традиционного» к «нетрадиционному» природопользованию и какими объективными критериями они могут быть определены? Какова дифференциация «традиционного природопользования народов Севера» по видам, районам, национальным особенностям, стадиям развития и т.п.? Возможно ли в принципе, а если да, то по каким критериям, разделение «территорий традиционного природопользования» на не подлежащие отчуждению под промышленное освоение и подлежащие таковому отчуждению (эта возможность заложена в некоторых нормативных актах и предложениях)? Не противоречит ли эта «буква» закона его «смыслу», и если не противоречит, то возможна ли дифференциация территорий традиционного природопользования по этому признаку («подлежат» или «не подлежат» отчуждению) и какой правовой статус следует применять для территорий, «подлежащих отчуждению»?

* Кто является субъектом «природопользования», «традиционного природопользования», «традиционного природопользования народов Севера»; субъектом, которому будут выделены соответствующие территории, и который будет наделен соответствующими правами и обязанностями по хозяйственному использованию территорий и соблюдению на них установленного правового, хозяйственного, природоохранного, поведенческого личного и т.п. режима?

* Какими характеристиками следует наделить правовой и экономический механизм выделения и дальнейшего использования названных территорий, чтобы неизбежно возникающие противоречия могли разрешаться в рамках этого механизма, без разрушительных последствий для жизнедеятельности народов Севера, традиционных и нетрадиционных отраслей, в которых заняты эти народы, для социально-экономических структур регионов в целом?

* Какими методами выделения и формами закрепления территорий и акваторий следует пользоваться для решения поставленных уже принятыми нормативными актами задач, если эти акты оставили выбор методов и форм на усмотрение исполнителей? Например, исполнители могут избрать предоставление в собственность, владение, бессрочное или срочное пользование; если пользование срочное, то долгосрочное или краткосрочное; предоставление окончательное или с последующим утверждением?

* Что понимать под «промышленным освоением», для которого «не подлежат отчуждению территории традиционного природопользования»? Если толкование будет расширительным и включит в себя всё, что каким-то образом связано с промышленным освоением, то такое толкование неизбежно будет препятствием для внедрения в труд и быт народов Севера научно-технических новаций? Если толкование будет нормативным, опирающимся на утвержденную общепринятую классификацию отраслей народного хозяйства, то под промышленное освоение не попадет современная, по технике близкая к промышленной, хозяйственная деятельность, связанная с транспортировкой (линии электропередач, автомобильные и железные дороги, трубопроводы и т.п.), ведением нетрадиционного сельского хозяйства, развитием рекреаций. Надо иметь в виду, что все перечисленные отрасли, развиваемые в определенных формах и масштабах, способны деструктивно влиять на состояние природных комплексов и жизнедеятельность народов Севера. Нужна система объективных критериев, которыми следует пользоваться при определении видов, форм и масштабов хозяйственного освоения, для которого не должны отчуждаться территории традиционного природопользования. Нужно установить условия, критерии, по которым будут оцениваться отношения, связи между традиционными и нетрадиционными отраслями хозяйства.

* Какими средствами оздоровить экологическую и связанную с ней социально-экономическую обстановку в тех районах проживания народов Севера, где отчуждение под промышленное освоение территорий, на которых размещена природно-ресурсная база традиционных отраслей народов Севера, уже состоялось, объекты сооружены и функционируют, изменение режимов природопользования увязывается с существенными затратами средств и социальными изменениями?

* Каково содержание понятия «отчуждение под промышленное освоение», если отчуждение в некоей форме под многие объекты, связанные с промышленным освоением, уже состоялось? Нужно ли в этом случае применение других юридических действий, некоего «антиотчуждения», то есть изъятия? С другой стороны, промышленное освоение может начаться и без отчуждения территорий, не подлежащей отчуждению, но именно на этой территории. Для этого кажущегося парадоксальным действия могут быть приисканы основания в умолчаниях или двусмысленных установлениях несовершенного законодательства.

* Какую процедуру реализации анализируемых требований следует принять с учетом и действующего законодательства, и тенденций его развития? В обстановке, когда правовые нормы, регулирующие отношения собственности на природу, переменчивы и могут измениться радикально, необходимо обеспечить устойчивость, стабильность, эффективность отношений, устанавливаемых в ходе выделения и пользования территориями традиционного природопользования народов Севера.

Путем последовательного анализа вышеназванных, а также других выявляемых по ходу исследования проблем, мы полагаем, может быть выработана основа для решения поставленной задачи. Некоторые из этих проблем мы рассмотрим ниже.

Главная цель, должная объединить, скоординировать систему целей, регулирующих управление социально-экономическими процессами общественного развития народов Севера, обусловливается основной социально-экономической проблемой этого развития. Эта проблема состоит в том, что народы Севера находятся на исторически низшей стадии общественного развития по сравнению с народами, позже них расселившимися на территориях Севера и включившими эти территории в свои государственные образования. Дальнейшее общественное развитие народов Севера проходит не естественно-историческим путем, а скачкообразно под воздействием более развитых народов; такой путь объективно вынужден, но теоретически не изучен. Это воздействие может быть спонтанным или управляемым. Как показано выше, глобальные тенденции и провозглашённые Россией идеалы ориентированы на гуманные воздействия государства в отношении развития малых народов – на воздействия целенаправленные, то есть управление.

Управление общественным развитием народов Севера по этому пути должно обеспечить такие формы, темпы, методы развития, которые позволят этим народам на гуманной основе воспринять, включить в свою жизнедеятельность социально-экономические и научно-технические новации. В этом и состоит главная цель, в рамках которой должен реализовываться частный элемент управления, а именно: выделение народам Севера территорий традиционного природопользования.

Таким образом, выделение территорий не только не является самоцелью, но, во-первых, должно способствовать достижению вышеназванной цели высшего уровня, а во-вторых, должно дополняться другими целями и, в свою очередь, дополнять их. Место, уровень цели выделения (закрепления) территорий традиционного природопользования за народами Севера в иерархии целей управления общественным развитием этих народов определяются ещё и тем, что и трудовая деятельность, и само существование этих народов составляют необходимую составную часть экологических систем Севера и могут развиваться только в рамках функционирования этих экосистем, в увязке с механизмами, закономерностями их развития. В связи с этим и закрепление территорий рассматривается не как собственно закрепление территорий, а как средство для обеспечения народов Севера природными условиями, природно-ресурсной базой существования и развития. Важнейшая роль этой цели несомненна, но очевидно, что существуют и другие не менее важные, одноуровневые по важности цели, без учета которых может оказаться бесполезной вся деятельность по управлению общественным развитием народов Севера. В задачи настоящего исследования не входит построение всего дерева целей названного управления. Мы ограничились указанием на главную цель. Однако, не занимаясь более анализом (он будет выполнен в соответствующем разделе), укажем для примера на непосредственную связь цели выделения территорий для традиционных отраслей хозяйства с целью создания экономических условий и для рационального ведения этих отраслей, и для организации всего образа жизни народов Севера. Очевидно, что без обеспечения второй цели реализация первой окажется бесполезной.

Переходя к анализу понятия «природопользование», отметим, что оно может иметь два толкования: узкое и широкое.

При узком толковании использование природы рассматривается в хозяйственном смысле как деятельность по извлечению из природы полезностей в процессе определенным образом организованного труда, в процессе функционирования хозяйства. Это толкование может быть сведено к частному, отраслевому, при котором под «природопользованием» понимается хозяйственная деятельность определённой отрасли (группы отраслей) по извлечению из природы частных полезностей для некоего последующего использования их в

иных экономических структурах. Такое понимание распространено в научной литературе и в практике, хотя не имеет ни систематического обоснования, ни формального или неформального, но чётко выраженного закрепления. И в нашем случае возможно рассмотрение использования природы в традиционном оленеводстве, охотничьем или рыбном промысле. Узкое толкование возможно и при рассмотрении специфичных проблем, например, возникающих в процессе использования природы в горной, лесной, рыбной промышленности, растениеводстве и т.п. Очевидно, что различия во взаимосвязях этих отраслей с природой велики и их особенности в этом случае требуют различных подходов.

Наша задача, однако, состоит в анализе проблем использования природы в целом народом в целом (в вышеназванных документах указано на «природопользование народов Севера»), то есть общественной структурой в целом, включая все виды и формы использования природы в процессе жизнедеятельности. Такое понимание обосновывается и анализом целевого блока проблемы (см. выше). Полагаем, что в этом случае может быть применено в качестве основного только широкое социально-экономическое и экологическое толкование понятия «природопользование», охватывающее весь комплекс условий и элементов взаимосвязи между природной системой и укладом жизни населения, включающим в себя общественное производство, воспроизводство и быт населения, духовные, культурные, физиологические и психологические стороны жизни на определенной стадии общественно-исторического развития.

Понятие «территория природопользования» относительно нечасто встречается в научной литературе и практике, в связи с чем затруднительно выделить общепринятые подходы к пониманию его содержания. Для практиков же из государственных органов управления это понимание кажется очевидным, поскольку исходит из представления об усредненной общей процедуре отвода в пользование земельного участка. Но это понимание для нашего случая совершенно не очевидно, поскольку «народ» или «отдельные его представители» могут исходить, например, из специфичного представления о «территории природопользования» как территории, на которой исторически зафиксирован максимальный из бывших в прошлом ареал обитания.

Понятие «территория природопользования», в нашем понимании, должно рассматриваться в неразрывной связи содержательного, то есть основанного на дифференцированном понимании термина «природопользование» (см. выше), а также исторического и пространственного подходов.

Содержательный подход заключается в применении всей совокупности сведений о процессах природопользования определенной территориальной общности населения (или иной ступени в иерархической структуре расселения) в описанном выше широком толко-

вании понятия «природопользования». Следовательно, к «территориям природопользования» в нашем случае следует относить те, на которых народы Севера постоянным или подвижным (кочевым, например) образом реально живут, осуществляя все виды (с учетом сезонных) хозяйственной деятельности, включая извлечение из природы вещества и энергии, переработку продуктов, утилизацию отходов, сохранение природных комплексов. Таким образом, под «территорией природопользования» понимается не только территория сама по себе, но территория как место сосредоточения природных условий и ресурсов, обеспечивающих жизнедеятельность населения.

Исторический подход заключается в рассмотрении динамики процесса природопользования и связанной с ней динамики территорий природопользования в историческом разрезе, который предполагает не только фиксацию изменений площади территории и конфигурации границ. Необходимы выявление совокупности экономических, социальных, политических, экологических причин этих изменений; анализ воздействия исторических изменений труда, быта, культуры, техники, технологий на характер процессов природопользования и потребность в природно-ресурсной базе; выявление соответствующих закономерностей и на их основе предвидение, прогноз возможных изменений в природопользовании и потребности в территориях для него.

Пространственный подход заключается в рассмотрении «территории природопользования» как пространства, в котором расположен природный комплекс (экологическая система, геосистема) с природно-ресурсной базой природопользования и действуют основные факторы, влияющие на состояние этого природного комплекса, осуществляется процесс природопользования, происходит природопользование как таковое. Таким образом, в понятие «территория» в нашем случае включаются и иные, кроме поверхности суши, элементы природы, как-то: акватории, воздушное пространство, подземные воды, недра и т.д.

Особую сложность представляет выбор метода определения пределов «территорий природопользования», который должен обеспечить достаточно точное практическое определение количественных параметров территорий и режимов хозяйствования на них: площадь территории или акватории; экологически допустимая плотность (интенсивность) хозяйственной, антропогенной нагрузки по отдельным видам хозяйства, элементам природного комплекса и комплексу и в целом; экологическая совместимость отдельных видов деятельности; объем природного комплекса, вовлеченного в хозяйственную деятельность; количественные характеристики происходящих в нем природных процессов и т.п.

Не рассматривая эту проблему во всей полноте, отметим, что решение поставленной в настоящей работе практической задачи пока методически не обеспечено. Считаем возможным до разработки специальных научно обоснованных и утвержденных методических

рекомендаций использовать следующие методы, достаточно известные и широко распространенные.

Нормативный метод, состоящий в расчете по утвержденным нормативам потребности в определенном виде природных ресурсах для хозяйственной деятельности определённого вида и объема, потребности этнической общности в определённых видах продуктов, а также в определении по научно разработанным методикам количественных и качественных характеристик природных ресурсов и возможностей изъятия их из природы. Достоинство этого метода – в простоте применения. Основные недостатки – в возможном несоответствии названных нормативов и методик реальным процессам, как природным, так и общественным (мы не приводим здесь масштабы этих несоответствий и не анализируем объективные и субъективные причины их появления, ограничиваясь констатацией этого несоответствия как факта, проявляющегося регулярно и почти повсеместно); в усредненности, отсутствии привязки к конкретным местным условиям, что особенно важно при учете весьма динамичного состояния биологических компонентов природных систем; в механистичности, не комплексности подхода, расчете каждого параметра порознь, без взаимосвязи с другими. Немаловажен в наших условиях и такой недостаток этого метода, как допустимость участия неквалифицированных разработчиков в подготовке принципиальных специфичных по содержанию решений при помощи простейших вычислений. Важно также учитывать невозможность выявления ответственных за ошибку. Проблема, поставленная в последнем положении, состоит не столько в необходимости наказать ответственного, сколько в необходимости создания стимулов к ликвидации ошибок и, что важнее, к несовершенению ошибок, к совершенствованию методов расчетов.

Исторический метод состоит в исследовании динамики и причинно-следственных связей процессов природопользования, однако применение его на практике затруднено. Недостаток его в том, что выводы, сделанные на основе случайных, разрозненных исследований, не гарантированы от ошибок. Целенаправленные же исследования в этом направлении дорогостоящи, а постановка их требует времени.

Методы фиксации и закрепления фактического состояния природных и общественных систем, так называемой «фоновой съемки», применяются наиболее часто. Содержание этих методов почти полностью раскрывается названием, а достоинства несомненны в двух случаях: при закреплении ситуации, не содержащей конфликтов, при фиксации ситуации, в которой нет возможности локализовать конфликт. В нашем случае основной недостаток метода состоит в ресурсоёмкости и, зачастую, длительности исследований. Кроме того, в настоящее время в районах проживания народов Севера нет зон, в которых не было бы более или менее острых конфликтов, связанных с жизнедеятельностью этих народов, а только

фиксация этих конфликтов противоречит поставленной задаче – ликвидации и предотвращению конфликтных ситуаций. Ведь сама задача эта появилась как реакция на фактическое конфликтное состояние, требующее изменений. Следовательно, метод «фоновой съёмки» должен быть дополнен разработкой предложений по нейтрализации конфликта, что также требует средств и времени.

Возможно также применение «социологического» метода, основанного на использовании материалов опроса местных жителей. Выяснение субъективных мнений населения, объективно заинтересованного в правильности решения, тем более решения, затрагивающего основы его жизнедеятельности, необходимо. Но возможности применения этого метода не следует переоценивать. Во-первых, сам этот метод технически не разработан, не ясны его социально-демографические пределы, содержание вопросов, процедура применения и т.п. Во-вторых, если исследователю и удастся полно уяснить для себя содержание своего вопроса (а мы по мере анализа убеждаемся, что это не совсем просто), то нет никаких гарантий получения адекватного ответа. Подавляющее большинство населения Земного шара, включая и наименее развитые, и считающие себя наиболее развитыми народы, не воспримет понятие «территория природопользования» адекватно, поскольку это понятие абстрактное, новое, не отложившееся в общественном сознании. Население будет отвечать на вопрос, имея в виду нечто иное, своё, конкретное, в лучшем случае отражающее один из основных элементов процесса природопользования. Это чрезвычайно важно и интересно в научном отношении, но без методически сложной специфичной обработки такие данные в чистом виде не пригодны для конкретных решений.

Полагаем, что поставленная в настоящей работе задача, как многие многоплановые, комплексные задачи, должна решаться с применением совокупности перечисленных и иных методов, с дублированием и перепроверкой выводов, что должно предотвратить случайные ошибки, а при дополнении одних исследований другими снизит совокупные расходы.

Одна из сложнейших проблем состоит в выяснении содержания понятия «традиционное природопользование» народов Севера.

Условно разделим её на отдельные вопросы.

Исторически-временной аспект проблемы состоит в том, чтобы уяснить, что же в природопользовании следует считать традиционным; рассматривая природопользование как целое и в развитии, уяснить, сохраняется ли природопользование традиционным или перестает быть таким, если отдельные элементы использования природы явно перестают быть традиционными; уяснить, с какого момента явление считать традиционным или поте-

рявшим традиционность. Видимость искусственной теоретичности, надуманности этих вопросов не может скрыть их глубокой практичности.

Рассмотрим отраслевой аспект. Не вызывает сомнений, что оленеводство назовут традиционной отраслью хозяйства народов Севера все специалисты по проблемам Севера. Эта отрасль на протяжении столетий впитала, как полагают исследователи и практики, меньше новаций, чем другие. Но и здесь могут быть названы серьёзные, в определенном смысле радикальные изменения в технической, организационной, экономической сферах. Незначительными можно назвать изменения в природно-ресурсной базе, демографическом составе рабочих кадров. Но в оленеводстве в течение десятков лет применяются средства радиосвязи, гусеничный и авиационный транспорт, хотя сфера их применения – не основное производство, а вспомогательные операции. Количество табунов уменьшилось, а численность оленей в каждом из табунов выросла во много раз и перестала определяюще регулироваться возможностями природно-ресурсной базы. В качестве главных факторов стали выступать штатная структура хозяйственных единиц и удобство централизованного обслуживания. Сменились формы собственности. Радикально изменилась структура распределения и потребления продукции оленеводства. В какой мере оленеводство в такой форме является традиционным? Имеют ли отношение к проблеме восстановления традиционности обсуждаемые в настоящее время – именно в постановке возврата к традициям – предложения о передаче оленей и пастбищ в частную собственность? Не будет ли это ещё одним отступлением от традиций, поскольку института частной собственности в тех формах, которые присущи обществам развитых стран, народы Севера не знали, находясь на стадии разложения первобытнообщинного строя? Для народов Севера эти формы собственности не только не традиционны, но и неведомы.

Традиционной отраслью назовут и охотничий промысел. Но в какой его форме? Организационно эта отрасль изменилась за столетия и даже за десятилетия – радикально. Охотничьи угодья перераспределены и оборудованы, общинная собственность на угодья исчезла. Система реализации продукции изменена, отрасль официально стала почти полностью товарной. Демографический, в том числе, национальный состав рабочих кадров изменился почти полностью. Что в этой отрасли сейчас может быть отнесено к традиционному природопользованию народов Севера и с какого периода? Строго подходу, и техническое оснащение современного охотничьего промысла (в том числе ведущегося народами Севера) основными средствами производства нельзя отнести к традиционному оно на Север привнесено.

Ещё сложнее ситуация с рыболовством. Речной рыбный промысел больших сомнений может не вызвать. В отношении прибрежного морского промысла такой ясности нет.

Здесь существенно изменились формы собственности, материально-техническое оснащение основного производства (морские малые рыболовные сейнеры, моторные лодки, буксиры, самоходные и несамоходные баржи, ставные невода и т.п.), объекты и объемы промысла, природно-сырьевая база – продукция промысла стала почти полностью товарной.

В целом, однако, во всех трех отраслях: оленеводстве, охоте, рыбном промысле – есть признак, объединяющий их при всех прошедших общественных формациях и уровнях технического оснащения, объединяющий именно по критериям природопользования. Это – хозяйства собирательные. Это – виды деятельности, отношения которых с природой построены на включении в производственный процесс самовоспроизводства природно-сырьевой базы как главного условия. Эта особенность позволяет утверждать, что все три отрасли представляют один традиционный, собирательный тип природопользования. И в то же время обнаруживаем, что в рыбный промысел внедрен подвид рыбного промысла – морской прибрежный, который если и может быть отнесен к традиционному природопользованию, то не народов Севера, а других народов. И, наконец, можно ли отнести к традиционному природопользованию искусственное воспроизводство биоресурсов?

При этом возможна постановка вопроса, условно назовём её «территориальной», требующая дополнительного рассмотрения. Может ли считаться традиционным для данной территории, акватории вид деятельности, который ранее здесь не культивировался? Традиционно ли оленеводство для эвенов? Да. Традиционно ли оно в тех районах Центральной Камчатки, куда одно из племен эвенов прикочевало около 150 лет назад и где занятие оленеводством стало для эвенов единственным жизнеобеспечивающим и намного более масштабным только за последние 50 лет? Из соображений гуманности и не конкретно трактуя принцип историзма, можно ответить утвердительно, однако такой ответ породит много вопросов. Сколько лет надо вести хозяйство на данной территории, в данных формах и объемах, чтобы основанный на нем тип природопользования приобрел статус традиционного? Как быть с теми видами деятельности по использованию природы, которые оказались потесненными на территории, куда внедрилась новая отрасль, приобретающая по историческому принципу статус традиционной для этой территории (акватории)? Нельзя не заметить в этом примере и связи с рассмотренной выше ситуацией, сложившейся в рыбном хозяйстве.

К проблеме определения понятия «традиционное природопользование» следует отнести и вопрос о способах переработки продукции традиционных отраслей народов Севера. Переработка ее в традиционный продукт: мясо и шкуры оленя и изделия из этих шкур и субпродуктов, вяленую и даже соленую рыбу, первично выделанные шкуры пушных зверей и изделия из них – сомнений может не вызвать. Но гораздо сложнее классифицировать глубокую переработку продукции традиционных отраслей. Рыбокомбинаты и рыбокон-

сервные заводы в районах Севера – реальность. Возможно появление предприятий по более глубокой переработке шкур, мяса и другого сырья с доведением продукта до высоких потребительских качеств. Возможно возникновение биохимических производств на основе биологического сырья, поставляемого традиционными отраслями, а также с использованием новых объектов той же природно-ресурсной базы. Необходимо уяснить, будут ли являться эти производства продолжением традиционного природопользования. Ведь конкретную грань между большинством старых и новых, постоянно обновляющихся форм переработки сырья провести трудно: нетрудно отличить только крайние формы – копильный цех рыбокомбината и примитивные вешала. Но если новые отрасли не будут отнесены к традиционным, то не будем ли мы обязаны отнести их к понятию «промышленное освоение» и вследствие этого препятствовать их развитию в рамках традиционного природопользования? Однако такое решение может искусственно сдерживать развитие производительных сил в районах проживания народов Севера и вступить в противоречие с определенной главной целью развития этих народов.

При всей важности анализа отраслевых аспектов природопользования основное значение имеет анализ взаимосвязей между природой и жизнедеятельностью населения в целом, которые и составляют природопользование в полном объеме, включая и хозяйственную деятельность. Этот анализ особенно важен для нашего исследования потому, что, рассматривая развитие жизнедеятельности населения в целом, мы рассматриваем и неизбежное развитие непроизводственной сферы, и развитие тех отраслей производственной сферы, которые не могут быть отнесены к традиционным, но без которых сами народы Севера на современной стадии не представляют возможной свою жизнедеятельность. К таким относятся отрасли, обеспечивающие устойчивое электро- и теплоснабжение, радио и телефонную связь, пассажирские и грузовые транспортные связи, канализационное обслуживание, ремонт техники, строительство и т.п. Это отрасли, материально представляющие прогресс в общественном развитии народов Севера и обеспечивающие его в будущем. Но эти отрасли, как и внедрение новой техники и технологий в традиционные отрасли хозяйства, меняют характер природопользования народов Севера в целом, неизбежно, безвозвратно делают его все более отличным от того, что был в прошлом. В связи с этим и требование о выделении территорий традиционного природопользования не может означать требования возврата не только к прежнему, десяти- или столетней давности, характеру природопользования, но даже и сохранения характера природопользования, сложившегося сейчас, даже если в нём в настоящее время и нет противоречий. Этот тезис не нов и кажется ясным, его можно было бы не повторять, если бы он не сопровождался вопросами, разрушающими кажущуюся ясность. Есть ли критерии, по которым можно определить, до какого уровня внедрения новшеств в жизнедеятельность народов Севера можно утверждать, что характер

природопользования, позволяющий называть последнее традиционным, сохранился? Должен ли характер развития природопользования народов Севера сохраняться традиционным и в перспективе, на обозримо или необозримо длительный срок? Если нет, то что должно быть критерием?

В качестве примера, подтверждающего историческую длительность необходимости сохранения традиционного природопользования и могущего послужить исторической аналогией для рассматриваемого нами случая, может послужить судьба сельских районов Нечерноземной России. Восстановление традиционного сельского хозяйства в них мотивируется не только экономическими соображениями – дополнительным использованием заброшенной природно-ресурсной базы, – но и желанием сохранить и даже воссоздать заново население этих районов. Как видим, жизнедеятельность населения, более высокоразвитого и большего по численности, чем народы Севера, может быть подорвана при разрушении системы традиционного природопользования в исторически короткие сроки – менее четырех десятилетий. Для народов Севера, вероятно, этот срок может оказаться меньшим, а последствия – несомненно более тяжелыми, если не губительными. Сельское население разоренных зон Нечерноземной России переместилось в другие зоны, заселенные русской нацией, оставшейся целостностью, и растворилось в ней. Народы Севера, экономически отчужденные от своей традиционной природно-ресурсной базы, если и смогут оторваться от неё физически, то растворятся в другой национальной общности и исчезнут как народность, как этническая целостность.

Другой аспект вопроса о «традиционном природопользовании» – социально-экономические проблемы.

Традиционное хозяйство народов Севера в не столь отдаленном историческом прошлом было в основном натуральным, с некоторой долей товарных форм, как правило, в виде натурального обмена. Этот тип хозяйствования служил экономической основой традиционного природопользования на стадии начала перехода от производительных сил уровня каменного века и от социального устройства первобытнообщинного строя с большей долей прямого общественного распределения полученных из природных ресурсов продуктов между членами общины.

В 1930-е – 1940-е годы жизнедеятельность народов Севера России была ориентирована на внедрение форм хозяйствования, основанных на колхозно-кооперативной собственности и коллективных формах организации хозяйства, в 1950-е – 1960-е годы – основанных на государственной собственности и государственных формах организации хозяйства с укрупнением и преобразованием колхозов в совхозы. Одна из основных особенностей этих процессов состоит в том, что с 1920-х годов до последнего времени убытки от

хозяйственной деятельности народов Севера, а также расходы на развитие и функционирование социальной (непроизводственной) сферы дотировались из государственного бюджета.

Использование той же ресурсной базы с доведением конечного продукта до той же стадии и того же количества (в оленеводстве даже меньше), что при прежних формах натурального хозяйства и товарного обмена, могло обеспечить и жизнедеятельность населения на соответствующем этим формам уровне. Более быстрый, чем естественный, переход к другим стадиям общественного развития (а, напомним, реализовывался «некапиталистический путь развития») требует дополнительного обеспечения материальными, финансовыми, интеллектуальными ресурсами, и никаких других способов для этого нет, кроме помощи со стороны общества, находящегося на более высокой стадии развития.

Дотационное обеспечение жизнедеятельности народов Севера, включая и ведение хозяйства, имеет как позитивные, так и негативные стороны. В литературе отмечалось, что дотации дают только материальную, финансовую и иную ресурсную основу, но не являются движущей силой общественного развития народов. Ресурсы можно истратить и опять «просить», не развиваясь. Движущей силой экономического развития как базиса всего общественного развития народа может быть связь между производством и потреблением, обеспечением своего развития за счет реализации потребления продукта своего труда, за счет товарности хозяйства, за счет развития личностных и общественных устойчивых привычек, навыков, стереотипов самостоятельного управления своим развитием, за счет приобщения к ведению своего хозяйства. В сложившейся практике, давая дотации, государство, представляющее более развитое общество, присылает для исполнения управленческих, в том числе и с дотациями связанных, функций своих более развитых представителей. Народы Севера остаются перед этой дотацией в качестве иждивенцев, в лучшем случае – рядовых исполнителей, без права и возможности её распределить, очень часто – и ею распорядиться. Но положение иждивенцев не обеспечивает возникновения внутренних движущих сил, стимулов, интереса к общественному развитию.

С другой стороны, практика показала, что дотации, адресуемые народам Севера (затем их переадресовывали – более размыто и удобно для произвольного распределения – на районы проживания народов Севера), вызвали интерес для потребления и у населения, не относящегося к народам Севера. Постепенно в районах Севера сложилась ситуация, при которой дотации, предназначавшиеся для обеспечения жизнедеятельности и общественного развития народов Севера, реально расходовались в большей части на содержание тех, кому общество поручило доведение этих дотаций до народов Севера. Формы такого перераспределения дотаций известны: распределение капиталовложений, обеспечение кварти-

рами, вытеснение из высокооплачиваемых отраслей, оттеснение к неквалифицированному труду и т.п. Нередко эти формы приобретают выдающийся по масштабам характер, оставаясь незамеченными: классический случай – создание в национальных территориальных образованиях административных центров, в которых проживают профессиональные управленцы и связанное с ними обслуживающее их население. По численности население этих административных центров составляет до одной трети (уникальный случай – до двух третей) населения этих территориальных образований, причём титульного коренного населения народов Севера в этих столицах почти нет.

С этой ситуацией связаны следующие проблемы. Необходимо обеспечить адресное доведение дотаций до народов Севера, которым они и предназначены. Мировая практика знает методы, обеспечивающие такую адресность. Часть дотаций может направляться персонально каждому представителю народов Севера, независимо от возраста, в виде денежной выплаты (ежемесячная пенсия, ежегодный взнос и т.п.). Часть дотаций может передаваться в распоряжение территориальных национальных общин, или национальных трудовых коллективов. Часть дотаций может в виде материальных ресурсов, технических средств, объектов строительства вкладываться в развитие национальных сел и национальных хозяйств. Но для этого надо иметь адекватного задаче субъекта.

Наряду с этим необходимо, и это имеет первостепенное значение, обеспечить постепенное и устойчивое развитие товарного хозяйства, единственной известной выработанной человечеством формы, связывающей в современном общественном воспроизводственном процессе производство и потребление, производителя и потребителя, не только разделенных, но часто и объединенных в одном физическом лице. Другого способа обеспечить поступательное общественное развитие народа, кроме эффективного производительного труда на основе рыночных отношений, человечество пока не знает.

В этих условиях доходы традиционных отраслей хозяйства народы Севера, в особенности в их современном состоянии, не могут обеспечить все расходы, необходимые не только для развития, но и для выживания народов Севера. Дотационная помощь государства должна дополнять эту разницу. Вопрос – в определении меры помощи, соответствующей и потребностям народов Севера, и возможностям государства.

Остальные, «нетрадиционные», хозяйственные и расселенческие структуры в районах Севера должны будут выдержать экзамен по трем основным направлениям:

* существовать в рыночных отношениях без дотаций, адресно направляемых только народам Севера;

* не составлять экономической конкуренции развивающемуся хозяйству народов Севера, основанному на ограниченной природно-ресурсной базе, которую могут освоить народы Севера своим трудовым потенциалом: такую конкуренцию народы Севера на современном уровне общественного развития безусловно не выдержат;

* сохранять природно-ресурсную базу хозяйства и жизнедеятельности народов Севера.

На основе принципиально установленной совокупности производственных и дотационных подходов должен быть сформулирован перечень достаточно жёстко контролируемых социально-экономических условий формирования хозяйства народов Севера в рамках традиционного природопользования.

Другой важнейший аспект проблемы определения понятия «традиционное природопользование» – эколого-экономический. Возможно, он является ключевым, если не в практическом решении поставленной задачи, то в понимании её содержания – безусловно. Эколого-экономический подход обеспечивает рассмотрение в единстве тех явлений, которые связаны в слове «природопользование»: природы, используемой обществом; общества, пользующегося природой; совокупности природных и общественных процессов, объединяющих то, что называют использованием природы обществом, то, что называют реакцией природы на её использование, и то, что называют воздействиями природы на общество. Обеспечивая единство, такой подход позволяет раскрыть качественно новые стороны проблемы, не затрагиваемые порознь ни в естественных, ни в общественных науках, ни в исследованиях природы, ни в исследованиях экономики. Этому подходу присуще рассмотрение связи глобальных, субглобальных, региональных, локальных процессов целостного природно-общественного развития. Он позволяет найти место проблемы в иерархии природно-общественных систем, оценить частные, локальные проблемы в увязке с проблемами, возникающими в более крупных природно-общественных системах, определяющим образом воздействующих на состояние локальных.

Опираясь на представления о природно-общественных (биоэкономических, биосоциальных и т.п.) системах, относительно подробно разработанные в литературе, можно перейти к анализу проблем, связанных с нашей задачей.

Теоретически обоснована, а на практике в реакциях природы на воздействия человека остро проявилась объективная целостность природно-общественных систем: на глобальном уровне в таком качестве выступает биосфера. Стала очевидной недопустимость разрозненного анализа природных и общественных явлений в применении к природопользованию. При современном освоении природных ресурсов последствия техногенных про-

цессов могут проявляться через долгое время после воздействия и за тысячи километров от той конкретной площадки, где они совершаются. Ориентация на рассмотрение конкретных ситуаций в пределах локальных природных систем на этих площадках оставляет без внимания могущие привести к разрушительным последствиям процессы, происходящие в более крупных природно-общественных системах. Так, рассматривая проблемы традиционного природопользования ненцев, проживающих вблизи устья р. Оби, надо учитывать возможность отравления и загрязнения этой реки объектами, расположенными в её верхнем течении. Необходимо учитывать возможность загрязнения почвы и растительности, в том числе ягеля, осадками, принесёнными воздушными потоками из далеко расположенных индустриально развитых районов. Кроме того, из поля зрения исследователей не должно выпасть то обстоятельство, что общественные структуры на любом иерархическом уровне (общечеловеческом, межгосударственном, региональном, государственном, административно-территориальном) часто руководствуются заблуждением, что общественно значимые экологические проблемы могут быть решены только путём техногенных изменений.

Необходимо также при рассмотрении явления «традиционное природопользование» учитывать «реализационный» аспект: возможность и условия проведения в жизнь мероприятий по управлению этим явлением, в том числе, в той его части, которая касается уже не называемого прямо, но подразумеваемого и необходимо должно произойти разделения «территорий традиционного природопользования» на подлежащие и не подлежащие промышленному освоению. Следует выяснить, например, не противоречит ли это требование главным целям развития народов Севера. Если противоречит, то вызвано ли это а) неправильным определением главной цели и подцелей; б) осознанным решением законодателя вступить в противоречие с главной целью ради других (высших, равных и т.д.) общественных интересов; в) несовершенством лингвистического, грамматического построения правовой формулы и другими обстоятельствами.

Особая сложность этого аспекта анализа проблемы и ответственность за точность выводов обусловлены их важнейшим практическим значением. Известно, что биоценозы Крайнего Севера крайне тяжело и долго восстанавливаются. Ошибка в решении о виде использования территории может оказаться непоправимой для народов Севера, если они необоснованно и безвозвратно лишаются территории, незаменимой для традиционного природопользования. Ошибка в другом направлении, то есть отказ в использовании некоей территории для промышленного освоения, по сравнению с вышеназванной ошибкой поправима крайне легко. Изъять территорию из традиционного природопользования и разрушить биоценоз, как доказала многовековая практика человечества, во много раз легче, чем вернуть эту территорию и восстановить биоценоз.

Возможность двоякой оценки территорий традиционного природопользования по признаку «отчуждать – не отчуждать под промышленное освоение» в перспективе и при рациональной реализации не противоречит главной цели развития народов Севера, а тесно с ней связана. Более того, она может способствовать достижению этой цели, предусматривая гибкий подход к решению проблем, подход, допускающий учёт исторически меняющихся обстоятельств. В самом деле, на высоком уровне обобщения тип природопользования народов Севера, основанного на использовании самовоспроизводящихся биологических ресурсов, исторически весьма устойчив и не меняется в течение длительного времени. Но конкретные формы этого типа природопользования более подвижны во времени и могут измениться за вполне обозримый и предвидимый период. Если разрабатываемые правовые нормы предусмотрят жёсткий подход, запрещая перераспределение территорий традиционного природопользования народов Севера между отдельными видами использования территории, то это будет способствовать глухой консервации жизнедеятельности народов Севера, препятствовать их развитию.

Но если эти нормы предусмотрят гибкие подходы, то они должны содержать критерии, принципы, методы, которыми будут руководствоваться исполнители при оценке территорий традиционного природопользования народов Севера на предмет, могут или не могут они подлежать отчуждению вообще могут или не могут они подлежать отчуждению под промышленное освоение в частности. Практика показала, что полное, но нерегламентированное поручение исполнителям принятия решений такого рода чревато если не злоупотреблениями, то, во всяком случае, массовыми ошибками.

ГЛАВА 3.2. СУБЪЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Следующая группа принципиально важных вопросов, возникающих при анализе рассматриваемой проблемы, связана с установлением понятия субъекта традиционного природопользования народов Севера. От этого, в свою очередь, будет зависеть определение конкретных субъектов совокупности прав, связанных с использованием конкретных территорий (собственность, владение, пользование, распоряжение, аренда и т.п.).

В настоящее время перечень возможных претендентов на участие в решении вопросов собственности на территории традиционного природопользования народов Севера юридически не определен.

В число таких претендентов резонно входят органы власти и управления всех уровней: общегосударственного, национально-территориального, субъектов федерации и мест-

ного самоуправления, – обладающие каждый своим кругом прав по предоставлению земельных участков в собственность, пользование и т.п. В число претендентов на получение земель в собственность, пользование и т.п. претендуют национальные союзы, ассоциации, другие формы национальных общественной организации; хозяйственные субъекты разных форм собственности; межсемейные коллективы, семьи, отдельные личности. Но есть ли основания для таких претензий?

В действующей системе законодательства РФ, затрагивающего вопросы собственности на природу, не содержится прямых норм ни о территориях природопользования как объектах использования и собственности, ни на природные системы в таком качестве. Регламентирование отношений пользования собственностью по поводу таких природных элементов, как земля, вода, леса, недра, не может заменить необходимости регламентировать реальную человеческую деятельность по использованию природы в целом (природных систем, экологических систем), какую бы ограниченную полезность и из какого бы ограниченного количества элементов природы человек в этой деятельности не извлекал. В связи с этим рассматриваемая нами экономическая и правовая новация «выделение и использование территорий традиционного природопользования» требует и новых подходов, и нового правового оформления. Мы не останавливаемся на вопросах применения и классификации субъектов природопользования, на тех классификационных понятиях, которые сложились в юриспруденции при разделении экономических субъектов на физические и юридические лица, поскольку эта классификация, важная для оформления права, не помогает раскрыть его содержательную сторону. Субъектом собственности на отдельные элементы природы может быть тот, кто указан в таком качестве в норме права, устанавливающей субъектов собственности на них. Но нам надо уяснить, кто может быть субъектом природопользования.

Мы установили, что природопользование, в том числе и традиционное природопользование, явление гораздо более широкое, чем использование отдельных элементов природы. Это комплекс взаимосвязей между природой и обществом, возникающий в процессе жизнедеятельности общества во всём его многообразии.

Может ли отдельный человек быть субъектом традиционного природопользования или таким субъектом может быть только общность, и если общность, то какого вида, каких форм, какого иерархического уровня? И какой человек, какая общность являются и могут быть правовым образом признанными (это не одно и то же!) субъектами природопользования? Человек и группа людей, образующая общность, могут, будучи по происхождению несомненными представителями народа Севера, давно вести образ жизни, далекий от традиционного типа природопользования этого народа и не укладывающийся в тип природо-

пользования этого народа, а совпадающий с типом природопользования, характерным для жизнедеятельности иных народов, находящихся на других стадиях развития. Человек и группа людей могут и не представлять интересы всех, чьё жизнеобеспечение определяюще связано с предоставляемой в пользование территорией традиционного природопользования.

Чтобы разобраться в этих противоречиях, необходимо ответить на следующие вопросы.

Какие совокупности интересов должен представлять субъект, претендующий на закрепление за ним территории традиционного природопользования народа Севера?

С какого иерархического уровня в общественной структуре «народы Севера» возникает явление – «субъект традиционного природопользования»?

Какова связь между субъектом традиционного природопользования и субъектами права на получение в пользование (собственность) территории традиционного природопользования? Возможны ли эти субъекты в одном лице?

По каким критериям определить, являются ли субъектом традиционного природопользования представитель народа Севера или группа представителей, в жизнедеятельности которых смешаны несколько типов природопользования.

Рассмотрим связь между объектом и субъектом природопользования в рамках традиционного природопользования народов Севера. В нашем понимании природопользования объектом традиционного природопользования является природная система (часть природной системы), в пределах которой сложился тип природопользования, основанный на собирательском хозяйствовании, и тип связанного с ним образа жизнедеятельности. Это хозяйство и эта жизнедеятельность основаны на неполном использовании ограниченного по видовому составу набора самовоспроизводящихся биологических природных ресурсов суши и гидросферы.

В настоящее время состояние общественного развития народов Севера, в качестве средства жизнеобеспечения которых представлено общественное явление, называемое традиционным «природопользованием», есть состояние переходное.

Переход совершается:

* от хозяйств, государственно-организованных, с гипертрофированно централизованной и чрезмерно специализированной отраслевой и территориальной структурой, оснащенных техникой, часто не приспособленной к природным условиям Севера и отраслевой специфике;

* от жизнедеятельности, определяюще зависящей от дотаций, уже привычно ориентированной на потребительские стереотипы, отличающиеся от считающихся традиционными этноисторических и психофизических особенностей народов Севера.

В какой тип природопользования осуществляется этот переход по объективно обусловленным траекториям, что представляет собой ориентир, называемый «традиционным природопользованием», – на эти вопросы государство и сами народы Севера должны иметь достаточно полный ответ, чтобы рационально и эффективно управлять этим переходом, применяя метод «выделения территорий для традиционного природопользования». В короткий период социальной и националистической эйфории 1988 – 1991 гг. полагали, что народам Севера предстоит переход:

* к хозяйству и жизнедеятельности, обеспечивающим гармоничное социально-экономическое и культурное развитие в национальных традициях;

* к хозяйству, позволяющему рационально по территориальной и видовой структуре, комплексно использовать природные ресурсы предоставленной в пользование (собственность) природной системы, не нарушая естественных механизмов развития этой системы;

* к безусловному приоритету традиционных отраслей хозяйства народов Севера;

* к внедрению новой техники, совершенно приспособленной к природным условиям Севера, к отраслевой специфике;

* к применению новых технологий, позволяющих более глубоко перерабатывать продукцию традиционных отраслей хозяйства;

* к постепенному повышению экономической эффективности заново складывающихся «традиционных» хозяйственных комплексов – в идеале до уровня полного обеспечения жизнедеятельности народов Севера; при этом подразумевается помощь со стороны государства всеми видами ресурсов в неопределенных, но достаточных для развития народов Севера объемах.

Понимая, может быть, излишне высокую степень детализированности приведенного перечисления, его сложность, громоздкость и неудобство восприятия, мы решили привести его именно в таком виде. Упростить его было бы не сложно, но в нашем случае необходимо с предельно возможной полнотой проследить связи, возникающие между объектом и субъектом «традиционного природопользования», а их обоих – с окружающими природно-общественными системами.

Опираясь на эту подробную формулировку, можно установить, что при почти полном несоответствии в деталях реального положения народов Севера во второй половине 1990-х

годов эйфорическим представлениям 1988 – 1991 гг. основные обобщённые признаки развития народов Севера в них совпадают и могут служить основой для прогнозирования дальнейшего развития.

К 1997 году, у народов Севера России сложилось состояние жизнедеятельности, характеризующееся чрезвычайно низким общим уровнем потребления, сокращением старого производства: возникновением новых форм хозяйствования, обеспечивающих ресурсами резко ограниченный круг представителей народов Севера, резким расслоением по уровню жизни, снижением занятости, снижением государственной помощи, снижением технической, энергетической вооружённости труда и быта, депопуляцией, регрессирующим развитием в целом.

На фоне этого, возможно, временного процесса разрушения (продолжительность его и условия выхода из него – отдельный вопрос) предыдущий период (1960 – 1970-е годы) кажется почти раем, а уже прочно забытый в жизненных проявлениях и оставшийся в памяти только идеализированными представлениями период, предшествующий предыдущему (XVI – XIX века), кажется раем настоящим. Но во всех трёх ситуациях ключевыми являются общие для них выявленные выше положения.

Народ Севера в условиях интенсивного воздействия народов, находящихся на более высоких стадиях общественного развития, сохраняется и развивается как этническая общность только при условии сохранения в его структуре автохтонной части народа. Ассимилированные и ассоциированные части этих народов общественно, социально, а не лично, индивидуально ощущают и осознают себя народом Севера и существуют как часть народа Севера только опосредованно, через причастность к автохтонной его части. Само по себе ассимилированное и ассоциированное население – переходные стадии в новые для себя крупные этнические общности, составленные, как правило, из многих наций и народов, растворившись в которых они перестанут общественно, то есть реально, существовать как народ Севера. Носители сущности народов Севера – автохтонное население. Отдельные представители, могущие лично, индивидуально ощущать себя народом Севера, реально могут только принадлежать к народу Севера. И если не существует компактной, общностью живущей автохтонной части народа Севера, то индивидуально, рассеянно существующее ассимилированное и ассоциированное население принадлежит к народам Севера не реально, а идеально. Так, идеально может быть представление некоего индивида о своей принадлежности к исчезнувшему народу, например, этрускам. И даже если таких индивидов наберётся несколько тысяч, это не будет означать, что народ этрусков возродился.

Таким образом, наша задача сужается до установления основных условий сохранения и развития автохтонного населения народов Севера, и этих условий мы установили два.

Первое – компактное проживание и труд в основном в традиционном хозяйстве, обеспечивающем ресурсами жизнедеятельность всей общности; при этом доля собственным трудом произведённых ресурсов должна быть существенной в удовлетворении всей совокупности потребностей этой общности. Второе условие – государственная помощь, покрывающая дефицит ресурсов в размерах, адекватных главной общественно установленной цели – развитие народов Севера.

Следовательно, мы имеем основания полагать, что в качестве субъекта предоставления во владение (собственность и т.п.) территорий традиционного природопользования народов Севера должна выступать общность людей, постоянно проживающих, ведущих хозяйство традиционного типа и обеспечивающих свою жизнедеятельность ресурсами за счёт природно-ресурсной базы в пределах этой территории. Существование этой общности зависит, в основном и главным, от состояния природных систем и самовоспроизводящихся биологических природных ресурсов.

На основании изложенного можно утверждать, что в качестве субъекта прав на предоставление ему в пользование (собственность и т.д.) территорий традиционного природопользования не могут выступать ни отдельный человек, ни семья в простой, классической для развитых обществ форме (родители и несовершеннолетние дети), ни общественные организации (ассоциации, союзы и т.п.), ни национальные или общего типа хозяйственные организации. Ни один из этих субъектов не может обеспечить весь комплекс проявлений жизнедеятельности всей территориальной общности конкретного народа Севера, проживающего на основе традиционного пользования природой в пределах определённой природной системы. А ведь именно в таком обеспечении и есть смысл традиционного природопользования.

Таким образом, субъектом традиционного природопользования может быть общность народов Севера, объединённая следующей совокупностью этнических, территориальных и экономических принципов:

- принцип этнической целостности должен обеспечить возможность включения в общность всех представителей народов Севера и членов их семей постоянно (возможно – не длительно), проживающих в местности, где выделяется территория традиционного природопользования, не допуская дискриминационного в сложившихся исторических условиях формирования общностей только по кровнородственным признакам;
- принцип территориальной целостности должен обеспечить формирование территории традиционного природопользования этнической целостности народов Севера, как правило, в естественных границах природных систем. Эти системы должны рассматриваться

как целостный природно-ресурсный источник жизнеобеспечения общности. Как правило, не должно допускаться дробление территории традиционного природопользования, как целостной природной системы, между отдельными субъектами прав на владение (собственность и т.д.) этой территорией; такое дробление неизбежно приводит к негативным экологическим, экономическим и социальным последствиям;

- принцип экономической целостности должен обеспечить, в первую очередь, учёт возможности: 1) экономического обеспечения жизнедеятельности общности в целом в основном за счет рационального освоения традиционных биологических природных ресурсов в традиционных отраслях хозяйства; 2) экономического обеспечения развития общности за счёт внедрения нетрадиционных технологий переработки традиционного сырья и нетрадиционных отраслей хозяйства. Должна быть учтена также потребность в государственной помощи, обеспечивающей дополнительными ресурсами сохранение и развитие общности.

Представляется, что при доработке правовых категорий, пока ещё недостаточно точно выполняющих задачи регулирования традиционного природопользования народов Севера, могут быть применены установленные выше характеристики социально-экономического содержания этого явления и названные принципы.

Остановимся ещё на одной стороне проблемы, не попадающей, как правило, в поле зрения исследователей и не находящей отражения в законотворчестве.

Эта сторона проблемы традиционного природопользования народов Севера состоит в том, что субъект права на природный комплекс в данном случае не может быть не переменен во времени, как не постоянны сами традиционное природопользование и субъект природопользования. Ещё раз отметим, что до широкомасштабного воздействия более социально развитых обществ на природные процессы в районах Севера и на жизнедеятельность народов Севера последние как этнос находились в отношениях с природными комплексами, как правило, в состоянии гомеостаза. Экологические системы Севера, неотъемлемым элементом которых были народы Севера, находились в исторически длительном равновесии. Именно это состояние природопользования мы считаем исходным, когда говорим о традиционном природопользовании народов Севера, и от которого ведем отсчёт, когда анализируем проблемы развития этого явления. В настоящее время природопользование на Севере в целом развилось в формы, далёкие от исходных традиционных, названных выше. В районы Севера привнесены формы использования природы, ранее этим районам не присущие. Масштабы этих явлений по объёму перерабатываемого вещества и энергии, по численности населения, по вторжению в природные процессы многократно превосходят исходные традиционные. Формы и содержание жизнедеятельности народов Севера, развиваясь ускоренно, также отдалились от исходных традиционных.

Проблема определения содержания и методов правового регулирования традиционного природопользования народов Севера состоит не только в учёте изменившейся ситуации, но и в учёте продолжающихся интенсивных изменений в реальных системах природопользования на Севере. Один из важнейших аспектов состоит в отмеченной неоднородности социальной структуры народов Севера. В своем развитии за последние десятилетия они дифференцировались на различные социально-демографические группы не только по таким социальным признакам, как занятость, образование и т.п., но и, как отмечено выше, по характеру участия в процессе природопользования, на автохтонные, ассоциированные и ассимилированные.

Характеристикам субъекта традиционного природопользования соответствует полностью только автохтонное население (см. выше).

У ассоциированного населения характер природопользования отдалён от традиционных форм, хотя некоторые специфичные материальные и духовные потребности в природных ресурсах и общении с природой в значительной мере сохранились. Учёт этой меры и динамика этих потребностей требуют конкретных подходов, опирающихся на точные знания местных особенностей в каждом населённом пункте. В ситуациях, где у ассоциированного населения сохраняются предпосылки перехода к типу автохтонному, должны сохраняться и условия для такого перехода, в связи с чем здесь возможен дифференцированный подход. В составе ассоциированного населения могут быть группы (остатки родоплеменных сообществ, крупных семей, включающих все поколения по вертикали и отдалённые родственные связи по горизонтали), жизнедеятельность которых может быть прямо и в значительном объёме связана с традиционным природопользованием, а проживание в населённом пункте, где основное население ведет иной образ жизни, связано с насильственным переселением из автохтонных сообществ, проживавших в признанных неперспективными поселениях. За этими группами населения природные комплексы, вероятно, могут быть закреплены, хотя методы их выделения и формы закрепления не в форме территорий традиционного природопользования сложно типизировать – они требуют индивидуального подбора. Что же касается отдельных лиц, вживающихся в новый образ жизни, то способы решения проблем их социально-экономического развития лежат совсем не в сфере закрепления за ними природных комплексов. Приобщение этого населения к природе должно обеспечиваться в других формах.

И, конечно же, не в формах традиционного природопользования, без закрепления природных комплексов формируется жизнеобеспечение ассимилированного населения, жизнедеятельность которого устойчиво протекает не в традиционном типе природопользования. Проблема обеспечения такому населению связи с природой, своеобразно необхо-

димой для удовлетворения не только экономических, но и физиологических, и психологических потребностей, должна решаться не в форме традиционного природопользования.

РАЗДЕЛ 3.3. ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЙ ТРАДИЦИОННОГО И НЕТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Одна из наиболее сложных сторон в проблеме современного «традиционного природопользования» народов Севера России – рациональное сочетание традиционного и нетрадиционного природопользования [см. например, 54, 74, 75, 81, 83]. В качестве исходного положения используем приведённое в норме права (см. выше) противопоставление традиционному природопользованию народов Севера промышленного освоения, очевидно, как синонима природопользованию нетрадиционному.

Проблема определения понятия «промышленное освоение», в контексте правовой нормы «выделение территорий традиционного природопользования, не подлежащих отчуждению под промышленное освоение», связана не только с необходимостью установить, понимать ли эту норму так, что могут быть выделены и территории традиционного природопользования, подлежащие отчуждению под промышленное освоение. Необходимо расширительно и определённо установить, идёт ли в этой норме речь:

* о строительстве 1) отдельных промышленных предприятий, которые могут быть необходимы не только при промышленном, но и при сельскохозяйственном, транспортном, широкомасштабном рекреационном освоении региона и даже в традиционном природопользовании или 2) о радикальном изменении отраслевой структуры хозяйства региона, меняющем его отраслевую специализацию на промышленную, с изменением системы расселения и структуры занятости населения, приоритетов природопользования и т.п., то есть об изменении типа природопользования;

* о развитии собственно промышленности по принятой классификационной сетке отраслей народного хозяйства; или понятием «промышленное освоение» охватываются и другие технически насыщенные отрасли, например, производственной инфраструктуры, трубопроводный, железнодорожный и автомобильный транспорт и т.п., без развития которых немислимо и чисто «промышленное освоение»;

* о возникновении новых промышленных предприятий, или о развитии, или свертывании уже действующих промышленных предприятий; с этим связана необходимость конкретизации и понятия «отчуждение», которое в этом контексте может затрагивать сложную

совокупность экономических и социальных процессов, кроме чисто юридического смысла оформления изъятия земельного участка у одного пользователя (собственника и т.п.) и отвода его другому пользователю.

Ни по одному из обозначенных вопросов в федеральных правовых установлениях нет не только чётких ответов, но даже упоминаний о возможности таких вопросов. Практические же проблемы без ответов на эти вопросы рационально разрешены быть не могут, ибо эти вопросы оказываются ключевыми в развитии конкретных конфликтных социально-экономических и экологических ситуаций проживания народов Севера. Без их анализа предложения о статусе территорий традиционного природопользования народов Севера не могут быть полноценными. Тем более, что практические предложения, разрабатывающиеся в середине 1990-х годов, уже допускают промышленное освоение территорий традиционного природопользования в обмен на компенсации.

Содержание современных конфликтных ситуаций в районах Севера связано со сменой типов природопользования. Для народов Севера к важнейшим относится экономический аспект, связанный с главным условием традиционной жизнедеятельности этих народов: сохранением природно-ресурсной базы и природной среды обитания. Промышленное освоение, развитие горнодобывающей, нефтегазодобывающей, металлургической и другой крупномасштабной промышленности уже нанесло наиболее крупный ущерб экосистемам Севера, разрушив некоторые из них.

Одна из причин возникновения этих ситуаций состоит в применении обычных управленческих процедур для принятия решений о промышленном освоении Севера. В условиях общей теоретической и практической политической и экономической недооценки специфики социально-экономического развития народов Севера и промышленных воздействий на экологические системы Севера главенствующими оказывались «промышленные» интересы.

Правомерна поэтому постановка вопроса о применении в районах проживания народов Севера специфичного порядка принятия решений об экономическом развитии этих районов и, в первую очередь, о развитии крупномасштабных, технически насыщенных отраслей хозяйства. Эта проблема может быть разделена на два блока.

Первый связан с учётом возможности разрушения экосистем, определением пространственных пределов техногенных воздействий на экосистемы. При этом оцениваются характер и степень нарушений экосистем: полная деградация, переход на существенно иной уровень экологического равновесия, сохранение способности к восстановлению равновесия на близком к прежнему уровню и т.п.

Второй связан с учётом воздействия на тип природопользования. Возможны различные последствия: сохранение прежнего типа; установление нового, принципиально иного; создание нового жизнеспособного типа природопользования, основанного на симбиозе двух и более типов и т.п.

В первом круге проблем для нашей темы имеют значение два основных вида ситуаций: 1) разрушение экосистемы вследствие объективной несовместимости промышленных структур с достаточно крупной природной системой, развивающейся по длительно действующим закономерностям. Конечно же, речь идет не о пределах строительной площадки, где о разрушении структуры, связей, элементов экосистемы говорить бессмысленно: в этой ситуации локальная экосистема или часть её просто выкопана и выброшена: 2) разрушение экосистемы вследствие низкой общечеловеческой, технической, технологической культуры, уровень которой сложился объективно, но изменение этого уровня возможно при изменении определённых субъективных общественных условий.

Опираясь на эти соображения, можно выдвинуть в рассматриваемых нами случаях следующие основные положения для подходов к анализу понятия «промышленное освоение».

Главная опасность для жизнедеятельности народов Севера состоит не столько в появлении некоей иной, кроме традиционных, отрасли хозяйства, которая может и дополнять традиционные отрасли, сколько в смене типа природопользования, который может привести к уничтожению среды обитания этих народов. Такой подход позволяет дифференцировать проблему и вывести из рамок формального запрета такие, безусловно, промышленные предприятия, которые не только не разрушают основу жизнедеятельности коренных народов Севера, но способствуют их развитию: небольшие цеха по переработке произведённого в традиционных отраслях биологического сырья; разработку топливно-энергетических ресурсов и строительства энергопредприятий для обеспечения жизнедеятельности самих народов Севера; мелкий металлоремонт; объекты технически сложной инфраструктуры, связанной с обслуживанием самих народов Севера (морские сообщения, авиация, связь, и т.п.).

При оценке опасности промышленного освоения для традиционного природопользования необходимо иметь в виду не только отчуждение территории для размещения нового промышленного предприятия, но и необходим учёт шлейфа негативных экологических последствий, связанных с функционированием предприятий, расположенных не на территориях традиционного природопользования, но проявляющихся на расстояниях в десятки и сотни километров от площадки, где предприятие размещено. Многие зоны таких воздействий в настоящее время известны как районы экологических бедствий. Например, экосистемы в районах, прилегающих к городам Мончегорску, Норильску, нефтеперерабатывающим

предприятиям Западной Сибири в большей или меньшей степени разрушены на расстояниях до 500 км от источников загрязнения по направлениям господствующих потоков водных и воздушных масс. В правовом смысле такие районы не относятся к отчужденным из традиционного природопользования народов Севера, поскольку они, как земельные участки, не изъяты у одного пользователя и не отведены в пользование другому. Но в смысле социально-экономическом эти районы, безусловно, отчуждены у народов Севера: экосистемы в этих районах не могут обеспечить основу для традиционных отраслей и жизнедеятельности этих народов. Таким образом, только запрет на юридическое оформление отчуждения земельного участка оказывается в нашем случае недостаточным. Очевидна необходимость разработки нового понятийного аппарата, новых процедур подготовки к отводу земельных участков, новой правовой базы в целом, связывающей понятие «промышленное освоение территорий традиционного природопользования» с прямыми и косвенными последствиями строительства и функционирования промышленных или иных природоразрушающих предприятий, в том числе последствиями, отдаленными во времени и пространстве.

Понятие «промышленное освоение», безусловно, охватывает создание объектов производственной и социальной инфраструктуры: магистральные коммуникации, в том числе продуктопроводы, сооружения связи, транспорта, электропередач. С таким освоением связаны также населенные пункты, как постоянные, так и временные, создание и эксплуатация которых необходимы для функционирования отдельных предприятий, отраслей и подотраслей промышленности.

Понятие «промышленное освоение» применяется в контексте рассматриваемой правовой нормы как характеризующее не только его производственный отраслевой характер, но и последствия, разрушающие природные и сложившиеся социально-экономические системы. В связи с этим правомерно распространить ограничительный регламент и на другие виды отраслевого освоения территорий традиционного природопользования, общий характер воздействия которых на состояние природы аналогичен промышленному по разрушительности последствий. К таким отраслям могут быть отнесены рыбное и сельское хозяйство в видах, нетрадиционных для Севера, рекреации и другие отрасли, развивающиеся в масштабах, превышающих допустимые пределы экологической нагрузки на природные системы, и также допустимые пределы социальной и психологической нагрузки на отдельных представителей и общины народов Севера, экономически конкурентные традиционным отраслям по ценам, сырьевой базе, продукции, рабочей силе.

Особое внимание необходимо уделить возможности применения рассматриваемых ограничений также на отрасли хозяйства, которые не отличаются от традиционных отраслей хозяйства народов Севера сырьевой базой и собирательским типом освоения, но от-

личны по организационной структуре, характеру отношений по присвоению продукта, а также способом построения отношений конкретного пользователя природных ресурсов к пространству, где эти ресурсы используются. Эти отрасли: оленеводство, охотничье-промысловое хозяйство (включая промысел морского зверя) и речной, озерный (в меньшей степени морской прибрежный) лов рыбы. Существовавшие в недавнем прошлом организационные формы построения этих отраслей сложились в период проведения жесткой государственной политики на специализацию, концентрацию, укрупнение производства, в период поисков форм предоставления государственных дотаций. Практика перехода к новым организационным формам этих хозяйств, осуществлявшаяся в 1991 – 1996 гг. спонтанно, доказала необходимость применения специфичных правовых и социально-экономических механизмов. Это должны быть механизмы регулирования специфичных земельных отношений, снятия конфликтных напряжений в организационных, технических, социально-экономических сферах жизнедеятельности, приведения реальных ситуаций в соответствие с основными требованиями хозяйствования и жизнеобеспечения народов Севера.

Одна из специфических черт этой проблемы состоит в том, что организационным структурам социально-экономического устройства жизнедеятельности народов Севера придается, наряду с другими, и функция одного из звеньев в цепи распределения государственных дотаций, выделяемых этим народам. В настоящее время проблема выделения, распределения и использования таких дотаций относится к одним из острейших. Выделяемые государством дотации часто оседают в сферах, имеющих мало общего с удовлетворением реальных жизненных интересов народов Севера и, более того, в сферах, развивающихся за счет ущемления этих интересов. В связи с этим должно быть проведено коренное переустройство системы распределения дотаций, без которых народы Севера в современной нестабильной обстановке не только не смогут развиваться, но во многих районах могут деградировать, даже вымирать.

ГЛАВА IV

ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДУ У НАРОДОВ СЕВЕРА

РАЗДЕЛ 4.1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

К сложнейшим проблемам формирования современного традиционного природопользования народов Севера и обеспечения его правовыми и экономическими механизмами относится построение адекватных этому типу природопользования отношений собственности. В наибольшей степени это относится к особенностям формирования отношений собственности на природу, являющуюся главным объектом в использовании природы человеком и тем более в природопользовании собирательского типа.

Мы не станем рассматривать в полном объёме многоаспектную тему отношений собственности ни саму по себе, ни в применении к развитию народов Севера в целом. Оба этих подхода весьма значительны по масштабу затрагиваемых вопросов и требуют специальных фундаментальных исследований. Кроме того, для установления всей совокупности отношений собственности у народов Севера в целом решающим оказывается построение отношений собственности в стране, траектории которой ещё не определились.

Остановливаясь только на рассмотрении отношений собственности на природу, мы учитываем их важную роль в природопользовании в целом и специфику их у народов Севера. Правильная организация отношений собственности на природу у этих народов может иметь решающее значение не только для того или иного поворота на путях развития этих народов, но и для решения «судьбоносных» вопросов: продолжаться ли этому пути или прерваться.

В первой половине 1990-х годов развитие общественных отношений в России проходило в обстановке столкновений по вопросу о приоритетах общественной или частной собственности на все материальные объекты, имеющие место в жизнедеятельности человека и общества. В реально властвующих структурах главенствует точка зрения о необходимости безусловного примата частной собственности. В законодательной форме этот примат, однако, ещё не выражен. В каком направлении будет развиваться государственная политика в этой сфере – пока вопрос дискуссионный. Трудно определить и направления развития отношений собственности на природу, и не только вследствие слабой исследованности этих отношений: нельзя не учесть, что сложившаяся сырьевая ориентация экономики вызывает обострение борьбы за сырьевые ресурсы. В регулировании отношений государственного строительства между Российской Федерацией и субъектами Федерации «трактовка вопро-

сов о собственности на природные ресурсы является, как правило, наиболее сложным, а нередко – и наиболее противоречиво толкуемым аспектом договорных отношений» [24].

До 1917 года в построении отношений собственности на природу народов Севера основу составляло общее право этих народов. Это положение было закреплено «Высочайше утверждённым Уставом июля 22 (1822 г.) об управлении инородцами», «Учреждением управления инородцами», «Положением об инородцах», другими нормативными актами. Основная идея этих правовых установлений состояла в недопущении вмешательства в естественное общественное развитие «инородцев», а в нашем случае – народов Севера. Фактически это оставляло природу в общинной собственности этих народов, консервировало их социально-экономическое состояние в стадии разложения первобытнообщинного строя и оставляло их плохо защищёнными от воздействия корыстных частных интересов представителей общественно более развитых народов [24].

До конца 1980-х годов собственность на природу в СССР и РСФСР была общественной, общенародной, в государственной форме. Экономическим субъектам компоненты природы предоставлялись только в пользование в единой для всей страны правовой процедуре. Как показала практика, отношения собственности на природу, организованные таким образом, не соответствовали особенностям общественного развития народов Севера и приводили к негативным общественным последствиям [25, 78].

С начала 1990-х годов в законодательстве закрепились положения о необходимости многообразия форм собственности, с разными подходами к определению приоритетов той или другой из этих форм. В применении к народам Севера эта разноголосица отразилась в законодательно оформленных или внесенных в виде законопроектов предложениях применять к традиционному природопользованию народов Севера такие формы, как достояние народа, частная собственность, безвозмездное бессрочное пользование, пожизненное наследуемое владение, коллективное владение, использование и распоряжение, опирающееся на этнические традиции и обычаи и многое другое.

В то же время предложения о внедрении в жизнедеятельность народов Севера с целью регулирования традиционного природопользования институтов частной или общественной разного уровня обобществления собственности пока в большинстве случаев носят общий, абстрактный характер и требуют самого важного – большей конкретизации применительно к реальному общественному состоянию этих народов.

В законодательстве России пока известны конкретные интерпретации государственной, коллективной, частной и т.п. собственности только в формах, адекватных уровню общественного развития населения, сложившегося в европейской части России.

Традиционное природопользование народов Севера не может соответствовать конкретным формам собственности, выработанным на долгом историческом пути развития и принесённым на Север народами, создавшими капиталистическое, социалистическое, индустриальное, постиндустриальное типы обществ. Тем более, что современное общество, как полагают, уже развивается в «неоэкономику – новую цивилизационную модель экономического развития» [56]. В то же время за десятилетия жизни в иных, резко отличных от первобытного строя общественных условиях у народов Севера России не могло не произойти изменений и в общественных отношениях, в том числе и в отношениях собственности на природу.

Рассмотрение этого комплекса проблем начнём с анализа складывающихся в настоящее время типов и форм «традиционного природопользования народов Севера России» главных проявляющихся общественных целей развития этих народов, в соответствии с которыми в конечном счете и формируются экономические отношения собственности, и принимаются регулирующие их нормы права.

Тип природопользования, присущий народам Севера в первобытном состоянии, определяется как собирательство самовоспроизводящихся биологических ресурсов с высокой долей непосредственного потребления этих ресурсов, с необходимостью коллективного ведения хозяйства по причинам не только организационным (пастбищное оленеводство, зверобойный промысел, путинный лов рыбы требуют как минимум простой кооперации труда), но и потребительским, поскольку жизнедеятельность общины в целом зависит от состояния природной системы и от отношения к этой системе всех вместе и каждого в отдельности. Такой тип природопользования, ориентированный на жизнеобеспечение общины в целом, не допускает господства индивидуальной собственности на природу, допуская её только на опосредованные трудом орудия и предметы труда, изъятые из природы, отчуждённые от неё.

Если исходить из главной цели традиционного природопользования народов Севера, которую мы определили как обеспечение устойчивой жизнедеятельности и ускоренного, но долговременного социального развития, то право этих народов на природу должно быть устойчивым и долговременным. Для обеспечения такой устойчивости и долговременности из выработанных человечеством правовых форм может быть применено только право собственности на природу. Беспредельная государственная собственность на природу (на землю и другие элементы природы), как показала практика в нашей стране, не обеспечивает народам Севера достижения названной выше главной цели природопользования. Индивидуальная, частная собственность на природу для народов Севера не обеспечивает ведения традиционного природопользования этих народов как целого. Кроме того, раздробленную

на частные, индивидуальные участки территорию традиционного природопользования легче изъять под иные типы освоения. Например, можно выкупить ключевой участок в природной системе и поставить собственников остальных участков земли в её пределах перед необходимостью принять навязываемые им условия отказа от прав.

Общая собственность коренных народов на землю оказалась относительно наиболее устойчивой перед наступлением промышленного освоения, хотя часто конфликты, с ней связанные, кончались уничтожением этих народов.

Так, в США, в период интенсивной индустриализации, последовательно принимались законы, ограничивавшие и отменявшие общинную собственность коренных народов на землю и заменяющие её на частную, индивидуальную. Таковы, например, «Закон Дауэса 1887 года» или «программы терминации», проводимые в 1950-е годы. Только в результате длительной борьбы в течение 1970-х годов земли индейцев США вновь стали резервационными и были восстановлены права общин в отношении землепользования [142].

В то же время, рассматривая проблему выявления форм собственности на природу, соответствующих современному состоянию народов Севера России, мы не должны априори отвергать какую-нибудь из выработанных человечеством форм. Истории общественных наук известны крайние утверждения. С одной стороны, полагали, что «только тот способ владения и распоряжения вещами имеет будущее, который действительно поощряет человеческий инстинкт творчески выкладываться в вещи, изживаться в этом самостоятельно и интенсивно, создавать своё будущее уверенно и без опасных оглядок. Именно таков строй частной собственности» [44]. «Частная собственность соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы» [44]. В качестве оснований для утверждения о безусловной приоритетности частной собственности приведены, как видим, такие первичные факторы, как инстинкт, как сама природа, наконец.

С другой стороны, известные мыслители, начиная, например, с Платона, жёстко критиковали систему частной собственности за известные и несомненные недостатки. К концу XX века было выработано утверждение, что «после окончательного исчезновения государств и национальных различий произойдет образование единой всемирной коммунистической собственности на средства производства» [162]. Не привлекая тезисы из других источников, поскольку полный анализ проблемы не входит в наши задачи, отметим, что в приведённом исключительно в иллюстративных целях высказывании единая коммунистическая собственность должна образоваться только на средства производства и только после исчезновения неких, ныне незыблемо существующих общественных явлений. Несомненная осторожность приведенного теоретического высказывания в определениях позволяет отно-

силье все неправильные выводы из этого тезиса на «эксцессы исполнителей» и произвольные толкования.

Обе цитаты приведены здесь потому, что в них одинаково уверенно выражены прогнозы будущего апологетируемых авторами форм собственности.

Практика же общественного развития человечества показала, что ликвидация частной собственности только потому, что она – частная, а общественной собственности только потому, что она – общественная, не приводит к общественно эффективным результатам. В применении к традиционному природопользованию народов Севера этот опыт подсказывает, что необходим поиск рациональных сочетаний частной и общей собственности, адекватных конкретно-историческим стадиям развития конкретных народов. Эту историческую подсказку подтверждает известное теоретическое положение, обоснованное К. Марксом: «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях» [64].

Необходимо также более подробно рассмотреть диапазон возможностей применения к регулированию развития народов Севера таких правовых форм собственности, как повсеместно предлагающиеся для традиционного природопользования в сочетаниях и порожденья права распоряжения, владения – пожизненного, наследуемого и т.п.; пользования – постоянного, временного, бессрочного, исключительного и т.п.

Известно, что право владения не обеспечивает постоянства обладания объектом, а право пользования – возможности использования объекта, если право распоряжения принадлежит другому субъекту, могущему неограниченно произвольно менять и владельца, и пользователя. И право пользования, каким бы постоянным, бессрочным, вечным его ни называли, в силу этого обстоятельства не сможет быть ни постоянным, ни вечным, а если и бессрочным, то только в смысле не определенной сроком временности. А право распоряжения, предоставленное в полном объеме содержания этого слова, может предполагать и право, например, полно или по частям распродать территории традиционного природопользования. То есть может быть ликвидировано не только право дальнейшего распоряжения, а также с ним вместе и права владения и пользования, но и ликвидировано само традиционное природопользование, что, конечно же, не может входить в цели предоставления прав собственности народам Севера на территорию традиционного природопользования.

Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» определил роль собственности в развитии человечества так: «Наша собственность – это только те блага, обладание которыми закреплено законами общества, т.е. юридическими законами... Никто не может сомневаться, что договор о распределении собственности по стабильности обладания ею – это

наиболее необходимое обстоятельство для устройства человеческого общества и что после заключения соглашения об установлении и соблюдении этого правила немного остаётся сделать, а иногда это оказывается уже достаточным для установления абсолютной гармонии и согласия» [110].

Наученные опытом двух с половиной столетий, прошедших со времени этого высказывания, мы не ставим себе целью выработать в своём анализе средство «для установления абсолютной гармонии и согласия». Но осознание того, что распределение собственности есть необходимое обстоятельство для устройства человеческого общества, должно служить нам постоянным ориентиром.

Понятием собственность определяется очень сложное общественное явление, рассматриваемое в научной литературе как категория экономическая, философская, правовая, политологическая [113].

Определения собственности также разнообразны. Так, по Райану, «функция собственности заключается в том, чтобы обеспечить морально достойную жизнь всех членов общества таким образом, чтобы никто не мог избежать социальной ответственности, утверждая, что «это моё и я буду поступать с ним, как пожелаю» [113]. По Голанду, «право собственности – это распространение власти какого-либо лица на часть физического мира» [113]. По И. Ильину, «необходимо, чтобы вещи принадлежали людям с такой полнотой, исключительностью и прочной обеспеченностью, которая вызвала бы в душе каждого полную и неистощимую волю к творческому труду». Однако, как, справедливо по нашему мнению, отмечено Е.Штрайслер, «если хотим иметь гибкое толкование, способное устоять перед лицом общественных перемен, нужно определить собственность только на основе её постоянно сохраняющейся общественной функции, т.е. её экономической функции» [113].

Рассмотрим категорию собственности на природу по элементам: содержание, объекты, субъекты соответствующих общественных отношений.

В подходах к оценке содержания отношений собственности на природу выделим три аспекта: экономический, исторический, правовой.

Под собственностью в общем экономическом смысле, по сложившимся в советской науке к 1980-м годам подходам, понимается система исторически меняющихся объективных отношений между людьми в процессе производства, распределения, обмена, потребления, характеризующих присвоение средств производства и предметов потребления [162]. Это определение немногим отличается от общего определения собственности, выработанного советской наукой в 1950-е годы: «Собственность – исторически определенная общественная форма присвоения материальных благ, выражающая отношения людей друг к

другу в процессах общественного производства» [18]. Можно привести определения из других источников, и отдалённых, и приближённых к нам по времени, но основные системообразующие признаки в них будут те же. Признаки эти состоят в том, что собственность есть, во-первых, система общественных отношений; во вторых, отношений по поводу присвоения некоторых вещественных, материальных условий производства и жизнедеятельности; в-третьих, отношения эти объективны; и, в-четвёртых, отношения эти исторически определены, то есть переменны.

Экономическое содержание отношений собственности в самом общем виде определяется тем, что они выражают характер присвоения средств производства и предметов потребления [69]. Именно такое соотнесение категорий «присвоение» и «собственность» отражает объективность отношений собственности. Нечто присваивается неким образом. Этот процесс составляет экономическое содержание образующихся при этом общественных отношений, называемых отношениями собственности.

Переходя от общего определения категории собственности к её дифференциации, рассмотрим её основные виды и позволяющие их выделить критерии применительно к исследуемой нами проблематике: собственность на природу в традиционном природопользовании народов Севера.

В науке сложились представления о разделении собственности на формы классовую и бесклассовую, общую и частную, господствующую и негосподствующую, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую. Строго привязываемая только к классовому подходу при анализе общественных отношений, эта дифференциация существенно снижала возможности раскрытия понятия собственность. Так, разделив формы собственности на господствующие и негосподствующие, что корректно отражает одну из сторон действительности, общественные науки и господствующее внимание уделяют господствующим формам собственности не только потому, что эти формы наиболее представлены в обществе, но и потому, что общественные науки часто откровенно обслуживают интересы представляющей интересы этой собственности господствующей власти, оставив негосподствующие формы собственности без научного внимания.

Нельзя, конечно, умалять значения господствующих форм собственности в формировании всей совокупности общественных отношений и общества в целом. Но нельзя не признать, что недостаток внимания к иным негосподствующим, подчиненным, отживающим, нарождающимся формам собственности, имеющим место в реальном обществе, не позволяет сформировать реальное представление ни о совокупности общественных отношений, ни об обществе в целом. В настоящее время, например, современное общество, формирующееся в России, нуждается в исследовании характера взаимосвязей между различными

формами собственности, реального содержания каждой из этих форм, количественных и качественных соотношений реальных общественных явлений, регулирующих различными формами собственности. Отсутствие этих данных заставляет ограничиваться обобщёнными, огрублёнными, а следовательно, ложными, нежизненными схемами, которые не способны дать даже общее представление об основных силах, движущих современные общественные механизмы, и тем более не дают представления о том, как эти механизмы устроены и как ими управлять.

Необходимы ответы на вопросы о сочетаниях сходств и различий между современными формами частной и личной, трудовой и нетрудовой, общенародной и государственной собственности, о том, какие формы собственности были (и были ли) в доклассовом обществе, какие возможны в будущем бесклассовом обществе, вечна ли частная собственность и собственность вообще. Необходима дифференциация отношений собственности в зависимости от объектов, по поводу присвоения которых они возникают.

Так, в определениях собственности подчеркивается, что собственность имеет вещественное, материальное содержание, поскольку собственность – это отношения по поводу неких материальных предметов, вещей и т.п. В настоящее время действительность все чаще сталкивается с собственностью, имеющей не материальное, а духовное, идеальное содержание, в чём, вероятно, выражается всё большее развитие социальных начал в человеке. Так, невозможно отнести к «присвоению материального блага» объективно существующее присвоение, характер которого определяет экономическое содержание отношений собственности на такие неординарные, нетрадиционные объекты, как идея, научное открытие, художественный образ, мелодия, способ действия и т.п.

Фиксация этих объектов осуществляется, конечно же, в материально-вещественной форме: звуковые колебания, электромагнитные колебания, видимый след на бумаге, невидимый след на ферромагнитной ленте или в электронной памяти и т.д. Но не средство фиксации и воспроизведения составляет в данном случае объект собственности, а зафиксированный и воспроизводимый, независимо от средства фиксации и воспроизведения, продукт интеллектуальной деятельности. Мелодия может быть любым образом аранжирована, исполнена оркестром и сольно, на любых инструментах, записана на любом материальном предмете в любой знаковой системе, но объектом собственности во всех случаях будет нечто, объединяющее все эти явления действительности, одно идеальное явление действительности – мелодия, возникшая в воображении автора из его, автора, чувств и представлений о жизни и звуках. Одна из наивысших форм такого рода объекта собственности – исполнение роли артистом театра. Если оно не фиксируется средствами кино, то и существует только в мгновение исполнения: этого объекта нет ни до, ни после исполнения. Эконо-

мическое же выражение отношений по поводу присвоения талантливое исполнение существует в форме материальной, повторяемой: повышенная цена билета, повышенный гонорар и т.п., – как присвоение продуктов земли собственником земли осуществляется в форме земельной ренты. И нарушение этой экономически необходимой формы общественных отношений – формы собственности – неизбежно приведет к искажению других, духовных, социальных, правовых, материальных, этических, форм общественных отношений.

Аналогичны отношения по поводу присвоения зрительных впечатлений от вида более или менее выразительных природных ландшафтов, от присвоения состояний общения с природной средой, могущих быть выраженными в здоровье и счастье, категориях, с большими условностями измеряемыми экономическими критериями. Для нашей темы эта особенность отношений собственности в интеллектуальной, эмоциональной, духовной сфере особенно важна потому, что территории традиционного природопользования предоставляют народам Севера для присвоения не только материально выраженные природные ресурсы. Территории традиционного природопользования представляют для народов Севера незаменимую среду обитания, осваиваемую ими и духовно. Горожане могут быть перемещены практически в любую природную среду обитания и, не меняя своей социально-экономической, а иногда и этнической сути, преобразуют природную среду, используют её, создают из неё техногенную среду, соответствующую укладу их жизни. Народ Севера как народ, как целостность, не меняя своей социально-экономической и этнокультурной сути, может существовать только в привычной природной среде.

Эта особенность придаёт специфику и процессу присвоения народом Севера материальных благ, извлекаемых ими из природной среды в пределах территории традиционного природопользования. Присвоение материальных благ из природы в рамках отношений собственности связано с производством. Но экономическое, производственное присвоение природы народом Севера в процессах традиционного природопользования неотрывно от неэкономического, непроизводственного, духовного присвоения природы. Очевидно, что это разные виды присвоения. Но также очевидно, что, во-первых, они нерасторжимы, в реальной жизнедеятельности народов Севера существуют только слитно. Во-вторых же, второй вид присвоения по некоторым (как минимум – некоторым) качествам объекта и субъекта родственен виду присвоения человеком созданной интеллектуальной и духовной ценности, который несомненно относится к категории «собственность».

Как видим, вопрос неоднозначен, и рассмотрение его требует особого внимания, чтобы не отнести полностью в экономические сферы то, что не может относиться к ним полностью, а с другой стороны, не исключить экономическое из объектов, содержание которых может хотя бы частично включать в себя и экономическое. Эта тенденция не наду-

мана. По некоторым прогнозам о развитии России в XXI веке дорогу себе пробивает «набор новых неэкономических ценностей, формирование нового симбиоза, где экономические аспекты будут опосредовать все процессы – духовные, этноэтические, экологические и т.п.» [56]. Если это в самом деле так, необходимо предвидеть, в какие формы выльется такое опосредование.

Природа во всех её проявлениях является особым объектом собственности. Она предоставляет человеку предметы труда, средства производства, предметы потребления. Она является особым средством производства, поскольку и самовоспроизводится, и участвует в процессе производства, и задает производству свой необходимый ритм, и является общим условием производства. Она является особым предметом потребления, составляя материальную, вещественно-энергетическую основу всех процессов жизнедеятельности человека, обеспечивая его непосредственно основными условиями существования. Она является, наконец, субстанцией, в результате развития которой человек и появился, и может исчезнуть как явление действительности.

Исходя из общего определения отношений собственности, полагаем, что общее в отношениях собственности на природу обуславливается присвоением природы как особенного средства производства и особенного предмета потребления, отличающегося от других средств производства и предметов потребления. Природа в целом, состоящая из природных систем, комплексов, элементов, связанных определённым образом, является одновременно общим условием труда, предметом конкретных видов труда, предметом непосредственного потребления вещества и энергии в особых конкретных формах. К отношениям собственности на природу можно отнести и отношения, связанные с присвоением продукта (сырья, полуфабриката, конечного продукта), полученного непосредственно из природы в процессе труда и переходящего в другие стадии общественного воспроизводства: дальнейшее производство, распределение, обмен, потребление.

По поводу такой постановки вопроса о содержании собственности на природу могут возникнуть сомнения, по крайней мере, по трём направлениям. Во-первых, понятие природа – всеобщее. Природа существует и там, где нет человека, существует помимо человека. По содержанию природа шире человека и общества, включает в себя человека только там, где человек есть, вследствие чего не может быть его собственностью. Отношения собственности по поводу природы как целого, системы и комплекса нелогичны: могут существовать отношения собственности только на отдельные, в видовом и пространственном отношении ограниченные элементы природы, вовлекаемые в сферу человеческой деятельности как природные ресурсы. Рассмотрение этого сомнения затрагивает проблемы соотнесе-

ния категорий Природа, Человек, Общество, проблемы сочетания в человеке начал социальных с биологическими, природными.

Во-вторых, сомнения могут опираться на соображения, состоящие в том, что по поводу природы, не опосредованной трудом человека, не может быть отношений собственности, поскольку отношение собственности – отношение экономическое, связанное с присвоением, с производством. Природа как таковая, не опосредованная трудом человека, существует объективно и независимо от производства; не будучи опосредована трудом – не может иметь и стоимости, не является экономической категорией; вследствие этого по поводу природы у человека могут быть отношения какие-то другие, не экономические по содержанию, не отношения собственности.

Наконец, сомнения могут быть связаны с такого рода соображениями, что присвоение некоторых элементов природы, в том числе тех, что вовлекаются в производительный труд, может и не определяться отношениями собственности на эти элементы природы. Присвоение большей части элементов природы – и, в первую очередь, таких общедоступных, как воздух, солнечная энергия и т.п., фактически присвояемых человеком, – не может составить экономического содержания отношений собственности, не может регулироваться отношениями собственности, поскольку эти элементы природы всеобщие, повсеместно распространены, всеобщие доступны. Их присвоение не требует общественных отношений собственности между людьми, является по существу присвоением физическим и не является присвоением в экономическом смысле.

Не рассмотрев эти соображения, нельзя, как представляется, переходить к дальнейшему анализу, поскольку столкновение с ними предстоит при переходе к вопросам и об объекте, и о субъекте собственности на природу.

РАЗДЕЛ 4.2. СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

Одна из важнейших особенностей отношений собственности на природу, то есть общественных отношений, отношений между людьми по поводу присвоения природы, состоит в том, что человек сам есть составная часть природы, производное природы, нечто «присвоенное природой». Постановка вопроса о собственности человека на природу, частью которой он является, требует разработки проблемы формального отделения человека от природы и биосферы как её части. Такое отделение, фиксируемое в выражениях «человек и биосфера», «природа и общество», может расцениваться как неправомерное, поскольку человек есть элемент и биосферы, и природы. Мы не отделяем таким же образом другие

элементы природы, не создаём такие логические построения, как «популяции высших позвоночных и природа», «простейшие организмы и биосфера», в которых сквозило бы не единство, а противопоставление одного другому.

Но отделение человека и общества от биосферы и природы может расцениваться как правомерное и необходимое. Человек и общество, конечно, являются элементами природы, но элементами, качественно отличными от других, элементами, обладающими уникальной особенностью – способностью к активному творческому развитию и целенаправленному изменению природы, их породившей.

В науке достаточно давно вырабатываются принципиальные подходы к соотнесению категорий «человек, общество, биосфера, природа», опирающиеся на положения о двойственной биосоциальной (социобиологической) основе человека. Человек – часть общества и часть биосферы. Человек и общество – часть биосферы. Человек, общество и биосфера – части природы. Человек и общество – часть природы, обладающая особым свойством: через них природа имеет возможность «познавать» и «осознанно изменять» саму себя. Проблема взаимосвязи общества и природы, человека и биосферы долгое время обсуждается с общефилософских позиций. Дискуссии по ней обострялись, принимая ярко выраженный идеологизированный и даже подчиненный политическим установкам характер, когда затрагивались сферы некоторых специальных наук : биологии(генетика, происхождение жизни), физиологии и психологии человека, педагогики (проблема «природа – воспитание»), медицины. Когда в XX-м веке человеческое воздействие на природу затронуло не только стабильность функционирования отдельных природных комплексов и интересы отдельных людей и групп людей, но саму возможность существования целых народов, да и дальнейшего существования человека как элемента природы, проблема взаимосвязи человека и природы приобрела всеобъемлющий характер, вышла за рамки названных выше наук, в которых она могла обсуждаться достаточно узким кругом специалистов, и затронула сферы, имеющие важнейшее значение в развитии человеческого общества [см. например 49, 59, 96, 147, 161, 163].

Проблема взаимосвязи природы и общества стала одной из главнейших, задающих параметры, направления развитию производительных сил в целом, отдельных отраслей, регионов, производств и предприятий. До этого времени развитие производства регулировалось спросом, предложением, ценами, материальными, финансовыми, трудовыми и природными ресурсами, то есть факторами экономическими. Другие факторы могли учитываться, но факультативно и решающего значения не имели. Теперь в расчеты вступил новый фактор, во многих ситуациях играющий решающее значение: сохранение природной среды проживания человека в целом, сохранение природных комплексов и отдельных эле-

ментов природной среды, сохранение природных ресурсов. В круг этих явлений входит и формирование отношений собственности на природу.

Не только в полемику по этой проблеме, но в прямую политическую борьбу в связи с ней включились человеческие массы; сформировались политические партии и движения, борющиеся за политическую власть. Требования экологически обоснованного социально-экономического развития, охраны природы, рационального использования природных ресурсов, ликвидации негативных экологических последствий, предупреждения экологически вредных техногенных воздействий стали одними из ключевых во внутригосударственной политической жизни и международных политических отношениях. Переход проблемы взаимосвязи человека и биосферы, природы и общества в сферу важнейших экономических и политических интересов привел к повышению научного внимания к ней. При этом выяснилось, что разработана эта проблема недостаточно, что, в свою очередь, не позволяет пока найти достаточно глубоко обоснованных научных рекомендаций для практических решений. Прежде всего, отстала разработка общей философской базы научного осмысления этой проблемы, оставшись преимущественно на уровне общих трактовок принципиальных положений.

Сопоставим, например, подходы к определению понятий природы и общества и концепции соотношения их, выраженные в статьях «Общество» (О), «Природа»/П/ в «Философском энциклопедическом словаре» [148].

«Общество, в широком смысле – обособившаяся от природы часть материального мира, представляющая собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей... Категория О. отражает здесь качественную определённую общественную жизнь при ее сопоставлении с природой».

«Природа; 1) в широком смысле – все сущее, весь мир в многообразии его форм, понятие П. в этом значении стоит в одном ряду с понятием материи, универсума, Вселенной; 2) В более узком – объект науки, а точнее совокупный объект естествознания... 3) Наиболее употребительно толкование понятия П. как совокупности естественных условий существования человеческого общества. В этом смысле понятие П. характеризует место и роль П. в системе исторически меняющихся отношений к ней человека и общества».

Сопоставляя эти понятия, мы сразу сталкиваемся с противоречиями. В понятии «Общество» заложено понятие «Природа» как уже определенное, как критерий, по которому мы должны вычленять понятие «Общество» из массы других понятий. В самом деле, «Общество»: а) обособилось от «Природы»; б) качественно отлично от «Природы», имеет некую отраженную в категории «Общество» качественную специфичную определённую при

сопоставлении с «Природой». Но, не уточнив, в широком или узком смысле употреблено понятие «Природа» в этом определении, мы заложили возможность двоякого толкования понятия «Общество».

Согласно широкому смыслу понятия «Природы», вмещающей все сущее, весь мир, «Общество» включено в «Природу» как одна из многообразных форм этого мира, входит в состав «Природы» как её неотрывная часть, хотя и обособившаяся внутри «Природы». Согласно узкому смыслу понятия «Природы», представляющей только совокупность естественных условий существования общества, «Общество» существует хотя и в связи с «Природой», представляющей ей естественные условия существования, но отдельно от «Природы».

Конечно же, принципы построения понятийного аппарата не позволяют такой двойственности. Выход из неё был бы возможен как минимум двумя способами: или открытым незавуалированным и четким приданием понятию «Общество» нескольких смыслов, или недвусмысленным приданием этому понятию одного смысла. В противном случае мы, не нарушая законов логики, будем обязаны считать имеющим смысл толкование «Общества» и как входящей в состав «Природы» ее части, качественно отличной от «Природы», и как сопоставимой с «Природой» целостности, существующей отдельно от «Природы». Но можно ли считать «Общество» отдельно существующим от «Природы» в наиболее употребительном толковании (см. выше), если «Общество» образовалось, существует и может существовать только в неразрывной совокупности, в целостности с естественными условиями? Отделив в своём сознании естественные условия существования «Общества» от «Общества» как такового и от неких неназванных других условий существования (видимо, подразумевались социально-экономические условия), мы обязаны воспринимать «Общество» и эти другие условия как некие неестественные явления. В сознании исследователя и практика, управляющего общественными процессами¹, «Общество» оказывается отделенным от естественного, и в этом содержится предпосылка для идеализации, а затем и абсолютизации «Общества», постановки его над «Природой». Реализация этой предпосылки обнаруживается, например, в технократических подходах к построению отношений между «Обществом» и «Природой», уже приведших природную среду, непосредственно окружающую человека, в нестабильное состояние. Вследствие этого человек, в том числе и самый убежденный технократ, обнаружил, что он сам, и общество, им образованное, и природная среда, непосредственно его окружающая, есть не более, чем какая-то – и отнюдь не самая крупная – часть «Природы». Что касается противопоставления «Общества» естественным условиям существования «Общества», то достаточно осознать, что естественными

условиями существования «Общества» являются не только пища, несколько раз в день предоставляемая биосферой, не только воздух, который мы вдыхаем не менее 10 раз в минуту, но и нахождение общества вместе с Землей в Солнечной системе, а вместе с последней – в Галактике, чтобы понять всю искусственность отделения «Общества» от всех «естественных» и «неестественных» условий его существования.

Если же за «Природу» в понятии «Общество» принять «совокупность естественных условий существования человеческого общества» и учесть, что с развитием «Общества» эта совокупность расширяется, то переменным и размытым оказывается содержание понятия «Природа», в которое приходится включать только естественные элементы, являющиеся условием существования общества. Но в таком случае что есть и связаны ли как-то с «Обществом» другие элементы природы, если они еще не «Природа»? Не трудно заметить, что понятие «Общество» и вся совокупность взаимосвязей между «Природой» и «Обществом» ставятся здесь в зависимость от зыбкой системы переменных. А если учесть, что «Общество» само является естественным условием своего существования, то по поводу и этой системы переменных могут быть допущены взаимоисключающие суждения: она состоит, или из обособленных, или из временно и переменным образом связанных, или из нерасторжимых взаимосвязанных элементов.

Следствием этих противоречий является концептуальное соображение, приведенное в статье «Природа» (там же), касающееся взаимосвязи «Природы» и «Общества»: ... «Складывается новый тип ценностного отношения к П., который... исходит из оценки П. как уникального вместилища человека и всей его культуры... Такая оценка предполагает... учет того, что сам человек и человечество есть часть П... Переход от идеи абсолютного господства над П. к идее отношений общества и П. как отношений партнеров, соизмеримых по своему потенциалу». Проявления абсолютизации представлений о ценностных преимуществах человека над природой, о приоритете уникальности человека (природа уникальна только как вместилище человека), о неограниченном во времени и пространстве потенциале человека в этих выдержках очевидны тем более, что сопровождаются как бы уступками в виде отказа от идеи абсолютного господства общества над природой, о переходе к идее партнерства, о соизмеримости потенциалов природы и общества. По поводу соизмеримости потенциалов можно заметить, что к такому выводу² могла привести человека вероятность, которую он создал сам: одним разом уничтожить человечество в той плёночке жизни, которую создала природа на Земле.

¹ Не забудем, что проблема соотношения природы и общества стала проблемой экологической, а в настоящее время и проблемой массовой политической, идеологической и управленческой.

² Со стороны человека это подносится как уступка. Природа же, создавшая себе в человеке возможность «осознавать» и «изменять себя», через человека же обязана осознать это заявление, по меньшей мере, нескромным.

Чтобы не ограничиваться воззрениями на проблему взаимосвязи явлений «Природа» и «Общество», сложившимися в отдельной школе философии, обратимся к другим определениям.

Например, в одном из фундаментальных трудов о природопользовании, наиболее полном из опубликованных, словаре – справочнике «Природопользование» [119], интересующие нас понятия определены следующим образом.

«Общество: 1) совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; 2) исторически конкретный тип социальной системы, общественно политическая формация...; 3) объединение приверженцев какого-то идеала... Понятие О-1... включает производство и материальное воспроизводство материальной жизни людей, т.е. собственно материальное воспроизводство, воспроизводство природных ресурсов и условий жизни и воспроизводство самих себя...».

«Природа: 1) в широком смысле слова (Природа с прописной буквы) – весь мир материально-энергетический и информационный мир Вселенной (универсум Вселенной). Традиционно противопоставляется Человечеству, как одухотворённой (идеалист.) или «познающей самое себя» (материалист.) материи (фактически Человечество также часть П.)...; 2) природа (со строчной буквы) – совокупность естественных условий существования человеческого общества, на которую прямо или косвенно воздействует человечество, с которой оно связано в хозяйственной деятельности...; 3) совокупный объект естествознания как науки; 4) всё, что непосредственно не относится к человеку и его деятельности или только воспринимается как не относящийся к ним».

Как видим, с позиций несомненно высококвалифицированного специалиста по природопользованию, оба интересующих нас понятия также представлены многосложными разнообразными по качественным и количественным характеристикам кругами явлений. Для нас важно, что в этой системе понятий Общество представляется как продукт деятельности людей, имеющий различные видовые особенности: совокупность форм деятельности, или тип системы, или объединение по приверженности идеалу. Каждое из этих понятий имеет в качестве главного системообразующего признака нематериальное, высокого уровня абстрагированности произведение ума человечества: форму, тип, идеал. Вероятно, уловив заложенную в этом возможность отрыва представлений о явлении «Общества» от материальных основ, автор включил в это понятие пояснительный текст, где в понятие «Общество» (О-1) включается материальная составляющая, связывающая Общество с материальным миром, с Природой.

В понятие Природа в широком смысле слова, отметив разницу в идеалистических и материалистических подходах, автор определения счёл необходимым включить категоричное – фактически Человечество также часть Природы. В то же время оставшаяся без пояснений связка Человечество – Общество остаётся и свободной для любых логических построений на тему о системе взаимосвязей в связке Природа – Общество.

Многозначность понятий Природа и Общество и разное понимание связи между определяемыми этими понятиями явлениями отмечается и в других источниках. Например, «широко понимаемая природа – это всё разнообразие движущейся материи, её многообразные свойства и состояния. При таком подходе природа включает в себя и общество в качестве элемента, обладающего сложной структурой. Однако сложилась и другая точка зрения, согласно которой природа – всё то, что как бы противостоит обществу, без чего общество, т.е. люди вместе с созданным их руками продуктом, не может существовать» [136]. И здесь мы также сталкиваемся с противоречием, состоящим в том, что Природа, с одной стороны, содержит в себе Общество, как неотъемлемую часть, но с другой стороны, противостоит Обществу, как явлению, от Природы отделённому. Понятно, что этот же автор отмечает, что «наука ещё не изобрела средств и методов» для эффективного анализа систем, «чьё биологическое функционирование немыслимо вне социальных условий, а их социальное существование предполагает биологическую основу» [136].

Неразделимость и противоречивость природного и социального в человеке и обществе подчёркивается в достаточно категоричной форме и другими авторами. Например: «Однако природное бытие (т.е. биологическое) не отбрасывается полностью. Оно «уходит в основание» общественного бытия, нередко проявляясь в экстремальных ситуациях» [10]. Или: «Уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному» [67].

Как видим, из рассмотренных философских, обобщённых понятий «Природа и Общество» мы не можем вывести основных принципов для соотнесения описанных этими понятиями явлений в категориях собственности. Мы не можем в самом общем виде установить, есть ли общество часть природы, или явление, обособленное от природы, или явление, уникально и универсально вмещенное в природу, или партнер природы, соизмеримый с ней по своему потенциалу. Без ясности в этих вопросах трудно установить, могут ли Человек и Общество быть собственниками Природы, как и самих себя, или, насколько правомерно можно было бы предположить, что скорее Общество и Человек есть некоторым образом «собственность» Природы.

Однако неопределенность концептуальных философских положений не могла остановить процесс познания отношений природы и человека, тем более, что этот процесс стал очень интенсивно стимулироваться реальной действительностью. Не имея совершенных общих концепций, специальные и прикладные науки вырабатывали свои подходы, определения, учения. Одна из основных систем взглядов на соотнесение природы и общества, человека и биосферы складывается в настоящее время в учении об окружающей среде, которое вырабатывает и свой понятийный аппарат, представляющий интерес для нашей темы. Рассмотрим некоторые из таких понятий.

«Окружающая среда» включает в себя:

* «природную среду, техносферу и социальную сферу» [84];

* «все, что окружает человека, включая природную среду, искусственно созданные человеком материальные компоненты, явления и процессы, а также социально-экономические компоненты в их историческом развитии» [12];

* «целостную систему взаимосвязанных природных и антропогенных объектов и явлений, в которой протекают труд, быт и отдых людей...включает социальные, природные и искусственно создаваемые физические, химические и биологические факторы, т.е. всё то, что прямо или косвенно воздействует на жизнь и деятельность человека» [88, 121];

* «совокупность абиотической, биотической и социальной сред (и одновременно природной, квазиприродной, артеприродной и др. сред), совместно и непосредственно оказывающих влияние на людей и их хозяйство» [119].

Поскольку в понятие «окружающая среда» включается понятие «природная среда», явно отделяемая от всех других сфер, сред, компонентов, явлений, процессов, объектов и факторов, созданных человеком, то появляются и дополнительные определения понятия «природной среды».

«Природная среда – часть окружающей среды, включающая существующие на земле и в её окружении естественные материальные тела, физические, химические и биологические процессы» [121].

«Географическая среда... включает совокупность природной среды (системы естественного происхождения, не вовлеченной непосредственно в хозяйственные оборот) и техносферы (т.е. системы искусственного происхождения) с включенными в них естественными системами» [84].

«Среда, окружающая человека, природная: 1) совокупность природных и незначительно изменённых деятельностью людей абиотических и биотических естественных фак-

торов, оказывающих влияние на человека,... 2) часть Природы-1*, которая непосредственно влияет на человечество, его группы и отдельных людей... 3) комплекс абиотической и биотической сред, влияющих на человека и его хозяйство...» [119].

Нетрудно заметить и в этой системе определений подсознательные, а то и осознанные представления о примате человека над Природой, проявляющиеся через отделение от Природы в целом тех частей природы, которые окружают человека, или Землю, являющуюся местом его проживания. Такой подход мог бы иметь смысл как методический прием условного разделения общего на части, и в этом смысле с ним нельзя было бы не согласиться. Однако в рассмотренных случаях этот подход незаметно превращается в методологический принцип: частное явление, выделенное из общего в целях удобства изучения, ставится выше общего, возводится чуть ли не в центр мироздания. О том, что последнее утверждение не натяжка, не голословное обвинение, можно судить по следующим определениям.

«Система человек – природа» является лишь подсистемой в более общей системе «человек – окружающая среда» [121] «Закон окружающей среды формации³ находится в непосредственной зависимости от основного закона способа производства» [84].

Как видим, в этих определениях, природа, без оговорок о широком или узком смысле этого понятия, становится частью окружающей человека среды; сам человек, связанный с природой, отделился от человека, связанного с окружающей средой, то есть от самого себя; законы природы подчинились законам общества. Отсутствие достаточно четкой философской основы сказалось: подмены понятий, противоречия, методологические ошибки оказались схожими с теми, которые характерны и для определения философских понятий «Природа» и «Общество». Возможно, что эти недостатки хотя и проявятся, но не сыграют принципиальной, решающей роли при рассмотрении других проблем взаимосвязей «Природы» и «Общества». Однако в нашем случае, при рассмотрении проблем собственности на природу, они могут сыграть именно принципиальную и решающую роль, учитывая определяющую роль отношений собственности в формировании всей системы общественных отношений.

Мы не имеем возможности и не задаёмся целью в рамках нашей ограниченной задачи провести полные исследования проблемы соотнесения понятий «Природа» и «Общество». Желая избежать возможных недостатков, некоторые из которых охарактеризованы выше, мы будем опираться на постулаты, достаточно прочно апробированные и не вызывающие сомнений, во всяком случае в философской системе диалектического и исторического материализма. Приведем эти постулаты, позволив себе сослаться не на традиционные работы

* По [Н.Ф. Реймерс...]

³ Раскрытия содержания такого закона в цитируемом источнике нет. Вероятно, этот закон только предположен.

классиков марксизма-ленинизма и отечественных исследователей этой школы, а на работу современного зарубежного интерпретатора советской философии, в которой достаточно аргументированно и взвешенно анализируются её сильные стороны.

«Бросая взгляд на систему советского диалектического материализма в целом, в самом общем виде можно констатировать, что она представляет собой систему философии природы, основанную на следующих, как представляется, вполне разумных принципах и представлениях:

- * мир материален и построен из того, что современная наука описывает как материю-энергию;
- * материальный мир представляет собой взаимосвязанное целое;
- * человеческое знание формируется объективно существующей реальностью (как природной, так и социальной); бытие определяет сознание;
- * мир находится в постоянном движении, и не существует ничего статичного в этом мире;
- * все изменения материи происходят по определённым всеобщим законам;
- * законы развития материи существуют на различных её уровнях и не соответствуют различным предметам наук, а потому не следует ожидать, что в каждом случае объяснение таких сложных сущностей, как, например, биологические организмы, можно осуществить с помощью элементарных физико-математических законов;
- * материя бесконечна в своих свойствах, а потому познание человека никогда не будет полным;
- * движение мира объясняется внутренними факторами, а потому нет необходимости в постулировании некоего внешнего двигателя;
- * человеческое знание прирастает со временем, что демонстрируется возрастающими успехами приложения этого знания на практике, однако это приращение осуществляется путем аккумуляции относительных, а не абсолютных истин» [33].

К этим положениям добавим, возможно и не безукоризненные, но, за неимением других, принимаемые нами соображения, поскольку без них невозможно осуществить переход от общих представлений о соотношении «Природы» и «Общества» к представлениям о соотношении их в такой конкретной и важной сфере, как собственность на природу:

- * человеческое общество со всеми созданными им ценностями является частью природы;

* общественные отношения охватывают все элементы природы, затрагиваемые развитием общества, а не только те, которые кажутся охваченными человеку в силу количественной и качественной ограниченности используемых элементов природы или в силу ограниченных возможностей человека осознать сложность своих связей с природой;

* природа является объектом экономических отношений через те свои элементы, которые затрагиваются экономической деятельностью человеческого общества, т.е. присваиваются им для производственной деятельности;

* по поводу этих присваиваемых человеком элементов природы возникают общественные отношения собственности; отношения по поводу других элементов природы относятся к другим категориям; связи их с экономическими отношениями должны рассматриваться отдельно.

На вопрос о допустимости вышеописанного подхода к постановке вопроса об отношениях собственности на природу в свете воззрений, сформировавшихся в диалектическом материализме и в марксистско-ленинской политической экономии, можно ответить, что «в понятие экономических отношений включается вся техника производства, географическая основа, на которой эти отношения развиваются, а также внешняя среда» [66]. Процитированное соображение было высказано более ста лет назад и стало тем более обоснованным в современном мире, чем менее остаётся в пространственных пределах производственной и жизненной человеческой деятельности элементов природы, не изменённых этой деятельностью. Есть основания утверждать, что в этих пределах вся природная среда в целом уже опосредована человеком, в той или иной степени изменена человеком, как результат целенаправленных или (гораздо чаще) попутных случайных воздействий в процессе производства и жизнедеятельности человека. Что касается вопроса о присвоении природы человеком в производственной деятельности, то можно ответить, что «всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством неё» [65]. Более того, «человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник» [66].

И ещё более: «то, что мы называем властью Человека над Природой, имеет тенденцию быть властью одних людей над другими – с природой в качестве инструмента» [К. Льюис по146].

Приведенные выше высказывания могут показаться гиперболизированным искажением реальности. Однако главный критерий истинности теоретических предположений – практика – показывает, что система реальных отношений собственности на природу, сложившаяся в мире, ведёт человечество в тупик. Нарастание экологических проблем в конце

XX века вызвало к жизни появление многочисленных попыток изменения ситуации в научной, морально-этической, политической, хозяйственной, технологической, других сферах. Достаточно назвать вспышку возникновения учений: «зелёная экономика», «экофилософия», «экополитика», «экософия», «экофеминизм», «этика земли», «глубинная экология». Радикальность целей этих учений может быть проиллюстрирована следующим утверждением: «...не реформы наших существующих обществ, а сущностная переориентация всей нашей цивилизации» [А. Нейс по 146]. Не менее радикальные, но мягче, расплывчатее и неопределеннее выраженные цели были обозначены в резолюциях ООН (Рио-де-Жанейро, 1992г.), пока ещё не получивших конструктивного развития ни на международном, ни на национальных уровнях. Общий анализ этих направлений в развитии взаимосвязей Общества и Природы представляет тему для самостоятельного исследования. Для нас же важно констатировать, что выявление и регулирование этих взаимосвязей представляет собой важную и актуальную задачу, в связи с чем при отдельном рассмотрении частных в этой проблематике вопросов собственности на природу народов Севера уместен и анализ этих отдельных ситуаций.

РАЗДЕЛ 4.3. О СОДЕРЖАНИИ СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДУ

Если включение в категорию собственности отношений по поводу присвоения природы в производственной деятельности не вызывает сомнений, то вопрос о включении в эту категорию отношений по поводу присвоения природы для непосредственного потребления человеком (что важно для народов, ведущих первобытное собирательское хозяйство, да и более развитых народов) можно считать дискуссионным и требующим дополнительного рассмотрения. В самом деле, как отнести в разряд экономических категорий то, что не соотносится с трудом как целесообразной человеческой деятельностью, что является простым биологическим, физиологическим актом потребления, присвоения природы теми же способами, какими пользуются другие организмы, не относящиеся к категории «человек», не знающие труда, не регулирующие свои взаимосвязи с природой отношениями собственности? В самом деле, как быть с присвоением человеком кислорода воздуха при дыхании, воды из ручья при утолении жажды, ягоды с куста при утолении голода, если аналогичным присвоением занимается и медведь, несомненно не вступающий по этому поводу в экономические отношения?

Как видим, вопрос действительно не прост, а нам должна быть ясной вся система построения отношений по поводу присвоения человеком природы, с тем, чтобы в этой систе-

ме нашли место и вызывающие сомнения процессы непосредственного присвоения отдельных элементов природы человеком, и не вызывающие сомнения процессы производственного потребления природы: присвоения руды, угля, пушнины, и т.п. В этой сфере нужна основа более прочная, чем патетическое высказывание Ламартина: «Это закон природы и условия жизни... Человек посредством дыхания присваивает себе воздух, посредством передвижения – пространство, посредством обработки – землю, и он присваивает себе даже время, увековечивая себя потомством; собственность есть воплощение принципа жизни во вселенной». Заканчивается это логическое построение выводом дискуссионного характера, ради которого оно и было создано: «Коммунизм был бы смертью для труда и для всего человечества» [133]. По поводу такого вывода, и других аналогичных ему, были дискуссии, не завершившиеся, как известно, по сей день. Не упомянуть об этом выводе, приводя цитату, было бы некорректным, но мы не будем здесь продолжать дискуссию.⁴ Мы не спорим по вопросу – нужна или не нужна собственность. Этот вопрос также не корректен. Мы не считаем преувеличением утверждение, что «инстинкт собственности столь глубоко коренится в человеческой природе, а выгоды этого инстинкта в целом столь велики, что он никогда не нуждался в теоретических защитниках» [113]. Собственность – категория объективная, и нужна она или не нужна, решит развитие того общества, с существованием которого эта категория объективно связана. Нас интересует структура этой категории, её генезис и закономерности развития на тех этапах, которые мы имеем возможность наблюдать. Если этот анализ позволит предвидеть хотя бы общетеоретические абстрактные направления, а лучше – и конкретные формы в предвидимом будущем, – хорошо. Если не позволит – удовлетворимся тем, что сделаем, только бы это сделанное не вызывало сомнений в научной обоснованности.

Полагаем, что для решения поставленных вопросов целесообразно использовать исторический метод, тем более, что, как отмечал Карл Маркс, «до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [63]. И тем более, что и неразрывное единство в человеке биологического и социального, и непрерывное развитие и видоизменение этого единства заставляют предположить, что регулирование процессов взаимосвязи человека с природой несет в себе механизмы, выработанные до того, как возник человек, и будет нуждаться в механизмах, в том числе и неизвестных, и даже ещё несуществующих в настоящее время, но вырабатываемых непрерывно в историческом процессе такого регулирования.

⁴ О примате Человека отметим только, что максималистское утверждение о присвоении человеком пространства и времени, есть логическое следствие, только более масштабное и открытое, все тех же отмеченных выше представлений над Природой. Во времена промышленной революции иллюзии всемогущества Человека были сильнее.

Внимание, обращённое исследователями к проблемам собственности, за последние годы выявило позиции, уточняющие историческое место категорий, связанных с собственностью, в развитии человека и общества. Приведем, например, следующее утверждение: «Категория собственности, судя по всему, – одна из первых категорий, в которых человек начал осмыслять мир. И когда Кант определяет собственность как условие человеческой свободы и Фихте пишет, что мы изначально – собственники самих себя, они оформляют в слова те же представления, что тысячелетия назад легли в основу посессивных конструкций языка». И далее: «посессивные категории в языке, то есть категории обладания, давно привлекают внимание лингвистов как одни из самых ранних и вместе с тем эгоцентричных способов языковой классификации мира. В сущности категории обладания делят мир на то, что принадлежит говорящему, то, что принадлежит слушающему, и то, что принадлежит всем остальным. Вплоть до того, что даже действия могут быть описаны не как совершаемые объектом, а как принадлежащие ему» [60].

Конечно же, категория собственности не может быть сведена только к категориям обладания, или присвоения, или к механической сумме этих категорий. Выработанный наукой понятийный аппарат связывает категорию «собственность» с экономическими отношениями, присущими только человеку и существующими только в человеческом обществе. Очевидно, что и вышеназванные категории включаются в категорию собственность синтетически, образуя не только количественно большую сумму, но качественно новый синтез категорий, с включением в него и других системообразующих категорий, в том числе и общественного генезиса. В самом деле, является ли лев, несомненно обладающий убитой им антилопой и пользующийся её мясом для насыщения, собственником этой антилопы? Очевидно, нет. Хотя налицо категории обладания и присвоения. Налицо отношение льва с природой, из которой он изъяс антилопу. Налицо отношения льва с окружающим миром: своим прайдом, членами своей семьи; членами других прайдов, других семей, но своего вида львов; другими субъектами, претендующими на присвоение антилопы или того, что останется от антилопы, когда львиная семья прервет обладание и пользование ею. Мы видим в этом примере те категории, которыми определяем экономическое содержание собственности, т.е. категории присвоения. Мы видим категории, напоминающие и те, которые определяют правовое содержание собственности, т.е. владение (в данном случае, обладание), распоряжение (выбор: съесть, поделиться, уйти за другой добычей) и пользование (в данном случае, присвоение). Мы видим также субъект, объект и сложную систему отношений. Мы не видим собственности как общественного отношения, но видим набор элементов, из которых она, по нашему мнению, составляется, следовательно, имеем возможность проследить если не весь генезис собственности, то хотя бы отдельные его стадии.

Во-первых, мы имеем основания предположить, что отношения собственности на природу были первыми отношениями собственности, ибо только на их основе может возникнуть собственность на камень и сук как орудия труда. В отношении камня и сука сомнений по поводу правомочности применения экономической категории собственности не существует. Но камень и сук не явились сами собой. Они, во-первых, извлечены из природы. Во-вторых, извлечены с целью обеспечения обладания неким ограниченным (ограниченными естественными возможностями как самих камня и сука, так и обладателя камня и сука) природным комплексом и с целью извлечения из этого комплекса неких полезностей, необходимых для жизнедеятельности. Эта природа до момента извлечения из неё орудий труда, этот природный комплекс до момента, когда не только из него стали извлекать полезность, но до момента, когда началось извлечение из природы орудий труд, – уже должны были, как необходимая предпосылка начала обоих этих действий, восприниматься как собственность, как категория экономическая, как необходимое условие целенаправленной экономической деятельности.

Не вторгаясь в дискуссии о соотношении количественного и качественного, о приматах и приоритетах биологических и социальных начал в сущности человека, отметим: наличие преобладающего биологического начала на первых стадиях выделения человека из животного мира, необходимое и безусловное сохранение биологических начал в сущности человека на всех последующих стадиях его развития сомнению не подвергаются. Но в таком случае есть основания утверждать, что во всей истории развития человека, наряду с закономерностями социальными, должны соблюдаться закономерности и биологические: закономерности, присущие и человеку, как особому виду живых организмов, и общие закономерности живого мира. Действие общих закономерностей живого мира, живой материи не оспаривается, когда они применяются для анализа происходящих с человеком процессов на молекулярном, клеточном, физиологическом уровнях. Нет оснований для оспаривания этого утверждения и на уровне регуляции отношений человека и общества со всей живой и неживой природой. В самом деле, элементы отношений человека с окружающим миром мы нашли в отношениях с этим миром царя зверей – льва. Вопрос может состоять, следовательно, не в наличии связи, преемственности этих отношений и их элементов, а в определении той меры, в которой эта преемственность имеет место.

Всё живое существует в природных системах, представляющих собой ограниченные в пространстве, особым образом организованные, перемещающиеся и трансформирующиеся вещество и энергию, в системах, называемых экологическими системами. Организация существования частных, дискретных, конкретных проявлений живого мира в этих системах обеспечивается разделением структуры этих систем и занимаемого этими системами про-

странства на уровни и зоны с условиями, необходимыми и достаточными для жизнедеятельности отдельных организмов, популяций, сообществ. Среди выявленных биологической наукой форм критериев и методов подразделения этих структур и пространств называют и учитывают трофические уровни, экологические ниши, места обитания (жизненное пространство одного вида), биотопы (жизненное пространство сообщества), популяционную плотность, межвидовую конкуренцию и т.п.

«Свое пространство», обеспечивающее особь, пару с потомством, стадо, популяцию условиями для существования и сохранения вида, есть у всех видов живого мира. Для выделения этого пространства из окружающей природы и обладания им природа выработала в живых организмах механизмы инстинктов, самых глубинных механизмов, регулирующих и социальное поведение организмов. «Инстинкт территории присущ всем зверям, рыбам, птицам и даже насекомым. Он отмечен у давних, реликтовых видов живых существ. Следовательно, это один из самых первых инстинктов» [52]. Рассматривая проявление этот инстинкта у человека с позиций выяснения пространственных пределов, обеспечивающих психологический комфорт, автор этого высказывания утверждает, что инстинкт территории «у человека выражен менее явно, чем инстинкты самосохранения или размножения». Для нашей темы важна не степень выраженности этот инстинкта, а сам факт его сквозного и устойчивого существования во всём живом мире от низших до высших форм. Что касается человечества, то приведём, чтобы не повторять обоснования уже выработанных знаний, следующие утверждения.

«Как причина и следствие, экологические процессы и этологические тенденции непрерывно «перетекали» друг в друга, образуя сложный, многонаправленный и специфически противоречивый на каждом конкретном этапе эволюционный «рисунок» антропосоциогеноза»... «Система жизнедеятельности – «антропоид → предметы непосредственно используемой природы» – уходила корнями в животный мир, была экологически устойчивой, а потому довольно инертной» [10].

Физиологические, поведенческие или пока неизвестные нам другие механизмы, включаемые инстинктом территории с целью отреагировать на изменения в пространстве, оконтуривающем условия жизнедеятельности или в структуре этих условий, разнообразны. Гржимек отмечал, что, когда популяция достигает определенного количественного уровня, включается какой-то природный механизм, уменьшающий численность популяции. Такие механизмы наблюдаются у саранчуков, которые при достижении определенного количества в садке превращаются из оседлой формы в перелётную. Таковы эпизоотии, периодически возникающие у грызунов в разных районах массовые миграции леммингов, другие

формы самоуничтожения, наиболее доступного способа уменьшить свою численность для травоядных животных.

Разнообразны формы социального поведения живых организмов, обусловленного инстинктом территории, обеспечивающим в конечном счете организму и обладание территорией, пространством с наполняющей его природной системой (частью системы), и возможность полноценного развития жизненного цикла путем обмена с окружающей средой веществом и энергией. Птицы оповещают о занятии ими территории песней, собаки – пахучими выделениями, медведи запахом и механическими отметинами на деревьях, самцы трески – «коротким басовитым хорканьем», кузнечики и сверчки – изданием характерных звуков [52]. Общеизвестны и многократно зафиксированы способы защиты «своих» участков агрессивными способами, вплоть до убийства соперников. Известны факты регуляции численности хищников, размножающихся на ограниченной территории, путем систематического уничтожения себе подобных.

Разнообразны и формы реализации инстинкта территории у организмов, ведущих одиночный, «семейный» (стайный), стадный, социальноорганизованный образ существования. Медведи живут одиночной жизнью и отстаивают «свою персональную» территорию от себе подобных, за исключением периодов размножения. Волки живут парно, «семейно», отстаивая территорию, обеспечивающую кормом семью. Секачи – котики, сивучи, другие ластоногие – защищают территорию, на которой размещаются их гаремы. Стада анадромных рыб тысячелетиями совершают многотысячекилометровые миграции, нерестясь (размножаясь) в строго определенных водоемах суши, а нагуливаясь, вырастая до веса в несколько килограммов – на кормовой базе определенных районов океана. Стада горных баранов обитают в определенных горных районах, мигрируя по высоте в зависимости от сезонов. Морские колониальные птицы создают общие птичьи базары, в пределах которых у каждого вида птиц, у каждой птичьей пары есть «своя» территория. Свои «коллективные» территории есть у таких социально высокоорганизованных видов организмов, как муравьи, муравейники которых размещаются в лесу с хорошо сбалансированной плотностью в зависимости от вида муравьев, характера леса, состояния кормовой базы и т.п. [6, 42, 128, 149, 150, 151, 159].

По поводу форм «обладания антропоидами» определенной территории и связанными с ней природными ресурсами жизнедеятельности по поводу форм реализации «инстинкта территории» в науке выработаны несколько точек зрения, которые можно сгруппировать в два блока.

«Феномен отпочкования от животного мира его наиболее прогрессирующей ветви означает вместе с тем складывание нового, в эволюционном плане более перспективного отношения к окружающей среде благодаря использованию в качестве средств достижения биологически значимых целей неорганических (несъедобных) предметов и общения друг с другом (стадность)» [10].

Такой оценкой явления «стадности» (или, как определяют его другие авторы, – явления «коллективизма», «кооперации», «общественного инстинкта», «альтруизма») противостоят утверждения о «возрастании значения индивидуальной инициативы» [Г. Парсонс и В.А. Вагнер по 10]. Переведённая в плоскость обоснования частной собственности, такая точка зрения выливается в такое, например, утверждение:

«Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, как наивно думали Руссо и Прудон. Напротив, она вложена в человека и предсказана ему самой природою, подобно тому как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт. Тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей и нуждающаяся в них (человек лежит, ходит, дышит, согревается, питается, лечится и т.д.). Для того чтобы жить, человек должен заниматься этими вещами, приспособлять их к своим потребностям, посвящать им своё время, отдавать им свой труд (телесно-мускульный, нервно-душевный и созерцательно-духовный), совершенствовать их, вкладывать в них себя и свои ценности, как бы «облекаться в них» – словом, превращать их в своё объективное выражение и продолжение собственной личности» [44].

Роль «общественного» и «индивидуального» в этологии человека, и в том числе в интересующих нас сферах природопользования и собственности на природу анализировалась Т. Гоббсом, Дж. Локком, К. Марксом, Ф. Энгельсом, П. Лафаргом, П. Кропоткиным, И. Ильиным, Н. Бердяевым, Ж. Ж. Руссо, И. Бентамом и другими исследователями и трактовалась далеко не однозначно. В то же время высказывались и позиции, как бы снимающие противоречие между «общественным» и «индивидуальным», переводя взаимосвязи обоих явлений в сферу их единства. Так, по Франку, соотношение между «Я» и «Мы» – это не отношение подчинённости, а соотношение исконной координации. Каждое из двух начал – личное и общественное – «включает в себя другое и не соперничает с ним, а на нём утверждается и служит ему на пользу» [113, 125].

Дискуссионность проблемы представлялась основанной на том, что «биологическая специализация закрепляет на инстинктивно-рефлекторном и инициативно-поведенческом уровне каждую из названных систем опосредующего жизнеобеспечения по принципу: «или – или». Обе они сами по себе необходимы, но, взятые в отдельности, увы, недоста-

точные для того, чтобы «порвать» с зоологическим образом жизни и односигнальной структурой отражения» [10]. И проблема состоит в определении: есть ли приоритетности и противоречия между упомянутыми («названными») системами отношения жизнеобеспечивающихся индивидов друг к другу: «индивид – другой индивид» и «индивид – другой индивид – внешняя природа» [10].

Поскольку речь в анализируемой ситуации идёт не об отдельных существующих самих по себе организмах (что может быть представлено только в высокого уровня абстракциях и только для удобства рассуждений), а о совокупностях организмов, исследователи справедливо применили для анализа экосистемный подход.

Исходя из того, что «живая система на всех уровнях строения есть система кооперативная и динамическая» [12], что «элементарной единицей эволюционного процесса считается не единичный организм, а популяция» [100] и что «эволюция популяции является лишь частью эволюции системы более высокого уровня живого – экосистемы, в которой каждая популяция занимает определенную «экологическую нишу» и выполняет определенную функциональную роль по отношению к другим популяциям, и к биоценозу, экосистеме в целом» [12], – жизнедеятельность каждого индивида рассматривалась во взаимосвязи не только с непосредственно воздействующими на него вещами (включая другие индивиды), но во взаимодействии со всей совокупностью, составляющей окружающий мир. По этой логике следовало, что «индивид пользовался окружающей природой, будучи частицей естественной общности, а не автономной, спонтанно или индивидуально целесообразно действующей личностью» [10]. А «предпосылкой общественной собственности, видимо, было освоение пищевых ресурсов, создаваемых самой природой, и средств труда, находящихся на той или иной территории. Их присвоение естественно сложившейся общностью» (вспомним, что единица эволюции – не индивид, а популяция) «практически означало их отчуждение от других потенциальных претендентов» [12]. Но в то же время «социальность, как константа общественной жизни, – это отнюдь не продолжение, не экстраполяция на более высокую ступень материального мира квазисоциально – стадных инстинктов, присущих некоторым животным» [12]. Это естественное проявление известного и в других сферах «очеловечивания» «животных» инстинктов.

Исследователи, занятые конкретными исследованиями динамики развития этих инстинктов, выявляют и всё более уверенно обосновывают утверждение о приоритете общественного над индивидуальным в жизнедеятельности, в поведении, в интересах человека.

Была разработана концепция «эволюционно стабильной стратегии» (evolutionary stable strategy), согласно которой «между членами сообщества складывается такое поведение, которое максимально отвечает интересам всех» [Дж. Мэйнорд Смит по 48].

Было обращено «внимание на подчиненность «эгоистических интересов» особи родственным и групповым интересам» [В. Уинн Эдвардс по 48].

В последние годы результаты этих исследований были сформулированы как закономерности. Таков, например, принцип кооперации, альтруизма: «...на любом уровне организации структурированной материи можно обнаружить готовность объектов (систем) вступать друг с другом во взаимосвязь, что неминуемо ведёт к потере собственной самостоятельности ради блага кооперации» [99]. В иной форме этой принцип изложен следующим образом: «В основе альтруистического поведения лежит информация, связанная с некоторыми существенными свойствами, характеризующими взаимоотношения «партнеров» в первичных кооперациях. Тем самым эта информация значительно древнее той, что лежит в основе инстинктов самосохранения, т.е. в определенных ситуациях, в целях сохранения организации эти последние могут быть блокированы информацией альтруистического характера» [101].

Обобщая вышеприведённый обзор, мы имеем основания для следующих выводов.

Анализ форм обладания жизненным пространством и способов регулирования обеспеченности условиями существования в этом пространстве, наблюдаемых в живом мире, позволяет выделить несколько категорий таких форм и способов. Обладание территорией может быть индивидуальным, коллективным и смешанным коллективно-индивидуальным. Способы регулирования могут быть разделены на обмен информацией (звуковые, запаховые и иные сигналы), создание механических преград (гнездо, нора), демонстрацию и применение силы, вплоть до уничтожения конкурента; сокращение популяции вследствие вымирания от голода, физиологических нарушений, стрессовых изменений в регулирующей поведении нервной системе. Целью обладания территорией (пространством) является извлечение из содержащихся в её (его) пределах природных комплексов, элементов и условий – то есть тех полезностей (пользования), которые необходимы для обеспечения жизнедеятельности (существования) особи, популяции, вида или для обеспечения определенной жизненной функции. Видовой набор полезностей определяется видовым набором потребностей живых организмов. У «презренных тварей» этот набор может показаться примитивным с высоты высокообразованного современного *homo sapiens*, потому что сводится к потребности в пище, воздухе, воде, укрытии от дискомфортных климатических воздействий, укрытии от хищника, удобных условиях для размножения. Набор полезностей приро-

ды у человека больше. Но важно, что в обоих случаях речь идёт об извлечении из природы пользы в общем виде, и это оспорить невозможно.

Как представляется, самый придирчивый и строгий исследователь не обнаружит в приведенных классификациях: индивидуальное, групповое, обмен информацией, механическая преграда, применение силы, уничтожение конкурента, самоуничтожение, обладание, использование – ни малейших следов умышленной или случайной антропологизации биологических процессов или биологизации процессов общественных. Строго выверенный понятийный аппарат, выработанный в сфере политической и экономической жизни человеческого общества и обеспечивающий словесное выражение тонких механизмов регулирования процессов общественного разделения границ в пространстве между отдельными личностями, группами личностей, народами и государствами, оказался полностью и безукоризненно применим к описанию механизмов регулирования разделения пространства между организмами и популяциями на всех уровнях организации живого мира. Это позволяет предполагать единство неких общих описываемых этими понятиями законов развития систем биологических, экологических, общественных.

Для рассматриваемой нами темы важно установить, что многие элементы, составляющие в совокупности понятие собственности как экономической категории, в том числе и основополагающие элементы, составляющие экономическое содержание этой категории, присущи всему живому, составляют его системообразующие признаки.

Это утверждение совсем не означает, что отношения между всеми видами организмов по поводу использования природы являются отношениями собственности на природу. Биологические отношения преобразуются в экономические отношения собственности с преобразованием предчеловеческого стада в человеческое общество. Это утверждение означает, что отношения собственности на природу возникли не из ничего, а на основе отношений по распределению природы в живом мире, имевших длительный генезис. Этот генезис, выработанные в этих процессах механизмы нельзя не рассматривать как базовые, на которых развивались институты собственности на природу.

Приведенные выше соображения, казалось бы, очевидны, но они оказываются необходимыми, чтобы показать: собственность на природу не возникла из ничего, а есть одна из стадий общего процесса развития жизни. Собственность на природу не самоцельная экономическая категория, присущая человеку и созданному им обществу, а одно из средств для достижения одной цели – извлечения из природы полезностей, необходимых для жизнеобеспечения. Собственность – экономическая форма, но только одна из форм, специфичная, присущая обществу, но не более специфичная, чем другие формы, регулирующие использование природы живым миром. Следовательно, и любые современные формы собст-

венности на природу могут смениться на другие, в том числе и ныне не существующие, но в рамках общих закономерностей формирования отношений живого вещества с окружающей средой [см. например 130, 72].

В последние годы Российскую «Общественность» обуряло опьянение убеждением в спасительном предназначении частной собственности и, в частности, частной собственности на землю для вывода экономики России из кризисной ситуации. Около двухсот лет назад в Европе, наоборот, царило общественное опьянение мнением о губительной роли частной собственности на землю, что привело к кризису общества – другое общество в других условиях. Таких смен убеждений за многотысячелетнюю историю развития человека было много. Эти приводятся в качестве примера.

Собственность не возникла от того, как полагал Жан-Жак Руссо и его последователи, что некто указал на землю: «Это – моё. И то – моё же». Не с этим актом возникли социальные конфликты и экономические противоречия. И не исчезнут они от того, что политики и публицисты насильно ликвидируют категорию «моё». Точно так же не исчезнут конфликты и противоречия в наше время, если мы раздадим всю землю в частную собственность.

Ни научное исследование, ни построение политических и экономических стратегий нельзя подчинять красивому образу, превращённому в яркий лозунг, не обусловленный объективными закономерностями. Пользование природой – а ничто более в конечном счете не регулирует такое экономическое явление, как собственность на природу – в человеческом обществе дифференцировано, как дифференцировано обладание природой и в остальном мире. Объективная действительность устроена сложнее, чем предусматривается простыми схемами и красивыми образами, и вмещает в себя многовариантные и динамические сочетания: индивидуальное пользование природой отдельными особями; групповое пользование – семьёй или относительно небольшими производственными коллективами; общественное пользование территориальными общностями, крупными общественными образованиями – народами, нациями, государствами. Сочетания форм собственности – производное от потребностей и возможностей общества по извлечению полезности из природы. Нет логических препятствий и для постановки вопросов о пользовании всем человечеством как целостностью таких явлений природы, как Мировой океан, или планета Земля. По поводу Мирового океана уже и не логика, а реальные события заставили человечество вырабатывать такое понятие, как «общее достояние человечества», и при помощи этого понятия попытаться регулировать политическую и экономическую деятельность и отношения собственности по использованию природных ресурсов Мирового океана. По поводу планеты Земля разработка таких понятий начата в рамках стратегии «устойчивого развития», применительно к биосфере и «ноосфере». Выходящие за рамки биосферы понятия являются не-

медленно, как только явится доморощенный или космический посягатель на частное использование стратосферы или космосферы Земли, или вещества и энергии, заключённых в её ядре. Это предсказание может казаться праздным до тех пор, пока а) человечество не осознает полезности, которые получает от стратосферы и ядра планеты как ограниченные количественно и принадлежащие кому-то; б) человечество не выработает предвидение полезностей, которые будет получать от стратосферы и ядра планеты на другом уровне общественно-технического развития; в) не явится конкурент на обладание стратосферой и ядром планеты с целью воспрепятствовать извлечению полезностей для человечества в целом или для отдельных подразделений человечества; г) человечество своей деятельностью не доведет эти сферы до опасного для человечества состояния. Следовательно, один из главных наших выводов состоит в том, что отношения собственности на природу как экономическая категория, являющаяся одним из основных блоков в фундаменте системы общественных отношений, сама есть часть некоей более общей категории, обеспечивающей использование природы живым миром, не является неделимой, а дифференцируется на виды; сами виды и сочетания этих видов не вечны, а обусловлены уровнем развития жизни и общества, биологического и социального в человечестве.

Переходя к рассмотрению вопросов, непосредственно связанных с нашей темой, то есть к рассмотрению особенностей, с которыми проявляются общие тенденции формирования отношений собственности на природу в решении проблем экономического обеспечения существования и развития народов Севера, констатируем следующее.

Главная экономическая особенность задачи сохранения и развития народов Севера в современных условиях состоит в необходимости создания экономических условий жизнедеятельности их как этнических общностей.

Существование каждого отдельного народа Севера как этнической общности обеспечивается в современных условиях существованием тех территориальных этнических общностей этого народа, которые живут укладом жизни автохтонного или, частично, ассимилированного населения, сохранившего реальные возможности перехода в уклад жизни автохтонного населения.

В историческом прошлом экономическую основу жизнедеятельности автохтонного населения, составляющего территориальную, в основном однородную в этническом отношении общность народа Севера, составляло традиционное природопользование как обеспечение жизнедеятельности общности в целом в процессе собственного труда в исторически устойчивом собирательского типа использовании возобновляемых биологических природных ресурсов, содержащихся в природном комплексе ареала проживания этой общно-

сти. Общая собственность на природу в связи с этим имела решающее значение для сохранения и развития народов Севера как этнических общностей.

Экономическую основу жизнедеятельности современного автохтонного населения, как территориальных, очень часто этнически неоднородных общностей народов Севера (то есть имеющих в качестве объединяющих признаков не только территориальный и смешанный этнический, но и производственный), составляет обобществлённое обеспечение жизнедеятельности этих общностей в целом за счёт использования природных, в основном возобновляемых биологических ресурсов природного комплекса в ареале проживания этих общностей, на территориях их традиционного природопользования. Форма организации труда в общности может быть разной: всеобщей, частной, в разной степени кооперированной. Но главная цель использования результатов труда по использованию этих природных ресурсов – общая. Основную сложность при этом представляет вопрос: «Какая форма собственности на природу соответствует достижению этой цели, какая форма собственности на природу обеспечит современное традиционное природопользование народов Севера?».

Формы собственности на созданные человеческим трудом материальные и иные ценности, могущие быть применёнными для обеспечения жизнедеятельности этнических общностей народов Севера, относятся к общераспространённым и уже знакомы, привычны в этих общностях: личная, частная, коллективная в кооперативной форме разных уровней обобществления, государственная и т.д.

Для определения адекватной реальным общественным процессам развития народов Севера формы собственности воспользуемся методическими подходами, ориентированными по логической цепочке: главная цель – содержание главного средства достижения этой цели – форма этого средства.

Главной целью, как установлено выше, является сохранение и развитие народов Севера как этнических общностей. Главным средством достижения этой цели является создание экономических условий для обеспечения жизнедеятельности этой этнической общности, как целостности.

Основной особенностью этих экономических условий, отличающих их от разнотрактуемых общепринятых в государстве экономических условий, является их ориентация на жизнеобеспечение автохтонного населения как исторически длительно функционирующей общности, как целого. Экономическое содержание жизнеобеспечения этого населения состоит в общественном присвоении общностью в целом природных, в основном возобновляемых биологических ресурсов на территории проживания, пространственные пределы которой в историческом прошлом определялись в конечном счёте объемом содержания на

ней и могущих быть использованными природных ресурсов, достаточных для жизнеобеспечения этой общности в целом. В современных ситуациях границы этих территорий определяются другим, более сложным комплексом факторов, среди которых «достаточность» природных ресурсов для жизнеобеспечения общности соблюдается не всегда.

Формой собственности на природу, обеспечивающей современное традиционное природопользование народов Севера как средство их исторически устойчивого жизнеобеспечения, может быть только общественная форма собственности на природу, адекватная главной цели: сохранение и развитие общности народов Севера как целостностей, развивающихся под конкретно-историческими объективными разрушающими воздействиями вместившей эту целостность общественной системы [см. например 25, 76, 83, 87].

Особенностью такой формы общественной собственности на природу является необходимость включения в неё элементов ранее бытовавшей у народов Севера традиционной общинной собственности на природу, основанной на общем праве. Причина такой необходимости – не только в сохранении основной функции хозяйственной деятельности по использованию природных ресурсов, состоящей как в жизнеобеспечении общности, так и в сохранении связи с природной средой обитания. Эти традиционные элементы необходимо должны действовать в сочетании с элементами форм общей собственности на природу, присущими современным общественным формациям. Задача – определить формы и пропорции такого сочетания. Труд по использованию природных ресурсов в традиционном природопользовании осуществляется в основном членами общности, может быть организован в общей, частной, кооперированной форме. Но распределение продуктов труда должно происходить только с учётом интересов общественного собственника, который, как собственник природного ресурса, будет присваивать, как минимум, ренту, компенсации за экологический ущерб и платежи на социально-экономическое развитие.

Использование общностью народов Севера природных ресурсов за пределами «своей» территории традиционного природопользования регулируется общественными отношениями, в том числе отношениями собственности, общепринятыми в государстве, с разовыми, персонифицированными, специально оговоренными льготированными режимами.

Экономическое содержание жизнеобеспечения ассоциированных и ассимилированных групп народов Севера, не обладающее вышеназванными особенностями, более приближённо к общепринятым в государстве стереотипам, не зависит от традиционного природопользования, не специфично и в этой работе не рассматривается.

Зафиксировав эти промежуточные выводы, перейдём к рассмотрению конкретных особенностей предоставления конкретным общностям народов Севера территорий тради-

ционного природопользования как экономической основы для исторически устойчивого существования и развития этих народов.

ГЛАВА V

ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА

РАЗДЕЛ 5.1. СУБЪЕКТ ПРАВ НА ТЕРРИТОРИЮ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Дифференциацию субъектов собственности на природу, не углубляясь в детализацию вопроса, рассмотрим, ограничившись теми видовыми характеристиками, в зависимости от которых сложилось наиболее представленное в дискуссиях разделение на основные виды собственности.

Сложившаяся в настоящее время классификация форм и видов собственности основывается на разделении их по различным критериям. В зависимости от общественно-исторической формации⁵, которую они характеризуют, отношения собственности подразделяют на первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую форму; в зависимости от основной экономической категории, являющейся объектом собственности – на собственность на средства производства, определяющую характер производственных отношений в общественно-исторической формации, и собственность на продукты труда; в зависимости от степени распределения объектов собственности между субъектами собственности – на монопольную и не монопольную собственность (более развитой классификации по этому критерию обнаружить не удалось); в зависимости от субъекта собственности, дифференциация оказалась наиболее размытой на собственность частную, коллективную, общую, общинную, частную трудовую, частную нетрудовую, личную, единоличную, колхозно-кооперативную, общественных организаций, государственную, общественную, всенародную, общенародную. Наверное, этот перечень неполон. Несмотря на размытость определений и разноуровненность видов, эта последняя классификация дает возможность для решения стоящей перед нами задачи не только потому, что она основана на учете интересующего нас явления – субъектов собственности. Обобщённые виды этой классификации обнаруживаются во всех остальных видах собст-

⁵ Сомнения в резонансе выделения социализма в самостоятельную формацию имеют основания, но для нашей темы не имеют принципиального значения.

венности, классифицированных по другим критериям, что дает основания предполагать и более глубокий характер дифференциации собственности по субъектам.

В самом деле, разделив субъекты собственности на две группы: частный собственник, то есть один, единственный собственник, и общий собственник, включающий в себя более одного собственника, – мы обнаруживаем, что все формы собственности, называемые по субъекту собственности, укладываются в эти группы, не образуя третьей.

Однако такая группировка требует четкого определения, кого (что) считать частным субъектом собственности и кого (что) – общим. Эта проблема пока не разрешена, в связи с чем затруднительно рассмотрение и проблемы собственности на природу, где, как показывает практика, сложно выделить какую-то одну форму собственности. Рассмотрим два возможных подхода к решению проблемы.

Один подход, назовем его сквозным, может исходить из того, что частным субъектом собственности считается некая часть некоего субъекта собственности. При этом каждый собственник, общий для низшего уровня, окажется частным собственником для уровня высшего или равного. Каждая семья – общее для члена семьи, но частное для другой семьи или для племени. Каждое племя – общий, коллективный собственник для членов племени, но частный – для других племен. Колхоз – коллективный собственник для колхозника, но частный для других колхозов, объединений и т.п. Каждый завод – общее для рабочего, но частное для заводов других ведомств, подчинений и т.п. Акционерное общество – общее для своих членов и частное – для других акционерных обществ. Каждое государство – общий собственник для своих граждан и частный – для других государств.

В другом подходе, назовем его разветвленным, частным субъектом собственности считается неделимый, первичный субъект собственности, за которого примем отдельного человека – другие более дробные варианты для первичного субъекта собственности вряд ли могут быть предложены. В этом случае возникает необходимость выявления и видовой классификации различных форм общих субъектов, к которым будут отнесены все остальные субъекты, кроме первичного. Не исчезнет и проблема иерархизации этих форм, поскольку многие из них окажутся «более общими» или «менее общими», в какой-то степени «частными» для одних и «общими» для других уровней. При этом возникает проблема определения качества этой «производной» «вторичной» «частности» собственности, поскольку она может быть другой, чем «частность» первичного частного собственника. Возможны и проблемы различения качества «общности» на разных уровнях общей собственности, при разных уровнях обобществления.

Не пытаясь рассматривать эти проблемы во всей их сложности и осознавая необходимость для этого специальных глубоких исследований, считаем тем не менее возможным предложить схему, допустимую, на наш взгляд, для классификации субъектов собственности на природу в рамках нашей темы. Эта схема разрешает названные выше проблемы путём введения дополнительных группировок по следующим системообразующим признакам: личностные, общественные, экономические, территориальные (пространственные) интересы. В общих чертах, без детализации на конкретные единицы на каждом иерархическом уровне (такая детализация может быть различной для различных общественно-исторических формационных и национально-государственных особенностей), данная схема приведена в таблице 1. Не претендуя ни на окончательность, ни на исчерпывающую полноту, эта схема позволяет в рамках поставленной нами задачи дифференцировать и интегрировать индивидуальные и коллективные интересы на разных уровнях общественной структуры, в разных видах, на разных уровнях использования природы человеком и обществом. При таком подходе достаточно логично определяется место субъекта прав на территорию традиционного природопользования в системе отношений собственности, сложившейся в обществе.

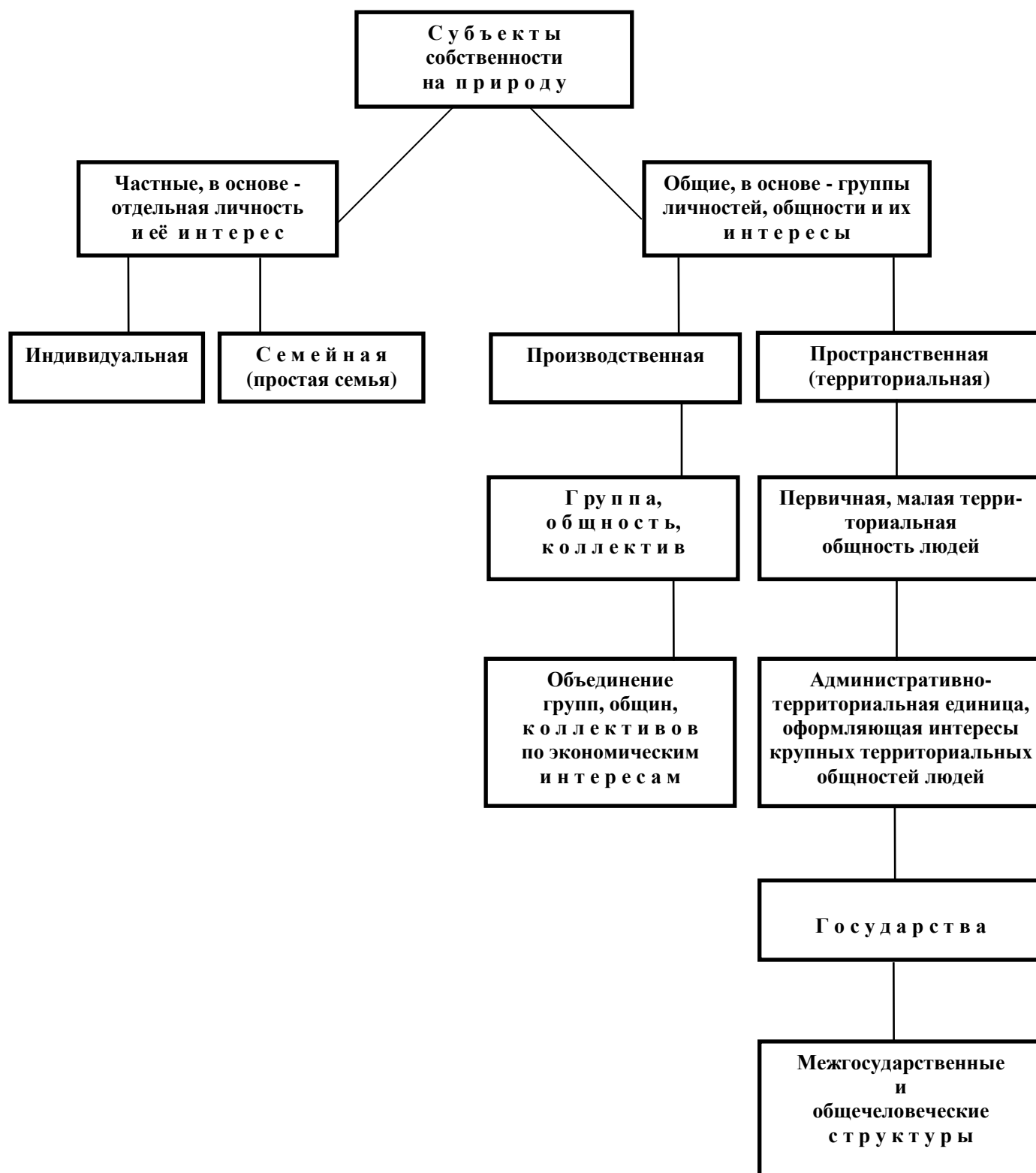
Субъект прав собственности, права на выделение территории традиционного природопользования в связи со всем вышеизложенным должен удовлетворять следующим требованиям:

- достаточно, исчерпывающе и точно выражать этническую специфику субъекта;
- достаточно полно охватывать круг общественных образований, имеющих основания выступать в роли субъекта прав на территорию традиционного природопользования;
- достаточно полно выражать и обеспечивать реализацию экономической сущности главной целевой функции выделения территорий традиционного природопользования.

Таким требованиям, на наш взгляд, удовлетворяет понятие «территориально-хозяйственная общность народов Севера».

Включение в эту формулу определения «народы Севера» устанавливает национально-этнический характер определенного явления, ограничивает субъект рамками традиционного природопользования определенных этнических общностей, но не ограничивает её состав представителями одного народа Севера. Исторические процессы XX века (см. главу 1) привели в некоторых северных районах России с основными традиционными отраслями хозяйства не кочевого характера к смешению во многих населённых пунктах представителей нескольких народов Севера. Предложенная формулировка даёт возможность разрешить

Общая схема классификации субъектов собственности на природу

такую ситуацию. Заметим, что во всех действующих и предлагаемых нормативных актах к народам Севера относят и проживающих с представителями народов Севера членов их семей. Содержание же понятия традиционного природопользования народов Севера рассмотрено выше.

Понятие «общность» – одно из наиболее общих в демографии, включает в себя все реально существующие в России общности народов Севера, население всех семейных образований народов Севера не допускает отсечения от правового регулирования ни один из видов общностей, имеющих основания выступить в роли субъекта прав на выделение им территорий традиционного природопользования. Понятием общность, с учётом отмеченного выше обстоятельства охвачены: 1) население исторически сложившихся и долговременно существующих общин, сформированных по кровнородственным, территориально-соседским, общественным хозяйственным признакам; 2) население сёл и посёлков, сформированное из членов коренных общин и из переселенцев, выходцев из других поселений, принудительно ликвидированных или самостоятельно распавшихся по природным или социально-экономическим обстоятельствам; 3) население, составленное полностью из народов Севера, переселенных или самостоятельно переселившихся в некое конкретное селитбное образование.

Понятие «территориальная» определяет, что из всех возможных общностей к рассматриваемому конкретному субъекту права могут быть отнесены только представители народов Севера, проживающие на определенной территории, связанные с этой территорией прямыми и реальными отношениями природопользования, а не отношениями, опосредованными через цепочки социально-экономических и личностных связей. Этим понятием исключается возможность отнесения к субъекту прав на территории традиционного природопользования лиц, проживающих в других местностях, с другим укладом жизни и обеспечивающих свою жизнедеятельность за счёт использования природно-ресурсной базы других территорий или за счет иных экономических источников для жизнедеятельности. В то же время понятие «территориальная общность» включает в себя всё население, без отсечения по признакам пола, возраста, включения в разные хозяйственные структуры и т.п.

Понятие «хозяйственная» определяет экономическую сущность общности, экономический характер субъекта, образованного с целью именно экономического, хозяйственного использования природных ресурсов предоставляемой территории, а не с целью развития культурных, лингвистических и иных очень важных, но не экономических функций, не предполагающих природопользование как главную цель. В то же время от роли рассматриваемого субъекта отсекаются общественные образования, созданные не для хозяйственной, а для общественной деятельности.

В настоящее время известны предложения о придании статуса субъектов прав на территории традиционного природопользования таким общественным структурам, как общины, сформированные по кровнородственному признаку, ассоциации, союзы, национальные предприятия, и многим другим. Нам представляется, что ни одна из предлагаемых структур не охватывает всего многообразия нуждающегося в правовой регламентации явления, некоторые же из этих структур без изменения их статуса принципиально не могут выступить в роли землепользователя. Предложенное же нами понятие – возможно, не идеальное и требующее совершенствования – позволяет избежать этих недостатков и рассмотреть возможность придания статуса субъекта прав собственности на территорию традиционного природопользования и некоторым из этих образований, как частным субъектам, с соответствующими дополнениями и изменениями в Уставах, Положениях и т.п.

РАЗДЕЛ 5.2. ОБЪЕКТ ПРАВ НА ТЕРРИТОРИЮ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Проблема определения объектов собственности на природу также достаточно сложна. Так, в системе классификации Х. Кляйнеферса предусмотрено 24 вида объектов собственности, шесть категорий субъектов и не менее пяти иных видов категорий [113]. В то же время современные квалификации затруднительно применить в рассматриваемом нами случае. Специфичные субъекты и объекты собственности на природу у народов Севера неадекватны формирующимся в России общественным отношениям, плохо вписываются в современные системы субъектов и объектов собственности, сложившиеся в высокой степени изощрённом современном российском «рыночном» обществе.

Это вынуждает, не выходя за рамки своей задачи, и здесь прибегнуть к паллиативному решению – предложить схему классификации объектов собственности, позволяющую, на наш взгляд, удовлетворительно решить стоящую перед нами задачу, оставляя в то же время возможность улучшать эту схему для перехода к новым, более совершенным.

Сложность классификации объектов собственности на природу определяется типичными трудностями любой квалификации: необходимостью исчерпывающе полно, но без лишней запутывающей подробности учесть иерархическую многоуровненность и видовое разнообразие классифицируемого явления. В объекте собственности на природу несомненно должны быть отдельно рассмотрены природные и экономические видовые системообразующие признаки.

Из экономических признаков в литературе встречается в разных формах и в различных целях применяемый учет различий в объектах собственности на природу. Отраслевые различия проявляются чаще всего в известной природно-ресурсной классификации: топливно-энергетические, минерально-сырьевые, сельскохозяйственные, лесные, охотничье-промысловые, водные, рыбные и т.д. природные ресурсы. Встречается также классификация, не сведенная в цельную схему, но в разрозненном виде широко известная, учитывающая место и роль объекта собственности на природу в воспроизводственных процессах и разделяющая явления природы на средства производства, в частности, на предметы труда, предметы потребления, общие условия труда. При этом средства производства могут быть по характеру участия в производственных процессах подразделены на 1) те, что непосредственно в производственном процессе участвуют пассивно, как предметы труда, и используются один раз, например, уголь, газ, руда и т.п. и 2) те, которые неоднократно и активно участвуют в производственных процессах, включая их в свой природный, чаще всего биологический цикл, например, популяции рыб и животных суши, естественные плантации дикоросов, воспроизводственное стадо скота, молочное стадо скота и т.п. (Во втором случае возможна иная, в зависимости от точки зрения, интерпретация: природные циклы включаются в производственные).

Объекты собственности на природу могут различаться по индивидуальному или общему, дробному или неделимому характеру процесса присвоения, то есть по основному фактору, определяющему экономическое содержание отношений собственности, являющихся, напомним, отношениями по поводу присвоения. Различия эти состоят в том, что одними объектами природы можно обладать индивидуально или сообща, присваивать их целиком или раздельно, по отдельным полезностям, таковы, например, почва, лошадь, водопад, небольшое озеро и т.п. Другими объектами можно обладать только сообща, в силу их природных качеств (текучесть, перемешиваемость) или всеобщего значимого характера извлечения полезности, например, всеобщего значимого использования морских проливов для транспортных сообщений, закрепленного в виде статуса открытых морских проливов для международного мореплавания. Не исключено выделение промежуточных групп объектов собственности между этими двумя основными.

Наконец, мы уже обращали внимание на различия в объектах собственности на природу, в некоторых чертах связанные с названными в предыдущем абзаце и состоящие в том, что одни объекты собственности присваиваются посредством труда, другие используются путем прямого потребления. Можно, конечно, утверждать, что все, сделанное человеком, есть труд, ибо вся деятельность человека пропускается предварительно через разум, и, следовательно, есть целесообразная деятельность, а, согласно известному определению,

труд и есть именно целесообразная деятельность. Прямое потребление, следовательно, при таком подходе есть труд и, следовательно, может быть отнесено к категориям экономическим.

С другой стороны, можно утверждать, что вода, которую человек потребляет прямо, «физиологически», но из под крана, есть продукт производства, и это так и есть, ибо эта вода предварительно была изъята из природы с помощью водозаборных сооружений, очищена, насосами закачана в сооружения магистральных и разводящих сетей и только после этого появилась в кране. Но остается неясным, как быть с водой горного ручья, использованной человеком так же прямо и для удовлетворения той же физиологической функции, но без труда. Можно утверждать также, что чистый воздух в городе есть продукт производства, ибо не был бы чист без работы пыле- и газоулавливающих установок. И в то же время это не совсем так, ибо работа этих установок не производит чистый воздух, а предотвращает загрязнение существующего воздуха. И никакие изощрения не могут связать с трудом акты по использованию природы, имеющие чисто физиологическое значение, например, потребление воздуха и воды в лесу, не связанные с производственной деятельностью даже косвенно. Однако и этому использованию может быть придано экономическое значение, поскольку оно является использованием природы для воспроизводства человека не только как явления биологического, но и социального, в том числе и для воспроизводства его рабочей силы. А в этом случае любое прямое потребление имеет несомненно экономическое значение, поскольку речь идет о воспроизводстве явления несомненно экономического.

В свете этих соображений понятна сомнительность широко распространенного среди практиков сухого «технарского» подхода к оценке духовной потребности народов Севера в привычной традиционной природной среде как потребности пустой, надуманной не имеющей реального значения. Такой подход, конечно, и не гуманен, но соображения гуманности не посещают сухих «технарей», «экономистов» и «политиков». Однако этот подход не рационален и в прямом «технарском», и «экономическом» смысле, ибо препятствует воспроизводству в человеке не только духовных начал, но и рабочей силы, то есть категории, имеющей экономическое значение и по «технарским» понятиям.

Разделение объектов собственности на природу по природным признакам могло бы быть наиболее целесообразным по классическим сложившимся в естественных науках схемам, учитывающим видовые и иерархические признаки, однако в этом подходе есть свои сложности. Классические, сформировавшиеся биологические, геологические, географические и другие системы могли бы быть применены в том виде, в каком разработаны соответствующими науками, например: органическое вещество, вирус (живая молекула), клет-

ка, организм, популяция, сообщество; космос, стратосфера, атмосфера, гидросфера, литосфера, мантия, ядро; фация, урочище, ландшафт, область, провинция, страна и др. Однако вряд ли этим способом классификации можно удовлетворительно решить нашу задачу, поскольку он не связан с использованием природных объектов человеком. Так, эта система не позволяет учитывать извлечение полезностей из природных явлений, не вписывающихся в полной мере ни в одну из имеющихся классификаций, но имеющих место в природе, например: естественный водопад, крутящий колесо мельницы; ветер, движущий лопасти ветроэнергетической установки и т.п. Далеко не всегда совпадают и границы административных и экономических образований с границами естественных природных систем.

При классификации объектом природы могут быть использованы и такие часто встречающиеся в литературе по природопользованию признаки, как биогенный – косный – биокосный; исчерпаемый (природный ресурс) – неисчерпаемый, возобновимый; ограниченный (природный ресурс) – неограниченный. Но и эти признаки, безусловно важные для анализа отдельных аспектов использования природы человеком, недостаточны для решения нашей задачи, поскольку они или узкоспециализированы, или слишком общи и не могут отразить особенности, связанные с экономическим подходом к оценке природных явлений.

Представляется, что классификация должна быть основана на комплексном подходе, при котором за основной системообразующий признак явлений природы, как объектов собственности, может быть принято членение природы на структурные единицы, интегрированно отражающие и строение природы, и специфику ее использования человеком. Мы отдаем себе отчет, что при этом будут потери в точности отражения специфики отдельных звеньев комплекса, – она неизбежно снижается при комплексном подходе. Но известно, что при таком подходе возникает возможность отразить новые качества, ранее нами не только не учитываемые, но, не исключено, и неизвестные, еще не обнаруженные.

Приемлемым в нашем случае представляется членение природы по экосистемному признаку. С таким обобщенным объектом собственности, как экологическая система, человечество формально не сталкивалось. В качестве объекта собственности на природу привычно выступают участок земли, участок леса, участок морского побережья, промысловый участок и т.п. Полагаем, однако, что во всех этих случаях именно экологические системы выступают действительным, а не формальным объектом собственности. В экологической системе человек существует и занимается производственной деятельностью. В экосистеме занимает он свою экологическую нишу и пространственную зону. Из экосистемы извлекает полезности, трансформирует экологические связи, отнимает полезности у других структурных звеньев экосистемы, изменяя при этом вещественный и энергетический баланс эко-

системы, нарушая ее равновесие. Экосистемный подход позволяет учитывать явления природы, внутренне связанные не только по видовым и иерархическим признакам, но и процессами потребления природы при жизненной и производственной деятельности человека.

Экологические системы в комплексе объединяют все явления природы в определенном пространстве и представляют собой иерархическую структуру систем разных уровней. На каждом уровне может быть определен соответствующий ему вид и уровень присвоения, использования, извлечения полезностей из природы человеком. При этом подходе природа может быть условно расчленена не только на отдельные элементы, что позволяет по пространственным и видовым признакам вычленять конкретные объекты собственности, но и на экологические системы разных уровней, то есть локальные, региональные, субглобальные, глобальные и т.п. Количество и название уровней могут быть изменены, однако на принципиальное решение это не повлияет.

Новые возможности, предоставляемые экосистемным подходом к проблеме определения объекта собственности на природу, раскрываются при переходе к анализу присвоения человеком конкретных полезностей из конкретных природных объектов. Так, мы получаем возможность связать отношения между собственниками, обладающими участками, раздробившими цельную систему, и извлекающими на своих участках через механизмы этой системы вещество и энергию, которыми, казалось бы, обладают и другие индивидуальные или общие собственники. Этот подход позволяет по-новому представить и проблему совершенствования управления развитием природы путем изменения методов управления социально-экономическим развитием. В частности, он позволяет применить новые формы увязки управленческих процессов с пространственными границами и механизмами функционирования природных систем.

РАЗДЕЛ 5.3. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Важным для нашей темы – раскрытие специфики современных форм собственности на природу в традиционном природопользовании народов Севера – является необходимость выявления взаимосвязи экономической и правовой сущности категории собственности. Не будем останавливаться на определении рассмотренной выше экономической сущности отношений собственности. Отметим, что правовая сущность отношений собственности была выявлена ещё римским гражданским правом настолько, что человечество (во всяком случае, в европеизированной системе ценностей) ничего существенного не сумело добавить к ней за прошедшие тысячелетия. Права собственности, регулирующие экономиче-

ские отношения собственности, состоят из сочетания трёх прав: владения, распоряжения, пользования. Каждое из этих трёх прав в отдельности и сочетания любых двух из них не обеспечивают право собственности во всей полноте. Тем не менее в этой триаде есть одно право целеполагающее – право пользования – и два права, обеспечивающие достижение этой цели, то есть пользования.

Во-первых, как установлено выше, именно ради пользования природой и создаются механизмы регулирования процесса пользования ею, начиная с возникновения жизни. Во-вторых, именно пользование природой придает праву собственности экономический смысл, отличающий собственность как экономическую категорию от других категорий, обеспечивающих возможность извлечения полезностей из природы. Права владения и распоряжения придают собственности политический и правовой смысл, обеспечивая извлечение из собственности на природу той экономической формы, в которой она, собственность, реализуется, – то есть полезности, в том числе ренты. Рента может возникнуть только при пользовании. Владение и распоряжение – только средства для её извлечения.

В связи с этим есть, как представляется, необходимость не только предостережения практикам о возможных последствиях неправильной оценки увлекшей их красоты и завершенности триады прав, составляющих право собственности, и недооценки при этом права пользования. В этой триаде право пользования прозаично и наименее привлекательно для политических деятелей, желающих очень выразительно (по-феодалному «красиво» и с пренебрежением к производительному труду) владеть и распоряжаться, особенно в период перераспределения и собственности, и государственной власти. Развивавшаяся до 1990-х годов в нашей стране теория собственности неизбежно отражала влияние гипертрофированно централизованного управления с приоритетом административно-командного регулирования экономических процессов, основанных на практически полной государственной собственности на природу. Вследствие этого теория и практика до последнего времени неизбежно придавали гораздо большее значение решению проблем владения и распоряжения природой и меньшее – проблемам собственно пользования и регулирования пользования, искажая объективно существующие потребности в соотношении этих категорий как регуляторов общественной жизни. Неопровержимым доказательством этому утверждению, служит практика функционирования всей системы законов и нормативных актов, регулирующих процессы пользования природой. Результат этой практики состоит в том, что пользование природой в целом и отдельными её компонентами принесло совокупному пользователю не только экономическую пользу, но и экологический, а также и экономический вред, в некоторых случаях возможно не меньший, чем польза.

Ещё одной актуальной проблемой, недостаточно разработанной теоретически и неверно оцениваемой практически, является проблема соотнесения категорий: 1) собственность на природу; 2) суверенное право на природу (суверенитет); 3) природа как достояние населения страны или отдельного региона. На практике эти понятия зачастую переплетаются настолько, что в «правотворчестве» на уровне не только субъектов Федерации и низших иерархических уровней, но и на уровне Федерации понятием суверенитет заменяют понятие собственности и как собственность трактуют понятие достояние народов (населения). В литературе отмечаются обратные тенденции, преуменьшающие, а то и отрицающие связь между этими понятиями. Необходимы глубокие теоретические разработки, исследующие связь между категориями собственность, суверенитет, достояние народов, как разными общественными институтами, регулирующими отношения по использованию природы, и в этой связи – однородными, сходными, но различающимися по субъектам, методам и уровням регулирования этих отношений. В общих чертах и в качестве гипотезы можно предположить следующую систему, выражающую связь и различие этих категорий.

«Собственность» регулирует пользование природой экономическими методами между экономическими субъектами, «суверенитет» – политико-правовыми методами между политическими, государственными субъектами, «достояние народов» – декларативно-политическими методами между административно-территориальными, организованными государственно, общественно организованными национальными, многосторонними межгосударственными и т.п. субъектами.

Это не более чем гипотетическое предложение, и его применение за рамками нашей темы без глубокой теоретической разработки проблемы единства и различий названных категорий вряд ли возможно. Здесь это предложение приведено только для обоснования того обстоятельства, что мы не рассматриваем подробно в нашей, экономической по содержанию, теме политические категории «суверенитет» и «достояние народов». Понимая их, как, в первую очередь, политические, мы полагаем, что они могут быть основным объектом внимания при разработке проблем политической самостоятельности, прав на самоопределение и т.п., находящихся за рамками нашей темы.

В предложениях об установлении прав собственности, в том числе на природу и отдельные её компоненты, фигурируют разные «наборы» прав: собственности; владения и пользования; пользования; владения, распоряжения и пользования; владения и распоряжения.

Представляется, что дело не в установлении оптимального набора из отдельных видов прав, составляющих право собственности как на территории традиционного природопользования народов Севера в современной России, так и на любой другой объект в любые

исторические периоды. Такие споры, как нам кажется, схоластичны и в конечном счете бесплодны. Понятия «собственность» и «право собственности» сами по себе – абстракции. Институты собственности и конкретные права собственности конкретных субъектов на конкретные объекты – понятия не совпадающие. Абсолютных, «чистых», безграничных прав собственности, какими представляют их отдельные диспутанты (иногда не понимая даже, что они руководствуются такими представлениями), в конкретной действительности не было и быть не может. Реальные права собственности всегда конкретны и в конечном счете адекватны тем конкретным социально-экономическим потребностям, тем общественно значимым целям, для обеспечения которых они выработаны.

Право собственности, частной или общей, было в большей или меньшей мере ограничено у племен и родов, у римских патрициев и латиноамериканских латифундистов; у королей, суверенов, сеньоров и вассалов; у капиталистов и фермеров, у государств и транснациональных монополий.

При самом, казалось бы, неограниченном режиме частной собственности на некий объект, право этой собственности внутренне ограничено самим субъектом собственности вследствие наличия у этого субъекта неограниченного права распоряжения объектом. У субъекта есть право продать, подарить, передать по наследству этот объект в целом или распределив на части. У него есть, наконец, право уничтожить сам объект собственности, то есть ликвидировать вместе с ним самое отношение собственности.

Всегда и везде государства, устанавливающие институты определенных, организованному в государство обществу присущих прав собственности, устанавливали и ограничения этих прав. В Англии при доведенной, казалось бы, до идеала системе прав частной феодальной собственности на землю существовали ограничения, запрещающие при наследовании дробить объект собственности. В феодальных государствах при режимах абсолютных монархий монархи могли наделять землей и людьми, отдавая их в собственность, но могли и отнять землю и людей из собственности почти у любого феодала, и это ограничение прав собственности не вызывало сомнений. В современных капиталистических странах, наиболее приверженных идее частной собственности, государства ограничивают права частных земельных собственников не только возможностью принудительного выкупа земельных участков за назначенную цену, но и системой налогов, введением социальных и экономических условий, применением экологических нормативов при землепользовании и т.п.

Для нашего конкретного случая речь должна идти не об оптимальном раскладе пасьянса из слов «собственность», «владение», «пользование», «расположение» с целью наложения этого пасьянса на словосочетание «территории традиционного природопользова-

ния», а об определении конкретного правового содержания обозначенных этими словами понятий.

Общность народов Севера, безусловно, должна владеть территорией традиционного природопользования для того, чтобы, используя ее природно-ресурсную базу, экономически обеспечить существование и общности, и составляющих ее отдельных людей. Без владения природные ресурсы этой территории будут использоваться другими субъектами: как законно организованными физическими и юридическими лицами, так и социально не организованными браконьерами. Но общность народов Севера не способна, не может выполнить все функции владения хотя бы потому, что не имеет ни функций, ни аппарата для установления норм права, насильственного пресечения нарушений права владения и т.п. Следовательно, задача состоит не в дискуссии по вопросу «владеть – не владеть», а в определении конкретного содержания понятия «право владения» применительно к специфичному явлению «территории традиционного природопользования народа Севера», в точном распределении функций, предусматриваемых правом владения, между общностью народов Севера и системой государственных органов управления и судебных органов, обеспечивающих права владения государственными методами, через аппараты контроля, принуждения, насилия, судебного разбирательства и т.п., в установлении точных критериев, общеобязательных для всех субъектов, сталкивающихся в сфере прав владения территориями традиционного природопользования.

Общности народов Севера, безусловно, по определению должны обладать правом пользования в отношении территории традиционного природопользования. Но и это право, разумеется, должно быть ограничено. Во-первых, рассматриваемое право пользования не должно выходить за пределы «традиционного природопользования». Общее содержание этого понятия рассмотрено выше, а конкретное содержание должно устанавливаться индивидуально для каждого субъекта и объекта, в зависимости от природных и социально-экономических условий. Очевидно, например, что общность народов Севера не будет иметь права создать на территории традиционного природопользования крупный металлургический комбинат, появление которого радикально изменит не только уклад жизни народов Севера, но и социальную, экономическую, демографическую ситуацию в районе их проживания, а также режим природопользования в прилегающей к комбинату зоне на расстояниях в десятки и даже сотни километров. Это потребовало бы изменения, замены, отмены статуса территории традиционного природопользования, а в конечном счёте привело бы к преобразованию населения этой общности народов Севера в ассоциированное, а затем и в ассимилированное население, живущее полностью не в традиционном экономическом укладе.

Во-вторых, и сам режим традиционного природопользования в современных системах рационализирующегося природопользования в целом должен включать в себя функции экологического контроля, надзора, организации научных исследований и др. В настоящее время они выполняются специально уполномоченными органами охраны природы и отдельных её компонентов (лес, земля, воды, животные суши и гидросферы и т.п.) и научно-исследовательскими организациями; система этих организаций контролирует состояние природной среды на гораздо больших пространствах, чем отдельные территории традиционного природопользования. В пределах конкретных лесничеств, участков и т.п. эти функции выполняют лесничие, егеря, инспекторы, постоянные и периодические исследовательские экспедиции. Общность народов Севера не сможет выполнять весь комплекс названных задач по причинам экономическим, кадровым и многим другим. Следовательно, выделение таких функций пользования природой, как исследования, контроль, прогноз состояния природной среды и природно-ресурсной базы, введение ограничений (сроков, лимитов и т.п.) на промысел, должно быть правовым образом закреплено как ограничение права общности пользоваться природой на территории традиционного природопользования.

Общность народов Севера, безусловно, должна иметь право распоряжения территорией традиционного природопользования. В противном случае эта общность может быть уверена, что в любое время её без предупреждения и насильно вытеснят с освоенной территории. И, столь же безусловно, это право распоряжения также должно быть ограничено, потому что, получив право распоряжения в полном объеме, неограниченно, общность народа Севера может быть столь же твердо уверена, что через некоторое время она сама, в формально законной процедуре, лишит себя территорий традиционного природопользования в пользу любого более сильного и богатого субъекта. Следовательно, необходимо разделение функций распоряжения. Например, у общности народов Севера должно быть право согласования или несогласования, вплоть до права вето, всех правовых актов о любых изменениях в статусе территорий традиционного природопользования. У государственных органов управления должно быть право рассмотрения любых обращений любых субъектов, включая и общности народов Севера, и принятия решений по поводу изменения статуса территорий традиционного природопользования. У судебных органов должно быть право рассмотрения споров по поводу нарушения вышеназванных прав.

ВЫВОДЫ

Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период её общественного развития конца XX века рассмотрены в следующих основных аспектах.

В аспекте общеисторического развития человечества проблемы развития народов Севера России являются частью глобальной проблемы развития народов, определяемых как малые коренные, ведущие племенной образ жизни и т.п.

В аспекте конкретно-историческом экономические проблемы развития народов Севера России рассмотрены с учётом исторически сложившейся дифференциации народов Севера по природным, а также сложившимся и развивающимся общественным условиям проживания, видам используемых природных или иных ресурсов и отраслевой структуре хозяйства, социально-демографической структуре населения, укладу жизни и другим признакам.

В аспекте, оценивающем характер влияния внешней общественной среды, рассмотрены социально-экономическое и общественно-формационное состояние современного российского общества, вмещающего народы Севера в свои общественные структуры. Это позволило выявить общий характер предстоящих воздействий на развитие народов Севера России в обозримом будущем.

Анализ рассматриваемых проблем позволил прийти к следующим выводам.

В общеисторическом плане народы Севера России в целом могут быть отнесены к малым коренным «циркумполярным» народам, продолжающим жить в относительно полном гомеостазе с окружающей средой, отставшим в социально-экономическом и общественно-формационном отношении от высокоразвитых и развитых (в политически принятой терминологии) народов. Малые народы подвергаются со стороны народов, вместилих их в свои общественные и территориальные структуры воздействиям, как правило, дискриминационным, которые изменяют природную среду их обитания, социально-экономический и культурно-бытовой уклад жизни. Крайние негативные последствия таких воздействий вызываются, как правило, радикальностью изменений, приводящей к искусственно вызванной деструкции и деградации природной среды обитания, к разрушению жизненного уклада, адекватного общественно-формационным и психофизиологическим особенностям коренных народов. В конечном счёте это может привести и зачастую приводит к разрушению отдельных коренных народов как этнических общностей и включением их в структуру вмещающих этносов в качестве деградирующих групп населения, не имеющих основных этнических признаков и средств к существованию.

В истории человечества значится много исчезнувших народов.

Предотвращение такого негативного развития событий осознано и декларировано современным мировым сообществом как необходимость. Можно полагать, что в современных условиях это вызвано не только соображениями гуманизма и соблюдения прав человека, широко распространёнными в XX веке, в особенности во второй его половине. Не исключено, что в таком подходе проявляется необходимость противопоставить тенденциям интернационализации человечества и сглаживания национальных различий тенденцию сохранения человечеством своего этнического, культурного, цивилизационного разнообразия, как одного из главных условий существования человечества, как сложной системы. Не исключено, что естественно возникший в мире в последней трети XX века, неожиданный для учёных и политиков, феномен национальных течений есть реакция человечества как сложной системы на интенсификацию научно-технической универсализации, нивелирования цивилизаций, межнационального массового распространения поп-культуры и т.п.

Поставив в качестве одной из задач человечества сохранение малых этносов и включение их в общечеловеческие процессы развития, международное сообщество выработало и некоторые общепринятые принципы решения этой задачи. Один из них – предоставление малым коренным народам прав на землю, где они проживают, как на источник ресурсов жизнеобеспечения и как на природную среду обитания. Другой – исключение насильственных методов и социально-экономических противостояний, сотрудничество, партнёрство между государствами, представляемыми правительствами, и малыми коренными народами.

Российская федерация, как новое, образовавшееся в 1991 году государство, приняла такую политику в декларированной форме и на конституционном уровне и в настоящее время находится на стадии выработки законодательной базы для её реализации, в том числе экономическими методами.

В конкретно-историческом плане народам Севера России присуща специфика, связанная в основном со своеобразием их развития в XX веке. В начале века они находились в составе Российской империи, на стадии разложения племенного первобытнообщинного строя при относительно слабом воздействии вменивших их российских общественных структур. Со второй четверти века они испытали активное, а второй половине – особенно активное воздействие социальных, экономических, политических структур складывавшегося в СССР общества в основном в двух направлениях. Одно – идеологизированное стимулирование ускоренного общественного развития народов Севера до уровня развитых народов СССР путём внедрения европеизированных организаций и технического вооружения хозяйства, переселения в оседлые, относительно крупные населённые пункты; внедрение развивавшихся в европейской части СССР социально-экономических отношений, культу-

ры, быта, уклада жизни в целом. Второе направление – ускоренное вовлечение в индустриальное освоение лесных, топливно-энергетических, минерально-сырьевых, рыбных природных ресурсов, сопровождающееся в районах интенсивного освоения разрушением природной среды и природно-ресурсной базы традиционного хозяйства народов Севера.

В конце XX века народы Севера в СССР, а затем в России, как этнические общности оказались в большей или меньшей степени дифференцированными по месту проживания, укладу жизни, источникам жизнеобеспечения, характеру связей с окружающей природной средой. Ассимилированное население включено в новую, урбанизированную среду городов и крупных посёлков; основной источник его жизнеобеспечения – труд в индустриальных, управленческих и иных средах, не связанных с традиционным хозяйством; население живёт в европеизированной системе товарно-денежных отношений, культуры, быта, сосредотачивая в себе интеллектуальную и духовную элиту народа. Ассимилированное население проживает в относительно крупных сёлах и посёлках промышленной и административно-управленческой специализации со смешанным этническим составом населения. Основные источники его жизнеобеспечения связаны с наёмным трудом в нетрадиционных сферах хозяйства и только частично – с использованием отдельных видов традиционных природных ресурсов. Это население внедрено в европеизированный уклад жизни, но сохранило связи с традиционной материальной и духовной культурой как элементами комплекса традиционного уклада жизни, а не как музейными, выставочными, демонстрационными занятиями. Автохтонное население проживает в небольших сёлах с, как правило, однородным этническим составом: жизнеобеспечение его полностью связано с занятостью в традиционных отраслях хозяйства, как основной сфере производительного труда в традиционной природной среде обитания. Оно в наибольшей степени сохранило традиционные уклад жизни, материальную и духовную культуру, хотя и заметно изменившиеся при внедрении в них достижений научно-технического прогресса и под воздействием европеизированной культуры.

В структуре каждого из народов Севера может быть несколько типов населения, реально образующих отдельные разнохарактерные объединения и субобщности: территориально-хозяйственные общности, землячества, культурные объединения, национальные хозяйственные субъекты разных форм собственности, ассоциации, союзы и т.п. Но главным условием сохранения народа Севера как реальной, а не существующей только в воображении этнической общности является наличие в его структуре автохтонного (в отдельных случаях и ассоциированного) населения, жизнедеятельность которого определяющим образом связана с традиционными для этого народа видами хозяйствования в устойчивом единстве с вмещающим ландшафтом. Основой для сохранения конкретного народа Севера, как

этнической общности является сохранение в его структуре такого ядра, сохраняющего традиционный тип природопользования.

Остальное население, ассоциированное и ассимилированное, живёт в общегосударственно распространённом типе экономики и в общем для «развитого» общества жизненном укладе. Вследствие этого решение экономических проблем их развития не нуждается в общих специфичных методах: специфика подхода к этим проблемам проявляется в мерах частного, конкретного, иногда персонифицированного характера. Это население, конечно же, на высоком интеллектуальном уровне собирает, хранит, пропагандирует и демонстрирует национальную культуру и искусство. Но народы Севера сохраняются и будут развиваться, как живые этнические общности не в музее, на сцене и в книгах, а в производственной, бытовой и духовной деятельности, в характерном для этой общности укладе жизни, проходящей в характерном для неё ландшафте.

В применении к народам Севера России экономическое содержание традиционного природопользования состоит в том, что жизнедеятельность территориально и демографически связанной устойчивой группы населения как целостности обеспечивается за счёт исторически устойчивого комплексного использования биологически природных ресурсов, находящихся в районе проживания этого населения. Однако только традиционное по ресурсам, форме, методам, конечным продуктам хозяйствование на только исторически своей «территории традиционного природопользования» в современных условиях не может обеспечить ни развития, ни существования народов Севера. Традиционная система хозяйства этих народов экономически способна обеспечить их существование только с укладом жизни, близким к стереотипам первобытнообщинного строя, при свойственном ему низком уровне потребления и без материальной базы для общественного развития. Для хотя бы относительного сохранения уже достигнутого в конце 1980-х годов уровня жизни народов Севера, ставшего привычным и желанным для автохтонного населения, а тем более для дальнейшего развития необходимы постоянные дополнительные источники ресурсов жизнедеятельности, кроме традиционного, в историческом смысле, природопользования.

В конце XX века в районах Севера России сложились противоречивые и даже конфликтные ситуации, связанные с существованием и развитием народов Севера. Если отвлечься от степени развития и форм проявления этих конфликтов, то к важнейшим из них можно отнести следующие:

- между естественным и искусственно ускоряемым процессами развития народов Севера;

- между традиционным природопользованием и развитием нетрадиционных отраслей хозяйства, природоразрушающих и меняющих тип природопользования в районах Севера в целом;

- между интересами коренного и сформировавшегося из мигрантов населения; с дифференцированностью последнего связана дифференцированность видов и форм противоречий;

- между трудом и существованием за счёт субсидий, как источниками жизнеобеспечения народов Севера;

- между потребностями народов Севера в традиционных природных ресурсах и сокращающейся возможностью пользования ими;

- между общественным характером пользования природными ресурсами в традиционном природопользовании народов Севера и частным характером присвоения и потребления, господствующим в российском обществе в целом.

Таким образом, обусловленные главными противоречиями основные экономические проблемы развития народов Севера России могут быть разделены на два блока, требующие разных по характеру решений. Один ориентирован на сохранение и развитие народа Севера как этнической общности и связан с сохранением и развитием специфичных общественных отношений, типов хозяйства, уклада жизни, связи с окружающей природной средой, характерных для автохтонного населения. Эта группа проблем требует специфичных, общественных по характеру основных методов решения, принципиально отличающихся от общепринятых в государстве. Второй блок проблем связан с развитием ассимилированного и ассоциированного населения, не имеющего резких и специфичных отличий от складывающихся в государстве в целом общественных отношений, уклада жизни, связей с природной средой и т.п. И методы решения этих проблем, индивидуальных по характеру, в основном и главным не имеют отличий от применяющихся в государстве в целом, имея большие или меньшие отступления от них только в отдельных, частных, конкретных случаях.

Следовательно, задача экономического обеспечения сохранения и развития народов Севера как этнической общности имеет сложный характер. Она едина по общей цели, но дифференцирована по характеру жизненно важных экономических проблем и методов решения. Одна из главных сложностей политических и социальных мер по достижению общей цели состоит в обеспечении единства процессов реализации методов её достижения, в том числе и методов экономических, и в недопущении политических и социальных обострений как внутри этнической общности, так и в её отношениях с вмещающим её обществом. Поскольку наша тема ограничена рассмотрением экономических вопросов, подробно

мы рассматриваем только основные специфичные экономические проблемы сохранения и развития народов Севера как этнических общностей, оставляя для других исследований рассмотрение проблематики, связанной с развитием этих общностей в целом, включая проблематику культуры, языка, сохранения обычаев и т.п.

Характер экономических путей развития народов Севера России в конкретный современный «переходный» период определяюще зависит от характера общественного экономического состояния России, складывающегося в конце XX века, и перспектив его развития.

Характеристики воздействия российских общественных (политических, социальных, экономических) структур на народы Севера в «переходный» для России период и за его пределами не поддаются определению с точностью, достаточной ни для конкретного, ни для обобщённого анализа проблем, ни для разработки прогноза с приемлемо ограниченным разбросом вариантов. До последнего времени научно не определено, из какого и в какое общественное состояние, по каким направлениям, какими методами, в каких формах и с какой длительностью происходит этот «переход» и в какой его стадии находится российское общество в 1997-1998 гг. – во время рассмотрения нашей темы.

Однако, элиминируя от возможных непредсказуемых, конкретных экономических и социально-политических изменений, можно описать ориентировочный характер периода, называемого «переходным», опираясь на учёт укрупнённых, длительно действующих факторов, которые в обозримый период будут определять развитие экономики России, а в его рамках – проблемы развития народов Севера.

До 1991 года развитие районов Севера и экономическая политика помощи народам Севера опирались на экономический и демографический потенциал СССР. В 1991 году вышедшая из состава СССР Российская Федерация имела экономический и демографический потенциал в 1,5-2 раза меньший. К 1998 году экономический потенциал России снизился почти в 2 раза по сравнению с уровнем 1991 года. Соответственно снизились экономические возможности по участия России в развитии народов Севера.

В России к 1998 году обострённо повысилась и в обозримом будущем сохранится повышенная потребность в экспортно-значимых топливно-энергетических, лесных, минерально-сырьевых и других природных ресурсах районов Севера. Сырьедобывающая специализация экономики обусловит интенсификацию промышленности, транспортной, социально-экономической, природоразрушающей экспансии в районы проживания народов Севера. При этом соблюдение требований, обуславливаемых гуманными и «экологическими» соображениями, не будет превышать экономических возможностей России.

Как полагают все высказывающиеся по этому вопросу аналитики, в России в 1990-е годы и предстоящие десятилетия формируется капитализм на ранних стадиях капиталистических отношений со всем набором негативных социально-экономических проявлений, характерных для этой фазы. Практика развития капитализма в других странах предполагает в этой фазе жёсткий подход к решению социальных проблем, включая проблемы развития народов Севера. Прогнозы не исключают развития общества в России в разных вариантах «социально ориентированного рынка» с большим вниманием к формированию социальных процессов. Однако материальные и финансовые возможности проявления гуманизма и «социальной ориентации» на государственном уровне в России настолько подорваны, что в ближайшие десятилетия их восстановление нереально.

Следовательно, в обозримом будущем ожидать политики субсидирования развития народов Севера России в объёмах, сопоставимых с объёмами субсидирования в СССР, не следует по причинам как общественно-формационного, так и конкретного экономического характера.

В предстоящие десятилетия следует ожидать не только усиления техногенного пресса на природную среду обитания народов Севера, но и усиленного воздействия на их уклад жизни формирующихся в России товарно-денежных отношений в капиталистической форме, к которым народы Севера, в первую очередь, и в небольшой степени – автохтонные, не подготовлены предыдущим общественным развитием.

В сложившемся положении, опираясь как на мировой опыт, так и на оценки отечественных специалистов, для сохранения и развития народов Севера России было предложено обеспечить им возможность самостоятельного хозяйствования в наиболее привычной для них традиционной форме в районах проживания, названных территориями традиционного природопользования.

Анализ возможностей реализации этого предложения в конкретной системе общественных отношений привёл к необходимости рассмотрения некоторых вопросов, касающихся установления содержания системы явлений, связанных с территориями традиционного природопользования, формирования отношений собственности на природу вообще и у народов Севера в частности, выявления структуры отношений собственности в применении к территориям традиционного природопользования народов Севера. Можно резюмировать следующие основные положения.

Определяя системы субъектов отношений собственности на природу на основе проявляемых ими в этих отношениях интересов, обнаруживаем, что важные для народов Севера отношения частных и общих интересов, частных и общих собственников, частной и об-

щей собственности на природу находятся в сложной диалектической взаимозависимости. Являясь несомненными противоположностями, эти формы являют собой и единство. Частное содержится в общем. Общее содержит частное. И эта сторона взаимосвязи названных форм (видов) собственности исследована недостаточно. В самом деле, частная собственность, отражая интерес частного собственника по присвоению определенного продукта природы, отражает в большей или меньшей мере и общественный интерес. В современном общечеловеческом доме, наверное, невозможно найти крупномасштабный пример частной собственности на природу, удовлетворяющей интересы исключительно частного собственника. Каждая частная собственность как общественное отношение является частью совокупности отношений собственности, как частных, так и общих, составляющих некую общую на достаточно высоком уровне. И, конечно, каждый субъект частной собственности является частью общества на всех иерархических уровнях и в этом качестве является частью общего собственника.

С другой стороны, общая собственность на природу включает в себя совокупности частных собственности. Общий собственник включает в себя совокупности частных собственников. Общий интерес, проявляющийся в отношениях собственности на природу, представляет собой равнодействующую частных интересов. Каждый интерес проявляется и соблюдается, в том числе, и как интерес каждого входящего в эту совокупность частного.

Представляется, что одной из важнейших научных задач для специальных политэкономических исследований могло бы стать изучение проявления этого диалектического соотношения частного и общего в отношениях собственности на природу (возможно – вообще в отношениях собственности), диалектики развития этого соотношения в разные периоды исторического развития, методологических и методических подходов к проблеме определения меры, пределов и характера противоречий и единства частного и общего в конкретных отношениях собственности на природу.

Для нашего вопроса особую сложность представляет поиск специфичных сочетаний частной и общественной собственности в традиционном природопользовании народов Севера, организуемом в российской действительности конца XX века. Общественное по цели и задачам традиционное природопользование должно происходить в формах общественной собственности и в то же время с применением сложившихся внутри этнической общности и устойчивых частных форм собственности и, что ещё более важно, в окружении безусловно господствующей в современном российском обществе частной собственности, формы проявления которой специфичны, но исследованы слабо. Некоторые практические соображения по этому вопросу приводятся ниже.

Второй важный вывод состоит в том, что объект собственности на природу не есть некая вещь, произвольно взятая сама по себе, а является вещью, связанной с окружающим миром экологическими связями, занимающей определенное место в экологических системах. Этот объект может быть целостной экологической системой, частью экологической системы, представляющей собой произвольную пространственную высечку из неё, отдельным элементом экологической системы. В любом случае объект собственности на природу должен рассматриваться в рамках экологической системы как минимум первого вышестоящего иерархического уровня над тем, в который входит вещь, являющаяся объектом собственности.

Это тем более важно для народов Севера, что входящие в их современную структуру автохтонные группы населения живут как элемент природных экосистем; жизнедеятельность этого населения есть часть процессов функционирования природных экосистем.

И третий вывод: современные отношения собственности на природу имеют не только социальный, но и биологический генезис и достаточно длительную историю. Они являются этапом в видовом и пространственном разделении природы живыми организмами с целью обеспечения жизнедеятельности, являются первой по значимости формой организации общественных экономических отношений по поводу присвоения природы, видоизменяются в процессе общественно-исторического развития и современные их формы не останутся последними в организации отношений по поводу присвоения природы. Регулирующая в начале эволюционного развития организменные, популяционные биологические интересы, эта форма отношений перешла в человеческом обществе в форму собственности, регулирующую общественные, экономические интересы как господствующие. Это не значит, что у человечества нет других интересов по поводу пользования природой – можно назвать несомненно имеющие место, хотя и подчиненные, до последнего времени подавляемые социальные, духовные и экологические интересы. Соответственно разнообразным интересам у человечества в целом существуют пока еще так же подчиненные экономическим разнообразные социальные, духовные и экологические отношения по поводу пользования природой. Можно предположить, что на основе развития иных соотношений возникнут новые по форме общественные отношения по поводу присвоения природы, которых человечество еще не знает.

В нашем же случае нужно искать решения, основанные на использовании уже существующих общественных отношений со встраиванием их в современность. Будут ли они созданы путём реставрации общественных отношений, существовавших у народов Севера в начале XX века? Это абсолютно не реально, и может рассматриваться не более, как представляющий отвлечённый интерес бумажный эксперимент, но не для опробования в реаль-

ных социумах. Скорее окажется необходимым вырабатывать жизнеспособный симбиоз в незнакомом сочетании уже знакомых форм отношений частного и общего. При этом главным обстоятельством является приоритет общественной формы собственности народов Севера на природу, вследствие того что эта форма адекватна главной задаче – экономическому обеспечению сохранения и развития народов Севера как этнических общностей, как целостностей. Другие формы собственности могут применяться в отношении пользования природными ресурсами, как обеспечивающие функционирование хозяйства этнической общности для достижения этой главной цели и в конкретных видах и пропорциях, подчинённых этой цели.

Учитывая вышеназванные особенности общественного состояния народов Севера России, тенденции общественного развития в Российской Федерации, специфику системы отношений собственности на природу, можно выделить следующие направления для решения экономических проблем развития этих народов в «переходный» период.

- Выделение автохтонным, а в отдельных случаях – и ассоциированным группам народов Севера, проживающим в форме территориально-хозяйственного общества (общности), территорий традиционного природопользования как средоточия природной среды обитания и основы для устойчивого производительного труда по комплексному и полному использованию традиционной природно-ресурсной базы в традиционных отраслях хозяйства.

- Это условие обеспечивает минимально необходимую, но, возможно, и недостаточную (достаточность должна быть проверена расчётами и практикой) экономическую, материальную основу для сохранения народов Севера как этнических общностей.

- В случае нехватки природных ресурсов выделенной компактной территории традиционного природопользования (причины нехватки здесь не рассматриваются – они индивидуальны в каждом конкретном случае) вышеназванным территориально-хозяйственным общностям народов Севера может быть предоставлена на льготных основаниях возможность использовать отдельные традиционные виды природных ресурсов и на других территориях.

- Создание народам Севера, жизнеобеспечение которых в основном связано с территориально-хозяйственными общностями, правовых и экономических условий для нетрадиционного использования традиционных природных ресурсов и использования нетрадиционных природных ресурсов на территории традиционного природопользования с целью сохранения и развития территориально-хозяйственной общности народов Севера самостоя-

тельно или, за компенсациями, – другими пользователями, избегая при этом нанесения ущерба природной среде и традиционной природно-ресурсной базе.

- Выделение субсидий и других видов разовой или постоянной прямой помощи финансовыми и материальными ресурсами из государственного бюджета или других источников в существенных для экономического обеспечения исторически устойчивого существования этнической общности объёмах в современных условиях и в обозримый период не реально. Тем не менее правовая база для выделения такой помощи в экономической сфере должна быть создана. Необходимо отметить, что объёмы и порядок финансирования развития социальной сферы являются отдельной темой и здесь не рассматриваются.

- В качестве основной формы для исторически устойчивого обладания территорией традиционного природопользования может быть предложена общая собственность территориально-хозяйственной общности народов Севера на эту территорию с исключительным правом пользования на ней традиционными природными ресурсами и преимущественным правом пользования нетрадиционными природными ресурсами. Конкретные условия, определяющие характеристики права собственности и прав пользования, определяются в статусе территории традиционного природопользования.

- Для организации хозяйственной деятельности по использованию природно-ресурсной базы на территории традиционного природопользования используются частные, кооперативные, государственные иные формы собственности, обеспечивающие наибольшую социально-экономическую эффективность использования природных ресурсов и способствующие сохранению и развитию народов Севера как этнических общностей.

- Экономические меры для обеспечения развития групп народов Севера, жизнеобеспечение и уклад жизни которых экономически связаны не с традиционным природопользованием, а в основном с общераспространёнными в российском обществе социально-экономическими условиями, имеют не общую, а индивидуализированную специфику и не рассматриваются в качестве экономической основы существования и развития народов Севера как этнических общностей в целом. Эти меры также важны, в особенности для сохранения и развития культуры и духовности народов Севера, но должны рассматриваться отдельно, в рамках общих для страны организаций экономической жизни общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной работе исследованы некоторые основные экономические проблемы развития народов Севера России в конце XX - начала XXI века.

Сохранение и развитие народов Севера является важной политической и экономической задачей, принятой на себя Российской Федерации на декларативном и конституционном уровнях. Важнейшие проблемы выполнения этой задачи сосредоточены в сфере экономического обеспечения.

В этой книге рассмотрены некоторые теоретические обоснования и практические предложения по выбору общих направлений для принятия мер, обеспечивающих названную сферу жизни народов Севера России.

В заключение целесообразно кратко остановиться на задачах дальнейших исследований.

Важным представляется не потерять времени и сосредоточиться на решении конкретных проблем экономической организации жизни народов Севера, в настоящее время сильно дифференцированных по социально-экономическим, национальным, демографическим и другим признакам.

Важны теоретические и прикладные исследования сочетаний форм собственности, которые обеспечили бы развитие народов Севера как этнических общностей, а не привели их к искусственному и быстрому, социально болезненному разрушительному исчезновению. Главная трудность – вписать явление территории традиционного природопользования с общей формой собственности на природу в капиталистическую, частную, рыночную экономику, формирующуюся в России. При этом могут быть рассмотрены для применения известные формы развития производственной, снабженческо-бытовой и других видов кооперации, как связующего звена между территориально-хозяйственными общностями народов Севера и вмещающих их обществом.

Важно продолжать исследования в направлении полного раскрытия содержания жизнедеятельности народов Севера как неразрывного сочетания этнических, культурных, социальных, экономических, экологических и непосредственно организующих их правовых процессов. До последнего времени эти сферы рассматриваются, как правило, раздельно.

В наибольшей мере необходима защита автохтонного населения. Ассимилированные и ассоциированные группы народов Севера живут в социально-экономически диверсифицированной среде с большей возможностью смены экономических источников жизнеобес-

печения. Для них «право на землю» – дополнительное и не обязательное условие. Для автохтонного населения «право на землю» – это «право на жизнь».

В России конца XX - начала XXI века сетуют на неправильно формирующуюся рыночную экономику, заставляющую человека не жить, а выживать. Но в «российском» рынке и при переходе к нему не выживают представители не только «малых неразвитых», но и «великих и высокоразвитых» народов. Для выживания им нужно не «право на землю», а правильно организованный, социально ориентированный рынок. Автохтонным же группам народов Севера как ядрам этнических общностей для жизни нужна, в первую очередь, земля, природная среда с природными ресурсами для жизнедеятельности.

Повторим: этнические общности народов Севера сохраняются не в музее, не на сцене, не в книгах, а в привычной природной среде, а развиваться могут при активной государственной поддержке. В единстве этих факторов – залог будущего народов Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л. Экономические реалии и абстрактные схемы // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 4 – 19.
2. Автономов В. «Рыночное поведение»: рациональный и этические аспекты // МЭиМО. – 1997. – № 12. – С. 6 – 13.
3. Агранат Г. А. Освоение Севера: Мировой опыт / Серия География зарубежных стран. – М.: ВИНТИ. – 1988. – 168 с.
4. Аитов Н. А. Можно ли управлять социальными процессами // СОЦИС. – 1998. – № 3. – С. 24 – 30.
5. Аитов Н. А. Размышления дилетанта о том, где взять деньги на зарплату // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 91 – 99.
6. Алексеев В. П. От животных к человеку. – М.: Советская Россия, 1969. – 192 с.
7. Алексеев В. П. Этногенез. – М.: Высшая школа, 1986. – 176 с.
8. Андреев И. Л. Некапиталистический путь развития. Опыт философско-социологического анализа. – М., 1974.
9. Андреев И. Л. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. – Владимир, 1973.
10. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. – М.: Мысль, 1988. – 146 с.
11. Атаян И. М. «О книге О. Бессоновой, С. Кирдиной, Р.О. Салливан. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. – Новосибирск, 1996. – 310 с. // МЭиМО, 1998. – №1.
12. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. – М.: Политиздат, 1986. – 334 с.
13. Балицкий В. Г. Великий Октябрь в судьбах малых народов Дальневосточного Севера СССР. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 1984. – 300 с.
14. Барабанов М. Системный кризис экономики России // МЭиМО. – 1995 г. – №3. – С. 17 – 25.
15. Богораз В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. – 1930. – № 1 – 2.
16. Бойко В. И., Попков Ю. В. Развитие отношения к труду у народностей при социализме. – Новосибирск: Наука, 1987. – 174 с.
17. Бойко В. И. Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе / Проблемы современного социального развития народностей Севера. – Новосибирск: Наука, 1987. – 256 с.
18. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Госиздат, 1956. – Т. 39.
19. Бонч-Осмоловский А. Камчатско-Чукотский край. Кн. 1-2. – Северная Азия, 1925. – С. 77 – 89.
20. Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. – 1981. – № 9. – С. 82- 85.
21. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983.

22. Бузгалин А. В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономике. – М.: «Таурус, Просперус», 1994. – 472 с.
23. Бутенко А. Социализм и экономическая неразвитость // МЭиМО. – 1998. – № 3. – С. 138 – 142.
24. Бухвальд Е. Регулирование отношений собственности между Российской Федерацией с её субъектами // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 97 – 111.
25. Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. – Санкт-Петербург, Изд-во Европейского Дома, 1993. – 95 с.
26. Водный кодекс Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1995. – 87 с.
27. Гайдар Е. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 20 – 39.
28. Герасименко В. К итогам и перспективам отечественных реформационных поисков // Российский экономический журнал. – 1997. – № 11 – 12. – С. 10 – 18.
29. Голубчиков С. Аборигены на грани исчезновения: Интервью с зам. председателя Госкомсевера РФ Зайдфудимом П. Х. // Независимая газета, Круг жизни, 1998. – № 3.
30. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Современные общественно – политические преобразования в масштабе социального времени // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 6 – 20.
31. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было ?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 - 40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
32. Гражданское руководство по Всемирному Банку для неправительственных организаций и коренных народов. – Вашингтон: Банковский информационный Центр, - 1995.
33. Грэхем Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
34. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
35. Гумилёв Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экспрос, 1993. – 544 с.
36. Гурвич И. С. Этническая история народов Севера. – М., 1982.
37. Гурвич И. С. Этногенез народов Севера. – М., 1980.
38. Декларация Кари-Ока и Хартия аборигенных народов мира (25 – 30 мая 1992 г.) / Неотрадиционализм на Российском Севере. – М., 1994. – 225 с.
39. Декларация саммита лидеров коренных народов Арктики / Неотрадиционализм на Российском Севере. – М., 1994. – 225 с.
40. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
41. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Совет Европы, (Рим, 4 ноября 1950 года) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
42. Захаров А. А. Муравей, семья, колония. – М.: Наука, 1978. – 144 с.
43. Илларионов А. Модели экономического развития и Россия // Вопросы экономики. – 1996. – С. 5 – 6.

44. Ильин И. А. О частной собственности / Русская философия собственности XVIII - XX : Авт. – сост. Исупов К., Савкин И. – СПб., 1993. – С. 120 – 132.
45. Капитализм как проблема теоретической социологии. (Материалы «Круглого стола») // МЭиМО. – 1998. – № 2. – С. 3 – 20.
46. Кара-Мурза С. Логика «греха» // Советская Россия. – 1997. – 4 января.
47. Кара-Мурза С. Стрела искривлений // Советская Россия. – 1997. – 6 января.
48. Карпинская Р. С., Никольский С. А. Критический анализ социобиологии. – М.: Знания, 1985. – 64 с.
49. Кибернетика живого. Биология и информация. – М.: Наука, 1984. – 144 с.
50. Конвенция 107 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах. Принята МОТ 6 июня 1957 г. // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
51. Конвенция 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах. Принята МОТ 26 июня 1989 г. // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994 – С. 488.
52. Конгро А. Наше личное устройство // Наука и жизнь. – 1991. - № 7. – С. 92 – 96.
53. Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1993. – 59 с.
54. Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. – Новосибирск, 1989. – 127 с.
55. Корчагин Ю. В. Народы Севера России в двадцатом столетии: процесс преобразований в западноевропейской и северо-американской историографии. – СПб. – Петропавловск-Камчатский.: Изд-во Камчат. Гос. Пед. Ин-та, 1994. – 285 с.
56. Кочетов Э. Неоэкономика – новая цивилизационная модель экономического развития в России // МЭиМО. – 1997. – № 3. – С. 79 – 86.
57. Кошкин В., Керенецкий Я. Приватизационный процесс и двухфакторная модель рыночной экономики // Российский экономический журнал. – 1996. – № 2. – С. 22 – 29.
58. Крупник И. И. Арктическая этнология. – М.: Наука, 1989. – 271 с.
59. Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношениях природы и общества. – М.: Наука, 1988. – 415 с.
60. Латынина Ю. Собственность есть кража? // Знание – сила. – 1991. – № 6. – С. 14 – 20.
61. Лашов Б. В., Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Севера. – М., 1982.
62. Лашов Б.В. Некоторые вопросы развития национальных районов Крайнего Севера. – Якутск: Якутское кн. Изд-во., 1973. – 135 с.
63. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 16.
64. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 168.
65. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. – С. 743.
66. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 13.
67. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 102.

68. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39. – С. 174.
69. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. – С. 23.
70. Мессенгиссеер М. Проблемы организационных структур управления российским рынком // Вопросы экономики. – 1997. – № 6. – С. 48 – 55.
71. Моисеев Р. С. Межнациональные отношения и государственное устройство на российском Севере // Региональные проблемы межнациональных отношений в России: Тез. докл. Всерос. конф. (Омск, 1993 г.). – Омск, 1993. – С. 195 – 198.
72. Моисеев Р. С. Об отчуждении собственности природу / /Матер. VI семинара по проблемам методологии и теории творчества. Т. 2. – Симферополь, 1989. – С. 125.
73. Моисеев Р. С. Особенности формирования трудового потенциала сельского хозяйства Камчатской области // Социально-экономические проблемы дальневосточного села. – Владивосток, 1987. – С. 34 – 41.
74. Моисеев Р. С. О социально-экономическом развитии народов Севера на Камчатке // Ресурсы традиционного природопользования народов Севера «Дальнего Востока» России. – Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1996. – С. 103 – 104.
75. Моисеев Р. С. Предложения к концепции общественного развития народностей Севера // Предложения к концепции общественного развития народностей Севера в условиях научно-технического прогресса: Тез. Всесоюз. науч. конф. «Народности Севера: концепция социального экономического развития в условиях научно-технического прогресса» (Новосибирск, 10 – 12 ноября 1988 г.). – Новосибирск, 1988. – С. 83.
76. Моисеев Р. С. Проблемы формирования отношений собственности на природные ресурсы в районах Российского Севера // Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Северо-Восток России: опыт реформы». – Магадан, 1993. – С. 16 – 17.
77. Моисеев Р. С. Районирование и компенсации на российском Севере // СОЦИС. – 1994. – № 7. – С. 130 – 133.
78. Моисеев Р. С. Социально-экономические проблемы развития народностей Севера. – Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, 1989. – 72 с.
79. Моисеев Р. С. Формирование уровня жизни в Камчатской области. / Территориальные особенности формирования уровня жизни населения. – Владивосток, 1988. – С. 55 – 65.
80. Моисеев Р. С. Эволюция остатков родовых отношений народов Севера при переходе к рыночным отношениям // Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Северо-Восток России: опыт реформы». – Магадан, 1993. – С. 48 – 49.
81. Моисеев Р.С. Экологические аспекты политики развития народностей Севера // Экология – народонаселение – расселение: теория и политика: Тез. докл. VI Всесоюз. совещ. По проблемам теории и практики взаимодействия экологии, народонаселения и расселения (Грозный, сентябрь 1989 г.). – Л., 1989. – 181 с.
82. Моя Арктика (интервью с А. В. Беликович, автором книги «Арктика: земля и люди») // Дальневосточный учёный. – 1997. – 25 июня.
83. Мурашко О. Концепция международного этнологического рефугиума. (Доклад, прочитанный на VII Международном конгрессе по традиционным культурам охотников и собирателей 18.08.1993 г.) // Арктика, информационный бюллетень. – 1996. – № 4. – С. 2 – 5.
84. Народонаселение: прошлое, будущее. – М.: Мысль, 1987. – 256 с.
85. Наумова Т. В. Рыночные реформы в российском измерении // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 55 – 61.

86. Немцов Б. Будущее России. Олигархия или демография // Независимая газета. – 1998. – 17 марта.
87. Неотрационализм на Российском Севере. – М., 1994. – С. 225.
88. Никитин Д. И., Новиков Ю. В. Окружающая среда и человек. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
89. Никонов В. Ни олигархического, ни капитализма у нас нет // Известия. – 1998. – 24 марта.
90. Нуукская Декларация об охране окружающей среды в Арктике. Принята 16 сентября 1993 года, Нуук / Неотрадиционализм на Российском Севере. – М. – 1994. – 225 с.
91. Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера. Постановление Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 24.02.1993 г. / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
92. Об упорядочении пользования земельными участками, занятыми под родовые, общинные и семейные угодья малочисленных народов Севера. Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 30.03.1992 г. / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
93. Общественный строй у народов Северной Сибири 17 - начало 20 в. – М., 1970.
94. О внесении изменений в перечень районов проживания малочисленных народов Севера. Постановление Совета Министров Правительства РФ от 07.10.1993 г. № 997 / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
95. О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991-1995 годы. Постановление Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР от 11.03.1991 г. № 84 / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994 г. – 488 с.
96. Окружающая среда: Энциклопедический словарь. Справочник. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1993. – 640 с.
97. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // МЭиМО. – 1998. – № 1.
98. О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера. Указ Президента Российской Федерации от 22.04.1992 г. / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
99. Оноприенко Ю. И. Биологическая организация и наследственная информация. – Владивосток, 1990 г. – 172 с.
100. Оноприенко Ю. И. Закон сохранения информации в биологии. – Владивосток, 1985. – 160 с.
101. Оноприенко Ю. И. Информационные методы в социобиологии. – Владивосток, 1991. – 51 с.
102. О перечне районов проживания малочисленных народов Севера. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.01.1993 г. № 22 / Статус малочисленных

народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.

103. О реформировании системы государственной поддержки районов Севера. Постановление Правительства РФ от 03.12.1997 г. № 1664.

104. Осадчая И. государство в переходной экономике: между Левиафаном и анархией // МЭиМО. – 1998. – № 1. – С. 140 – 147.

105. Ослунд А. Рентоориентированное поведение в российской переходной экономике // Вопросы экономики. – 1996. – № 8. – С. 99 – 108.

106. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М., 1971.

107. Петров А. А. Опыт использования математических моделей для анализа экономики переходного периода // Вестник РАН. – 1998. – № 4. – С. 314 – 327.

108. Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. Ун-та. – 1993. – 431 с.

109. Пономарёв Л. Есть ли будущее у демократического движения в России? // Независимая газета. – 1998. – 19 марта.

110. Хейне Пол Экономический образ мышления. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии Изд-ва «Catalaxy», 1991. – 704 с.

111. Правда России 26.12.1996 г.

112. Предложения к концепции «социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса» // Тезисы Всесоюз. науч. конф. «Народности Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса» (Новосибирск, 10 – 12 ноября 1988 г.). – Новосибирск. – 1988. – С. 83.

113. Проблема собственности: теория, история, практика. Реферативный сборник / ИНИОН РАН. – М., 1995. – 163 с.

114. Проблемы истории докапиталистических обществ. – М., 1968.

115. Проблемы современного социального развития народностей Севера. – Новосибирск: Наука, 1987. – 256 с.

116. Работяжев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // МЭиМО. – 1998. – № 2. – С. 38 – 51.

117. Рабочий документ. Политика и программа в целях развития. Права на землю коренных и ведущих племенной образ жизни народов в отдельных развитых и развивающихся странах: Обзор вопросов права и политики, а также текущей деятельности. – Женева: Международное бюро труда, 1994. – С. 102.

118. Радыгин А. Д. Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. – М.: Республика, 1994. – 154 с.

119. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.

120. Рекомендация 104 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах. Принята МОТ 26.06.1957 г. // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.

121. Розанов Б. Г. Основы учения об окружающей среде. – М.: МГУ, 1984. – 372 с.

122. Россия XXI век (Материалы Всероссийской научной конференции) // Экономист. – 1998. – № 1. – С. 3 – 21.
123. Рудник В. А. Геологическая природа зон этногенеза и полей пассионарности // Вестник РАН. – 1998. – № 4. – С. 333.
124. Румянцев А. М. Первобытный способ производства. – М.: Наука, 1987. – 328 с.
125. Русская философия собственности XVIII - XX. – СПб.: Ганза, 1993. – 511 с.
126. Рывкина Р. Какой капитализм возникает в России? // МЭиМО. – 1997. – № 5. – С. 73 – 80.
127. Рыночные преобразования и структурная политика в России (Материалы российско-германского семинара. Москва, 1995 г.) // Российский экономический журнал. – 1996. – № 1 – 2. С. 11 – 21.
128. Рычков Ю. Г. Реакция популяций на изоляцию // Проблемы эволюции. - Т. 1.— Новосибирск: Наука, 1968. – 273 с.
129. Сакс Д. Стабилизация российской экономики: концепция и действительность // МЭиМО. – 1995. – № 2. С. 58 – 74.
130. Сен – Марк Ф. Социализация природы. – М., 1971. – 355 с.
131. Сергеев М. А. Малые народности Советского Севера. – Магадан, 1957.
132. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. - 1955.
133. Серебрякова Г. Похищение огня. – М.: Советский писатель, 1962. – 839 с.
134. Словарь иностранных слов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 784с.
135. Словарь иностранных слов. – М.: ЮНВЕС, 1995. – 832 с.
136. Смирнов И. Н. Диалектика взаимосвязи социального и биологического. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
137. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
138. Соколова З. П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально – экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность / Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1995. – С. 5 – 42.
139. Соколова З. П. Народы Севера: выживание в условиях рыночной экономики. // Социально-экономические и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность / Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1995. – С. 265 – 335.
140. Соколова З. П. Проблемы этнокультурного развития народов Севера // Расы и народы. – 1990. – № 20. – С. 128 – 150.
141. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
142. Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропой слёз и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. – М.: Мысль, 1990. – 316 с.
143. Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. – 1990. – 20. – С. 5 – 39.
144. Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

145. Тураев В.А. Россия и народы Дальнего Востока: взаимодействие двух миров // Вестник ДВО. – 1997. – № 1. – С. 22 – 27.
146. Философия отношений с природой: споры вокруг глубинной экологии. Специализированная информация / ИНИОН РАН. – М., 1997.
147. Философские вопросы биологии и медицины. М., 1986. – 176 с.
148. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
149. Халифман И. Муравьи. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 304 с.
150. Халифман И. Пчёлы. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 400 с.
151. Халифман И. Шмели и термиты. – М.: Детская литература, 1972. – 320 с.
152. Хартия прав человека: всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
153. Хорос В. Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России // МЭиМО. – 1997. – С. 87 – 98.
154. Чешко С.В. Распад Советского Союза. – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1996. – 309 с.
155. Численность и расселение народов мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 483 с.
156. Широков Г.К. Новое общество или новый строй? // Вестник РАН. – 1998. – Т. 68. – № 3. – С. 225 – 231.
157. Шишков Ю. Переосмысление догм // МЭиМО. – 1997. – № 12. – С. 137 – 143.
158. Шмелёв Н. Новый этап российских реформ: пределы и возможности // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. С. 4 – 15.
159. Шовен Реми. От пчелы до гориллы. – М.: Мир, 1965. – 296 с.
160. Шуралгина И. Переходные процессы и экономическая теория // Экономист. – 1998. – № 1.
161. Экологические очерки о природе и человеке. – М.: Прогресс, 1988. – 292 с.
162. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 2.
163. Ярыгин В.Н. К методологии изучения человека в свете концепции его биосоциальной природы // Философские вопросы биологии и медицины. – М., 1986. – 176 с.